Pl. 8/14.

91 8/14

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЙ БЫТЪ

РУССКАГО КРЕСТЬЯНСТВА.

КРЕСТЬЯНСТВО ДО КОНЦА XVI СТОЛѢТІЯ.

Сочиненіе

Учителя 2-й Кіевской гимназіи

Н. Тумасова.

КІЕВЪ.

Въ Университетской типографіи.

1872

Р1 8/14

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЙ БЫТЪ

РУССКАГО КРЕСТЬЯНСТВА.

КРЕСТЬЯНСТВО ДО КОНЦА XVI СТОЛѢТІЯ.

Сочиненіе

Учителя 2-й Кіевской гимназіи

Н. ТУМАСОВА.

2049/II

КІЕВЪ.

Въ университетской типографіи.

1872.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1872 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЙ БЫТЪ РУССКАГО КРЕСТЬЯНСТВА.

Часть I.

Крестьянство до конца XVI столѣтія.

Вопросъ о русскомъ крестьянствѣ въ ряду историческихъ вопросовъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ и въ то же время одинъ изъ самыхъ запутанныхъ и темныхъ. Въ немъ изслѣдователь на каждомъ шагу встрѣчаетъ весьма серьёзныя затрудненія, происходящія отъ того, что наши лѣтописные и юридическіе источники содержатъ въ себѣ свѣдѣнія о крестьянахъ по большей части отрывочныя. Уже первый шагъ не легокъ. Въ документахъ крестьяне рѣдко-гдѣ записаны подъ своимъ собственнымъ именемъ; обыкновенно они скрываются подъ другими названіями. Документъ, впервые занесшій на свои столбцы это слово, относится къ 1391 г. Документъ этотъ есть грамота, данная митрополитомъ Кипріаномъ Константиновскому монастырю. Въ ней говорится: »Кипріянъ, митрополитъ всеа Руси, такъ рекъ игумену и христіаномъ монастырскимъ [1]).« Употребивши слово крестьянинъ, митрополитъ ставитъ его въ непонятное соотношеніе съ сиротами: »игуменъ сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дѣло монастырское дѣлайте.« Почему же митрополитъ называетъ крестьянъ сиротами? Какое значеніе даетъ онъ этому слову? По недостатку положительныхъ данныхъ мы не можемъ дать основательнаго отвѣта, не смотря на то, что нѣсколько грамотъ, написанныхъ и позже и раньше 1391 г. [2]), показываютъ, что имя сироты нерѣдко примѣнялось къ по-

[1]) А. Ар. Эк. Т. I, № 11.

[2]) Тамъ же № 5; Ак. Ист. Т. I, № 15 и 17; Доп. къ Ак. Ист. Т. I, № 9.

ложенію крестьянина. Судя по началу одной изъ такихъ грамотъ, принадлежащей XIV ст., можно-бы подумать, что сиротами назывались тѣ крестьяне, которыхъ разныя непріятныя обстоятельства жизни приводили къ необходимости покинуть прежнее мѣсто жительства и поселиться на новыхъ участкахъ земли, принадлежавшихъ какому-нибудь помѣщику, а этотъ помѣщикъ, сравнивая ихъ съ старожилами, считалъ какъ-бы осиротѣлыми, т. е. безземельными. »Тако же и сиротамъ, хто иметь сидѣти на земли св. Троицы Отрочья монастыря и тѣхъ монастыревъ, въ нашей отчинѣ, въ Тферьскихъ волостѣхъ и въ Кашинскихъ..., пожаловали есмы тѣхъ сиротъ, не надобѣ имъ никоторая дань [1])...« Но, пробѣгая грамоту до конца, мы убѣждаемся, что оттѣнокъ этотъ имѣетъ характеръ чисто случайный. Случайность его подтверждается сопоставленіемъ всѣхъ грамотъ, гдѣ слово сирота встрѣчается. Такъ какъ грамоты эти относятся большею частью къ духовенству и притомъ монашествующему, то можно думать, что кромѣ его никто не называлъ крестьянъ сиротами тѣмъ болѣе, что всѣ эти грамоты (а ихъ немного) писаны или самими монахами, или подъ ихъ диктовку [2]). Если же только одно духовенство называло крестьянъ сиротами, то какъ называли ихъ другіе, какъ они сами себя называли? Можно положительно утверждать, что съ конца XIV ст. слово крестьянинъ пріобрѣтало все болѣе и болѣе правъ на гражданственность, ибо въ дѣловомъ юридическомъ языкѣ послѣдующихъ вѣковъ оно употребляется чаще и чаще и наконецъ совершенно вытѣсняетъ собою другія. Но не то было раньше XIV вѣка. Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ, какъ напр. Карамзинъ [3]), Бѣляевъ [4]) и др., основываясь на необъясненныхъ еще доселѣ мѣстахъ Русской Правды и на темныхъ извѣстіяхъ, сообщаемыхъ лѣтописями и договорными грамотами Новгорода съ Тверью (XIII ст.), предполагаютъ, что во времена Русской Правды крестьяне носили общее названіе смердовъ. Можно-ли допустить такой выводъ, мы сейчасъ увидимъ.

Въ Русской Правдѣ такъ сказано о смердахъ:

а) »аже смердъ мучить смерда безо княжа слова, то три гривны продажи, а за му́ку гривна кунъ,

---

[1]) А. Ар. Эк. Т. I, № 5.
[2]) Тѣ же акты, что выше.
[3]) Т. II, прим. 67, изд. Эйнерлинга.
[4]) Крестьяне на Руси, стр. 13.

б) оже смердъ умреть безъ дѣтей, то сстатокъ его князю; оже будуть у него дщери дома, то даяти часть на ня, а оже будуть за мужемъ, то не даяти имъ ничтоже части,

в) а за смердій холопъ 5 гривенъ.«

Разсмотримъ сначала первую статью: »аже смердъ мучить смерда безо княжа слова, то три гривны продажи, а за му́ку гривна кунъ.« Возможные выводы, вытекающіе изъ этого постановленія, суть слѣдующіе:

а) смердъ могъ мучить смерда безъ княжа слова, т. е. приказанія,

б) смердъ обязанъ былъ мучить смерда по княжу слову (приказанію);

в) въ первомъ случаѣ онъ подвергался отвѣтственности,

г) во второмъ случаѣ онъ не подвергался никакой отвѣтственности; слѣд.

д) онъ отправлялъ обязанность слуги княжескаго, и въ качествѣ слуги былъ исполнителемъ его распоряженій. Какъ всякій слуга, исполняющій свою обязанность точно и аккуратно, онъ не платилъ штрафа и на оборотъ,

е) онъ, какъ видно, не принадлежалъ къ разряду свободныхъ, потому что его можно было мучить, т. е. бить, наказывать по слову князю, чего съ свободными въ то время не дѣлалось. Свободные за всякое преступленіе, даже за уголовное, откупались гривнами.

»Оже смердъ умреть безъ дѣтей, то сстатокъ его князю: оже будуть у него дщери дома, то даяти часть на ня, а оже будуть за мужемъ, то не даяти имъ ничтоже части.« По точному смыслу этой статьи, смердъ, приближающійся къ смерти, не имѣетъ права свободно распорядиться своимъ имуществомъ. Имущество его есть какъ-бы чужая (княжая) собственность, а не его; между тѣмъ тотъ же законъ завѣщателямъ боярину и людину предоставляетъ полную свободу дѣятельности и не считаетъ ихъ собственности княжескою собственностью. Опять новое доказательство несвободнаго состоянія смерда [1]).

---

[1]) П. С. Л. т. VI, стр. 66: »а иже на боляръхъ, или въ боярстѣй дружинѣ, то за князя сстатокъ не идеть, но аже не будеть сыновъ, а дщери возмуть. Аже кто умирая раздѣлить домъ дѣтемъ своимъ, на томъ же стояти; пакы-ли безъ ряду умреть, то всѣмъ дѣтемъ, и на самого часть дати по души. Аже жена сядеть по мужи, то дати на ню часть« и т. д.

Что же касается третьей статьи о смердьемъ холопѣ, то намъ кажется, что ее слѣдуетъ читать иначе, чѣмъ написано въ спискѣ, которымъ мы пользуемся. Мы полагаемъ, что первоначально въ этомъ мѣстѣ стояло одно слово смердъ и только впослѣдствіи кто-нибудь изъ переписчиковъ, не зная истиннаго его значенія и думая, что оно значитъ холопъ, поставилъ новое слово рядомъ съ старымъ для его объясненія. Изъ предъидущихъ статей мы узнали, что смердомъ назывался слуга, находившійся въ личной зависимости отъ князя. Какимъ же образомъ онъ могъ владѣть холопами? Если же онъ считался свободнымъ, то почему за его голову нигдѣ не положена вира? Намъ же извѣстно изъ Русской Правды, что виры нѣтъ только въ холопѣ и рабѣ. И такъ, смердъ принадлежалъ, по видимому, къ той же категоріи, что и холопъ; но тутъ представляется новое затрудненіе. Въ томъ же законѣ мы читаемъ, что князь не казнитъ продажею татей изъ холоповъ, чьи-бы они ни были — княжіе-ли, боярскіе, или монастырскіе »занеже суть не свободни,« а смердовъ, напротивъ, казнитъ продажею: »то ти уроци смердомъ, оже платять княжю продажю.« Стало быть, смердовъ нельзя причислить и къ холопамъ. Кто же были они? Русская Правда одна безъ другихъ пособій не можетъ представить удовлетворительнаго отвѣта; нужно обратиться къ другимъ источникамъ. Лѣтопись нѣсколько разъ упоминаетъ о смердахъ. Такъ напр. Волчій Хвостъ, воевода Святополковъ, вызывая Новгородцевъ на бой, подтрунивалъ надъ ними слѣд. образомъ: »смерди, почто пріидосте съ хромцемъ симъ (Ярославомъ), а вы плотници суще, заставимъ васъ рубити хоромовь нашихъ« [1]). Когда Владиміръ Мономахъ и Святополкъ звали Олега Черниговскаго на судъ, то онъ отвѣтилъ имъ съ презрѣніемъ слѣдующее: »нѣсть мене лѣпо судити ени коню, ли игуменомъ, ли смердомъ,« обозвавши послѣднимъ словомъ бояръ. »А холопи наша выдайте и смерды,« говорятъ князья. »Яко не годно нынѣ, винѣ, ити хочемъ, погубити смерды и ролью ихъ« [2]) говоритъ дружина. Въ договорныхъ же грамотахъ Новгорода съ Тверью (XIII в.) встрѣчаются такія выраженія: а) »ни закладниковъ пріимати, ни смерда, ни купцины, б) кто куньць пойдеть въ свое сто, а смѣрдь пойдеть въ

---

[1]) П. С. Л. т. XV, стр. 135.
[2]) Тамъ же, т. I, стр. 98, 117 и 118.

свой погостъ« [1]). Отсюда слѣдуетъ, что слово смердъ было весьма распространенное слово; оно употреблялось на сѣверѣ и югѣ, въ XI, XII и XIII столѣтіяхъ; кромѣ того смердъ находится въ связи съ ролею, т. е. съ пахатною землею, и съ погостомъ, т. е. также съ извѣстнымъ поземельнымъ участкомъ; отсюда можно заключить, что вышеприведенное мнѣніе историковъ совершенно вѣрно, что смердомъ дѣйствительно назывался всякій крестьянинъ; но это легче сказать, нежели доказать. При сопоставленіи приведенныхъ выше мѣстъ лѣтописи, не трудно замѣтить, что во времена Русской Правды слово смердъ употреблялось съ весьма разнообразными значеніями,—то въ смыслѣ земледѣльца, то въ смыслѣ нарицательномъ, обозначающемъ пасмѣшку и было равносильно въ этомъ случаѣ выраженіямъ: холопъ, рабъ.

Обращаясь къ филологіи, находимъ, что въ Кашубскомъ языкѣ *smird* значитъ бѣдный селянинъ; въ Чешскомъ *smrdoch* = скряга, въ Сербскомъ *смрдель* = homo inurbanus, rudis, въ Кельтскомъ валисскомъ *smirt* = нищій, попрошайка. Отсюда видно, какъ сильно колеблется значеніе этого слова и какъ трудно составить себѣ отчетливое представленіе о томъ, что такое смердъ.

Въ Русской Правдѣ есть одно мѣсто, которое, какъ намъ кажется, по содержанію своему весьма близко подходитъ къ настоящему вопросу, хотя, по видимому, его и не касается. Оно выдвигаетъ на сцену личность, по своему положенію и обстановкѣ весьма похожую на смерда. Это—закупъ. Объ немъ сказано, что его можно бить, впрочемъ, только за дѣло »аще ли господинъ бѣсть закупа про дѣло, то безъ вины есть,« а мы видѣли раньше, что и смерда можно бить за дѣло. О закупѣ сказано также, что онъ почти свободный человѣкъ, ибо если господинъ побьетъ его »не смысля піянъ безъ вины, то якоже свободну платежь, такоже и въ закупѣ.« Кончивши свои обязательства по отношенію къ господину, закупъ можетъ уйти отъ него; значитъ, нѣкоторое время онъ считался несвободнымъ. Смердъ также почти свободный и почти холопъ. Закупъ въ извѣстномъ случаѣ подлежитъ отвѣтственности за пропажу господскаго имущества и смерды »платятъ княжю продажу.« Закупъ называется ролейнымъ и смерды воздѣлываютъ ролью. О смердѣ отзывались иногда съ презрѣніемъ. На

---

[1]) С. г. гр. и дог. т. I, № 1, 6.

закупа смотрѣли, вѣроятно, такими же глазами, ибо онъ былъ человѣкомъ подзависимымъ, а извѣстно, что человѣкъ подзависимый, запродавшій себя,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ случаѣ напр. неурожая, долженъ кланяться, заискивать и за это, какъ въ подобныхъ случаяхъ водится, получать презрѣніе. Послѣ всѣхъ изложенныхъ соображеній мы въ правѣ, кажется, заключать: 1) что смердъ и закупъ весьма близкіе другъ другу люди; они оба полусвободны и, если есть какая-нибудь разница между ними, то развѣ только та, что смердомъ назывался человѣкъ, принявшій на себя обязательство работать на князя, а закупомъ — человѣкъ, принявшій на себя такое же обязательство работать на боярина, священника и т. д., ибо во всѣхъ случаяхъ, при которыхъ упоминается смердъ, употребляются постоянно слова: князь, княжій. Князья говорятъ напр. »а холопы наша выдайте и смерды,« или »смерды платятъ княжю продажю« и т. д.; о закупѣ же этого сказать нельзя, и 2) что названіе *смердъ* не распространялось на все крестьянское населеніе; оно распространялось только на тѣхъ, кто вступилъ по отношенію къ князю въ долговыя или служебныя обязательства [1]).

Если же въ періодъ времени отъ IX до XIV вѣка крестьяне не назывались общимъ именемъ смердовъ, то какъ же? Есть основаніе думать, что они назывались просто *людьми;* по крайней мѣрѣ людиномъ въ Русской Правдѣ названъ земледѣлецъ, что явствуетъ изъ словъ законодателя, по смыслу которыхъ людинъ есть членъ верви,—тогдашняго общественнаго союза, а этотъ союзъ, вслѣдствіе всегдашняго преобладанія въ Россіи земледѣлія надъ другими занятіями, былъ союзомъ земледѣльческимъ, и каждый членъ его былъ, по самой сущности дѣла, земледѣльцемъ. Какъ земледѣлецъ, людинъ поставленъ въ выразительное отличіе отъ купцовъ, бояръ и разныхъ служебныхъ лицъ, которыя

---

[1]) Лешковъ (Рус. нар. и госуд. М. 1858 г. стр. 156—157) полагаетъ, что смерды были, по всей вѣроятности, военноплѣнные, поселенные на земляхъ князя или казны. Они имѣли, продолжаетъ онъ, недвижимую собственность, съ правомъ распоряженія ею при жизни и на случай смерти (?) На сколько вѣрно послѣднее замѣчаніе, можно видѣть изъ текста. Не извѣстно, почему авторъ ставитъ смердовъ выше закуповъ? Если онъ, подобно намъ, думаетъ, что первые принадлежали князьямъ, а послѣдніе — боярамъ, и потому первые по его мнѣнію выше, то почему нѣтъ объясненія?

отмѣчены законодателемъ въ другомъ мѣстѣ. Онъ отличенъ также отъ полусвободнаго и несвободнаго состояній во-первыхъ тѣмъ, что за его голову положена высокая для того времени вира 40 гривенъ («паки ли людинъ, то 40 гр.»), за холопа между тѣмъ платилось только 5 гривенъ, и во-вторыхъ тѣмъ, что закономъ ему позволено было свободно завѣщать свое имущество, и это имущество ни въ какомъ случаѣ не признавалось собственностью князя. Если отъ Русской Правды перейдемъ къ актамъ, изданнымъ въ такомъ огромномъ количествѣ и подъ разными названіями Археографическою коммиссіею, то и тутъ мы увидимъ то же самое; мы увидимъ, что и въ нихъ крестьяне почти вездѣ называются *людьми*, съ прибавленіемъ нерѣдко эпитета—житый, или черный, или волостной, или монастырскій, или тяглый. Вотъ данныя, на основаніи которыхъ позволительно утверждать, что въ періодъ времени, обнимающій собою по крайней мѣрѣ три столѣтія, начиная съ XI и оканчивая XIV, крестьяне носили общее названіе людей такъ точно, какъ послѣ XIV ст. они стали именоваться нынѣ употребляемымъ словомъ.

Что же касается другихъ названій, то всѣ они имѣютъ болѣе или менѣе частный характеръ и объясняются тогдашнею точкою зрѣнія на него. Иногда ему давали названіе, проистекавшее отъ доли участія его въ поземельной собственности, иногда отъ извѣстныхъ юридическихъ отношеній его къ землевладѣльцу, на землѣ котораго онъ сидѣлъ, иногда отъ рода занятій и проч.

Разсматриваемые со стороны занятій, крестьяне получали названіе мастеровъ, плотниковъ, сокольниковъ, бобровниковъ, бортниковъ, ловчихъ, псарей, тетеревниковъ, кочетниковъ, изорниковъ, огородниковъ и капустниковъ. По отношенію къ землѣ, на которой сидѣли, они назывались княжими, дворцовыми, монастырскими, боярскими и волостными. Финансовая правительственная точка зрѣнія на крестьянъ произвела названія: тяглый, черный, бѣлый, оброчникъ, данный, письменный и неписьменный. Владѣльческому, помѣщичьему элементу принадлежитъ происхожденіе названій: купленный (окупленный), данный, половникъ (посполитый), третникъ, наймитъ, серебряникъ, дворный, закладень, старожилецъ, пришлый, слуга (служня), кметы и инокняжцы. Все это—названія, вытекающія изъ господства частнаго права. Государственно-административная точка зрѣнія проглядываетъ только въ

одномъ случаѣ, а именно: въ раздѣленіи крестьянъ на тяглыхъ и нетяглыхъ, на городскихъ и волостныхъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ названій не нуждаются въ объясненіяхъ; они сами собою показываютъ, что рѣчь идетъ о низшемъ классѣ населенія или о крестьянахъ; таковы: огородники, капустники, изорники (отъ орать — пахари), закладни (въ залогъ своей личности взявшіе деньги), оброчники (дающіе оброкъ), бортники (пчеловоды—отъ борть), наймиты (наемные рабочіе), слуги, плотники, мастера, бобровники (занимающіеся ловлею бобровъ и бобрами платящіе дань), ловчіе и тетеревники (охотники), дворскіе или дворовые люди. Указаніе на крестьянъ, заключающееся въ остальныхъ названіяхъ, уже не столь очевидно, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, какъ можно видѣть изъ подлинныхъ словъ нашихъ источниковъ. Для примѣра приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Въ жалованной грамотѣ Вологодскаго князя Андрея Васильевича Николаевскому монастырю сказано: »кто у нихъ въ тѣхъ селѣхъ и деревнѣхъ иметъ жити людей тутошныхъ, старожилцовъ и пришлыхъ инокняжцовъ и тѣмъ ихъ людемъ не надобѣ моя дань (вычисленіе повинностей)..., ни къ сотскимъ, ни къ старостамъ, ни къ десятскимъ съ тяглыми людьми не тянутъ ни въ какіе проторы, ни въ разметы.... Намѣстники и волостели не судятъ ихъ ни въ чемъ и не въѣзжаютъ«[1]). Въ грамотѣ в. кн. Василія I Спасскому монастырю сказано: »кого архинадритъ посадитъ въ той деревнѣ своихъ людей купленыхъ, или кого перезовутъ людей въ ту деревню изъ иныхъ княженій (ср. инокняжцы), а не изъ моей вотчины..., и тѣмъ людемъ не надобѣ..., никоторый проторъ, ни розметъ«[2]).

Въ уставной грамотѣ крестьянамъ села Высоцкаго говорится: »старосту и крестьянъ всѣхъ, селчанъ и деревенщиковъ: кто у нихъ нашъ волостель ни будетъ и онъ у нихъ ходитъ по сей нашей грамотѣ... (вычислено кормленіе). А съ починковъ письменныхъ, съ непашенныхъ, и съ новыхъ починковъ, которые сѣли послѣ письма до урочныхъ лѣтъ«[3]).

---

[1]) Д. къ Ак. Ис. т. I, № 17; Ак. Ис. т. I, № 49, 74, 208; А. Ар. Эк. т. I, № 181, 208, 211, 234, 268, 300 и 19.

[2]) А. Ис. т. I, № 28.

[3]) Тамъ же № 138.

Въ жалованной грамотѣ Ярославскаго князя Ѳеодора Ѳеодоровича Толгскому монастырю такъ сказано: »пожаловалъ есмы игумена... деревнею Куколцынымъ... кто въ ней иметь жити хрестьанъ... а свяжется тѣмъ крестіаномъ судъ съ моими крестіаны съ волостными...« [1]).

Въ грамотѣ Василія III сказано: »пожаловалъ есмы Василія Тимоѳѣева, сына Олексѣева... деревнями черными...« [2]).

Довольно и этихъ извлеченій, чтобы убѣдиться, что всѣ тѣ люди, которыхъ грамоты называютъ тяглыми, письменными, неписьменными, волостными, черными и проч., суть никто иные, какъ крестьяне, ибо самые важные атрибуты крестьянина суть: земля и земледѣліе, село и деревня, и земледѣлецъ некрестьянинъ есть на Руси явленіе немыслимое, а между тѣмъ онъ именно таковымъ представленъ выше.

Кромѣ признаковъ, состоящихъ въ земледѣліи и селѣ, есть еще и другіе признаки, по которымъ можно узнать, что эти люди—крестьяне. Таковы напр. запрещеніе переходить имъ не о Юрьевѣ днѣ съ мѣста на мѣсто, подчиненіе ихъ сельскимъ властямъ и т. п.

Половниками или посполитыми людьми назывались тѣ крестьяне, которые обработывали владѣльческую землю за половину жатвеннаго сбора [3]), а третники—тѣ, которые работали за третью часть дохода [4]). Серебрянниками назывались тѣ, кто работалъ за задѣльную плату, или серебро [5]). Наконецъ, кочетниками назывались рыболовы, о которыхъ въ Псковской судной грамотѣ такъ сказано: »А запрется кочетникъ, отрока государева, ино ему правда дать; а государь не доискался съ ысады рыбной части« [6]).

Изслѣдователь, который берется разсматривать или цѣлое общество, или только извѣстную часть его (дворянъ или крестьянъ), въ

---

[1]) А. Ар. Эк. т. I, № 15.

[2]) Тамъ же № 162.

[3]) Тамъ же № 48: »билъ ми челомъ игуменъ Касьянъ, а сказываетъ, что у него отказываете людей монастырскихъ.... половниковъ.« Изъ Псковской же судной грамоты видно, что половники были именно крестьяне. Въ ней сказано: »а которой изорникъ отречется отъ государя села, или государь его отречетъ, и госюдарю взять у него все половину своего изорника, а изорникъ половину.«

[4]) А. Ар. Эг. т. I, № 3.

[5]) Тамъ же № 48 и 73; Д. къ Ак. Ис. т. I, № 198; С. г. гр. и д. т. I, № 83.

[6]) Пск. Суд. гр., изд. Мурзакевича. Одесса, 1847 г.

томъ и другомъ случаѣ приходитъ къ одному необходимому заключенію, что историческое теченіе жизни людей зависитъ отъ сцѣпленія самыхъ разнообразныхъ условій, возникающихъ во-1-хъ, изъ физическихъ особенностей мѣстности, на которой совершается жизненный процессъ общества, и во-2-хъ, изъ крупныхъ политическихъ событій. Послѣднія иногда до основанія потрясаютъ общественный организмъ, нерѣдко задерживаютъ развитіе его, а чаще всего измѣняютъ характеръ и направленіе этого развитія. Отъ совокуннаго дѣйствія природы и политическихъ обстоятельствъ происходитъ выработка того типа, который привыкли называть національностью. Общество въ своихъ жизненныхъ отправленіяхъ и въ своемъ развитіи представляетъ поразительное сходство съ отдѣльнымъ индивидуумомъ. Что полезно для одного, то благотворно дѣйствуетъ и на другое, и обратно: что вредитъ одному, то производитъ вредное дѣйствіе и на другое. Хорошій воздухъ и здоровая пища, напримѣръ, есть залогъ здороваго развитія индивидуальнаго организма и въ то же время условіе благополучной жизни народа и на оборотъ. Сильные физическіе удары производятъ не только однѣ физическія болѣзни, но часто вмѣстѣ съ ними умственное сотрясеніе и болѣзнь духа. Нападеніе разбойниковъ нерѣдко производитъ совершенный переворотъ въ экономическомъ положеніи отдѣльнаго человѣка и не только въ экономическомъ: оно вліяетъ иногда на цѣлый строй его нравственной и умственной сферы. Вторженіе варваровъ соединено бываетъ съ такими же послѣдствіями для жизни цѣлаго народа. Поставленный силою разныхъ обстоятельствъ въ затруднительное положеніе, отдѣльный индивидуумъ, а по образцу его и общество, старается выйти изъ него и достигнуть лучшаго; но для этого нужна борьба. И вотъ та степень энергіи, которая употребляется на борьбу съ препятствіями, обрисовываетъ личность борца и сообщаетъ ему типичность.

Сдѣлать надлежащую оцѣнку тѣмъ явленіямъ, которыя въ жизни общества (или какой-нибудь части его) составляютъ его обстоятельства, значитъ достигнуть возможности ясно уразумѣть историческую жизнь самого общества. Въ противномъ случаѣ правды не сыскать и съ Діогеновымъ фонаремъ.

Приступая съ этимъ взглядомъ на науку къ изученію историческаго прошлаго нашихъ крестьянъ, мы должны прежде всего обратить вниманіе на слѣдующіе важные вопросы:

1) Каковы физическія условія, въ которыя мы поставлены, и каково вліяніе ихъ на нашъ древнѣйшій бытъ;

2) Каково значеніе государственнаго переворота въ 862 году;

3) Какъ отразились въ жизни крестьянъ княжескія междоусобія, происходившія въ теченіе удѣльно-вѣчеваго періода;

4) Какой, наконецъ, порядокъ и какія начала привнесены въ крестьянскую среду и что въ свою очередь въ ней парализовано и атрофировалось съ появленіемъ и во время господства татаръ.

Мы увидимъ впослѣдствіи, что нѣкоторыя изъ этихъ условій имѣли благодѣтельное вліяніе на судьбу нашихъ крестьянъ, а нѣкоторыя — пагубное, окончившееся ограниченіемъ ихъ личной свободы. Ограниченіе это съ небольшими перерывами и нѣкоторыми различіями въ восточной и западной областяхъ Россіи продолжалось до конца XVIII ст. Утро XIX вѣка взошло веселою зарею для крестьянъ. Оно заронило въ ихъ душу лучъ надежды на лучшее будущее. Пробы Павла I и его двухъ преемниковъ нашли наконецъ примѣненіе въ указѣ 19 февраля 1861 г.

Важность поставленныхъ вопросовъ мы признаемъ столь великою, что даже не понимаемъ, какъ можно приступить къ изученію быта крестьянъ, не указавши на отношеніе ихъ къ этому быту.

До-историческое время.

Наша историческая жизнь началась, какъ извѣстно, во второй половинѣ IX в., когда были призваны Варяго-русскіе князья. До призванія ихъ наши праотцы, по ясному свидѣтельству лѣтописца, жили отдѣльными племенами, которыя состояли изъ группы общественныхъ союзовъ, расположенныхъ по городамъ и селамъ. Они жили подъ непосредственнымъ и могущественнымъ вліяніемъ окружающей ихъ природы. Она диктовала имъ не только выборъ пищи, но и наиболѣе подходящія занятія, создавала привычки, обычаи и наконецъ общественныя установленія, короче: отъ нея зависѣли всѣ формы ихъ быта и ею же обусловливалось послѣдующее ихъ развитіе [1]). И это не есть

---

[1]) Говоря о бытѣ Древлянъ и Вятичей, лѣтописецъ прямо выражаетъ эту мысль: «живяху въ лѣсѣ, яко всякій звѣрь, ядуще все нечисто» и проч.

особенность, свойственная одному только русскому народу; до-историческое время всѣхъ народовъ точно также протекало въ подчиненіи природѣ. Отсюда слѣдуетъ, что прежде, чѣмъ изображать до-историческое прошлое нашихъ предковъ, слѣдуетъ ознакомиться съ характеромъ мѣстности, которая служила имъ мѣстомъ первоначальнаго поселенія.

Они жили по среднему бассейну Днѣпра и въ озерной области. Эта мѣстность довольно разнообразна. Въ экваторіальномъ направленіи она пересѣкается двумя возвышенностями невысокаго подъема: Урало-Балтійскою и Урало-Карпатскою, между которыми заключающееся пространство есть низменность, покатая къ югу. Въ окрестностяхъ Ильменя Урало-Балтійская возвышенность съ своими озерами и рѣками достигаетъ наибольшей высоты, не превышающей однакоже $^1/_3$ версты. Здѣсь резервуаръ всѣхъ водъ, скатывающихся на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ. Кромѣ обилія въ водѣ, эта мѣстность отличается богатствомъ лѣсовъ, которые обширны еще и нынѣ, не взирая на неэкономическое пользованіе ими; въ старину же эти лѣса были просто непроницаемы. Почва мѣстами состоитъ изъ гранита, мѣстами изъ глины и извести, а въ болотистыхъ пространствахъ изъ чернозема. Такія свойства грунта въ соединеніи съ сырымъ и холоднымъ климатомъ ставятъ какъ теперь, такъ и прежде ставили, серьёзныя преграды для занятія земледѣліемъ. Жителямъ этой мѣстности природа указала не на пашню, а на лѣсъ, рѣки и близкое море.

Урало-Карпатская плоская возвышенность имѣетъ по-преимуществу черноземную почву, вполнѣ пригодную для разнообразныхъ хлѣбныхъ посѣвовъ, и климатъ ея гораздо мягче и суше климата Урало-Балтійской возвышенности. За то, благодаря особенному свойству ея подпочвы, въ ней есть и было гораздо меньше лѣсовъ, чѣмъ въ предъидущей, хотя въ прежнее время и сама Урало-Карпатская гряда была богаче лѣсомъ, нежели теперь. Стоитъ лишь припомнить, что въ XI вѣкѣ Кіево-печерскую лавру окружалъ лѣсъ, что по близости къ городу Кіеву князья охотились на дикихъ звѣрей и били волковъ тамъ, гдѣ теперь улицы, чтобы имѣть понятіе о томъ, что было когда-то.

Между этими двумя возвышенностями простирается, какъ выше сказано, низменность. По обѣимъ сторонамъ Припети она представляетъ углубленіе, наполненное болотами, между которыми одно достигаетъ величины 100 кв. миль. На сѣверо-западъ отсюда низменность

пріобрѣтаетъ характеръ Урало-Балтійской возвышенности: болота смѣняются озерами и равнинами съ почвою песчаною, глинистою и рѣдко черноземною. На сѣверо-востокъ и югъ мѣстность поднимается, озера и болота становятся рѣже, и почва, сначала песчаная и глинистая, переходитъ наконецъ въ черноземъ вѣсьма жирнаго на югѣ свойства. Климатъ низменности различенъ, хотя различіе это не велико. Такъ напр. въ нынѣшней Смоленской губерніи высшая температура доходитъ до +25° по Р., а въ Гродненской до +28°; низшая температура въ первой —23° по Р., столько же и во второй. Говоря вообще, разсматриваемая мѣстность имѣетъ климатъ, который скорѣе можно назвать влажнымъ, нежели сухимъ, потому что напр. въ Смоленской губерніи число снѣжныхъ и дождливыхъ дней равняется 120, а въ Гродненской 145, отъ чего здѣсь иногда пропадаютъ хлѣба и наступаетъ неурожай [1]). Въ частности же восточная ея половина суше западной; здѣсь могутъ расти удовлетворительно хлѣба, разныя овощи и лѣсъ. Послѣдній занимаетъ въ настоящее время $^1/_3$ пространства [2]).

Изъ сказаннаго видно, что мѣстность, которую занимали наши предки до IX столѣтія, представляетъ два различныхъ типа, — типъ озерной области и типъ Днѣпровскаго бассейна. Въ первой жили Новгородскіе славяне и часть Кривичей; въ Днѣпровскомъ бассейнѣ остальная часть Кривичей, Древляне, Поляне, Сѣверяне, Радимичи и Вятичи. Тѣ племена, которыя заняли озерную область, должны были избрать себѣ занятіемъ торговлю, рыбный промыселъ и охоту, оставивъ хлѣбопашество на второмъ планѣ, а тѣ племена, которыя заняли Днѣпровскій бассейнъ, должны были поступить на оборотъ; они должны были обратиться къ земледѣлію, какъ къ главному источнику существованія, а всѣ другіе промыслы и занятія отодвинуть на заднее

---

[1]) Конечно, случаи неурожая и слѣдующаго за нимъ голода бываютъ здѣсь рѣже, чѣмъ въ озерной области.

[2]) Мат. для Геогр. и Стат. Россіи (губ. Смол. стр. 62, 113, 115, 116 и 212; Мин. т. I, стр. 73, Вилен. стр. 115—118, 430, 431; Гроднен. т. I, стр. 141, 143, 315; Черниг. стр. 7; Калуж. т. I, стр. 433—434).

Поверхность Смол. губ.=4,869,466 дес., изъ которыхъ подъ лѣсомъ около половины (2,251,403 дес.).

Виленской=3,828,802 - - - - - - $^1/_3$ лѣсу

Гродненск.=3,352,724 - - - - - - $^1/_3$ — (1,032,787 д.)

Минской =4,277,000 - - больше $^1/_2$ —

Въ Черниговской и Калужской лѣсу около $^1/_4$ пространства.

мѣсто. Однообразныя занятія сѣверной группы племенъ и противуположныя, но также однообразныя занятія южной группы, вели неминуемо къ болѣе тѣсному сближенію между собою племенъ одной группы и къ образованію двухъ племенныхъ союзовъ — сѣвернаго и южнаго. Повѣряя этотъ логически построенный выводъ лѣтописными извѣстіями, мы находимъ, что онъ имъ нисколько не противурѣчитъ. Не смотря на всю свою скудность, лѣтописи однакожъ указываютъ, что Поляне, Древляне [1]) и Вятичи [2]) были племена земледѣльческія,

---

[1]) Взявши Искорость, Ольга послала сказать Древлянамъ: »что хочете досѣдѣти? а вси гради ваша предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя.« П. С. Р. Л. т. I, стр. 25.

[2]) Тамъ же стр. 35. Владиміръ »Вятичи побѣди и възложи нань дань отъ плуга.«

Разсказъ Нестора о доисторическомъ бытѣ нашихъ предковъ многіе ученые, какъ-то: Шлецеръ, Карамзинъ, Соловьевъ, Кавелинъ и др. подвергали критическому анализу и приходили къ различнымъ заключеніямъ, изъ которыхъ ни одно однакожъ не доставляетъ полнаго удовлетворенія. Все-таки этотъ вопросъ нуждается еще въ серьёзномъ разборѣ, который разрѣшилъ-бы всѣ недоумѣнія и противурѣчія. Желая принести посильную дань наукѣ, мы представимъ здѣсь нѣкоторыя изъ своихъ соображеній. Повѣсть времянныхъ лѣтъ состоитъ изъ двухъ частей. Первая часть заключаетъ въ себѣ исторію разселенія людей по всей землѣ и исторію появленія и разселенія Славянъ по Европѣ. Во второй части изображается бытъ русскихъ Славянъ сперва отрывочными, разбросанными замѣчаніями, потомъ краткимъ, но связнымъ изложеніемъ. Первая половина повѣсти есть ничѣмъ не замѣнимая драгоцѣнность; здѣсь русскій сочинитель XI вѣка помѣстилъ столько точныхъ и достовѣрныхъ указаній о Славянахъ, какъ никто изъ писателей стараго времени. Онъ указалъ имена Славянъ, мѣсто поселенія ихъ, всѣ перевороты, какіе производили въ славянскомъ мірѣ варвары, и даже имена самихъ варваровъ, безъ различія называемыхъ въ западной Европѣ то гуннами, то турками. Одного только не достаетъ у Нестора—хронологіи. Все описаніе представляетъ сплошной разсказъ безъ годовъ. Видно однакожъ, что лѣтописецъ чувствовалъ потребность годовъ; видно, что онъ доискивался, когда происходило то или другое событіе, но кромѣ двухъ-трехъ указаній ничего не могъ отыскать. »Угри начаша быти при Иракліи цари, иже находиша на Хоздроя, царя Перьскаго.... Въ си же времена быша и Обри, ходиша на Ираклія царя.... Наки идоша Угри Черніи мимо Кіевъ, послѣ же при Олзѣ.« Свѣряя эту часть повѣсти съ иностранными извѣстіями, мы приходимъ къ убѣжденію, что она достовѣрна, какъ можно только требовать. Тутъ сказано, что Славяне составляютъ одно семейство (см. Narod slaw.), которое произошло отъ Норцевъ, жившихъ во времена ап. Павла въ

что по Днѣпру пролегалъ торговый путь съ сѣвера (указаніе на торговлю сѣверныхъ племенъ) и что, наконецъ, въ IX вѣкѣ существовало

Иллиріи [(П. С. Р. Л. т. I, стр. 2, 12). У Классена (Мат. для ист. Слав.) есть указанія на то, что еще до Р. Х. не только въ Иллиріи, но и на Апеннинскомъ полуостровѣ жили Славяне]. Далѣе говорится, что съ теченіемъ времени Славяне поселились на Дунаѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ XI в. находились Венгрія и Болгарія (и это случилось раньше VI в., ибо Византійскіе писатели этого вѣка знаютъ о нападеніи на Дунайскихъ Славянъ какого-то Бояна, который жегъ ихъ селенія. Memor. popul. II—48). Вскорѣ на нихъ напали выходцы изъ Хазаріи—Болгаре и, завоевавши ихъ страну, поселились между ними. Потомъ, при царѣ Ираклія здѣсь появились Угры и Обры (Авары ?). Въ X в. пришли Черные Угры, которые побѣдили Волоховъ и подчиненныхъ имъ Славянъ и образовали Венгерское государство. П. С. Р. Л. т. I, стр. 5, 11. (О Болгарахъ и Венграхъ VII ст. также и Византійцы говорятъ). Ханъ Аварскій чуть не схватилъ даже самого Ираклія въ 619 г. Memor. popul. т. I—743. Въ X ст. Венгрія дѣйствительно дѣлилась на бѣлую и черную. См. у Карам. Гебгарди въ 302-мъ примѣчаніи къ первому тому. Волохи здѣсь—или Италіанцы (см. Несторъ Шлецера), или Вильцы, съ которыми воевалъ Карлъ Великій, или наконецъ Румыны, происшедшіе, какъ извѣстно, изъ смѣси Даковъ и Римлянъ. (Тунмамъ — Über die Geschichte der Wlach. стр. 323). Венгерскій лѣтописецъ (Anonymi histor. ducum Hungariae) говоритъ, что Угры и ли Венгры въ концѣ IX ст. имѣли столкновеніе въ Венгріи съ Волохами (см. у Карамз. т. I, прим. 65). Нѣсколькократное появленіе на Дунаѣ чужеродцевъ, продолжаетъ Несторъ, вызвало сильный отливъ Славянъ отъ Дуная и переселеніе ихъ на сѣверъ и востокъ. Одни изъ нихъ выселились на рѣку Мораву и отъ имени ея назвались Моравами, другіе назвались Чехами, Бѣлыми Хорватами, Сербами и Хорутанами. Часть Моравовъ и Чеховъ, перешедшая на Вислу, называлась Ляхами, а отъ сихъ послѣднихъ произошли Поляки, Лутичи (Ленчичане?), Мазовшане и Поморяне. Славяне же, жившіе на Днѣпрѣ и по обѣ стороны его были колоніями Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ. Далѣе у Нестора слѣдуетъ извѣстное перечисленіе русскихъ Славянъ. До сихъ поръ все ясно, опредѣленно и точно.

За тѣмъ слѣдуетъ другая половина повѣсти, гдѣ изображенъ бытъ русскихъ Славянъ. Бытъ этотъ заключается въ слѣдующихъ немногихъ выраженіяхъ: у Полянъ, жившихъ особо и владѣвшихъ родомъ своимъ, было три брата: Кій, Щекъ и Хоривъ. Они построили Кіевъ и назвали его по имени старшаго брата. Кій ознаменовалъ себя походомъ въ Цареградъ. По смерти этихъ братьевъ Поляне подвергались нападеніямъ Древлянъ и другихъ сосѣдей и наконецъ подпали власти Хазаръ, которымъ принуждены были платить дань, продолжавшуюся до временъ Аскольда и Дира. Сосѣди Полянъ—Древляне, Дреговичи и дру-

два союза; одинъ сѣверный, который платилъ дань Варягамъ, а другой южный, который находился въ зависимости отъ Хазаръ. Занимаясь,

---

гіе жили отдѣльною, независимою другъ отъ друга жизнью, составивши себѣ особое княженіе (»въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣне свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане«). У нихъ были города. На нѣкоторыя племена нападали Обры, Печенѣги, Угры. Наконецъ, каждое изъ племенъ »имяху обычаи свои и законъ отець своихъ и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матерямъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемь и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху; брачныи обычаи имяху; не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ а завътра приношаху по ней, что вдадуче. А Древляне живяху звѣриньскимъ обычаемъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жѣны. Аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ, и по семъ творяху каду велику, и възложахуть и на каду мертвеца, сожьжаху, а по семъ собравше кости, вложаху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божія, по творяще сами собѣ законъ.«

О чемъ здѣсь говорится? О бракахъ, похоронахъ и сдѣланы намеки относительно гражданской и политической жизни. О жилищахъ и занятіяхъ ни слова. Интересна особенность этой части. Каждое извѣстіе, разсматриваемое отдѣльно отъ другихъ, не представляетъ ничего сомнительнаго; разсматриваемое же въ совокупности съ другими не понятно. Ничего нѣтъ несообразнаго въ томъ, что Поляне жили родами, что Древляне, Сѣверяне и друг. племена составляли особыя княжества, что Поляне были цивилизованнѣе Древлянъ, что жены у нѣкоторыхъ племенъ были похищаемы и т. д. Но совсѣмъ другое выйдетъ, если эти данныя сопоставимъ другъ съ другомъ.

Радимичи, Вятичи и Сѣверяне жили въ лѣсу по подобію звѣрей, питаясь чѣмъ попало, не зная браковъ, а сходясь на игры, учрежденныя и совершавшіяся между селами, говоритъ лѣтописецъ.

Жить въ лѣсу подобно звѣрю—явленіе возможное;

Жить въ лѣсу и сходиться—также возможно;

Жить въ лѣсу по звѣрски и сходиться на игры—уже трудно допускаемое явленіе; но

Жить въ лѣсу по звѣрски и сходиться на религіозные, общественные праздники—рѣшительно невозможно. Одно изъ двухъ: или всѣ эти племена находились въ дикомъ состояніи, или въ условіямъ осѣдлой жизни. Образъ жизни современныхъ дикарей на обѣихъ половинахъ

чѣмъ позволила природа, каждое племя жило отдѣльно отъ другихъ и сознавало свою независимость отъ нихъ (»живяху кождо съ своимъ

земнаго шара позволяетъ намъ подмѣтить общія типическія черты, свойственныя этой жизни; 1) отсутствіе городовъ и селъ, весьма часто и шатровъ, какъ напр. у Іолофовъ, Сомаулисовъ, Папуа и другихъ; 2) употребленіе пищи чаще всего въ сыромъ ея видѣ, иногда совершенное незнакомство съ огнемъ; 3) скудость или даже отсутствіе религіозныхъ воззрѣній (Печереги, Бушмены).

Игрища и разныя бѣсовскія плясанья не противурѣчатъ дикому состоянію, но они также свидѣтельствуютъ о стремленіи людей выйти изъ этого состоянія. Въ такомъ-ли однакоже состояніи находились наши предки предъ началомъ IX вѣка? Они знакомы были съ употребленіемъ огня и употребляли его не только для приготовленія пищи, но даже при похоронахъ; они имѣли довольно развитую религію, восходившую на степень антропонорфизма (Ганушъ — Wissenschaft der slav. Mythus; Костом. — Миѳологія; Врем. 1859 г. кн. 9 статьи Шепинга и Аѳанасьева; Starož.). Но что всего важнѣе, — страна, занимаемая ими, была застроена городами и селами. Село и жилище (домъ = дымъ) совмѣстимы только съ осѣдлою жизнью точно такъ же, какъ шатеръ, палатка лежитъ въ условіи кочеванья, а нора и пещера—въ условіи дикой жизни. Неопровержимое существованіе селъ и городовъ у нашихъ предковъ указываетъ на развитіе ремеслъ. Городъ, т. е. крѣпость, свидѣтельствуетъ о сознаніи потребности защищать и себя, и свое имущество. О народѣ, который имѣетъ села и города, нельзя сказать: »живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядяху все нечисто.«

»Схожахуся на игрища и ту умыкиваху жены собѣ, съ нею же кто совѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены.« Въ этомъ разсказѣ похищеніе женщинъ обставлено такими обстоятельствами, при которыхъ оно становится невозможнымъ. Зачѣмъ установлены игрища? За тѣмъ, чтобы во время празднованія ихъ похищать женъ и похищать не какъ-нибудь просто, а такъ, чтобы похищаемая женщина знала объ этомъ. Какой тутъ смыслъ? Въ малоразвитомъ обществѣ похищеніе женъ—весьма обыкновенное явленіе. Но дѣло не въ томъ, что онѣ могли быть похищаемы, а въ томъ, какъ онѣ похищались. По Нестору,—на праздникѣ и по соглашенію, а иногда и безъ соглашенія, прямо у воды. Въ первомъ случаѣ похищеніе женщины нужно разсматривать какъ похищеніе у родителей. При малоразвитости общества для родителя дорога рабочая сила дочери; — разстаться съ нею добровольно, безъ вознагражденія, было для него весьма трудно; поэтому нужно было похищать. Этотъ родъ похищенія не есть насиліе по отношенію къ похищаемой, а, правильнѣе, воровство по отношенію ко родителямъ. »Умыкиваху же у воды дѣвиця«—есть не только воровство, но и похищеніе, сопряженное съ насиліемъ. Мы полагаемъ, что этотъ родъ похищенія такъ же возможенъ, какъ и предъидущій, что онъ древнѣе перваго и, служа выраженіемъ менѣе развитаго об-

родомъ и на своихъ мѣстѣхъ«). Земля, которую населяло извѣстное племя, разсматривалась какъ собственность живущихъ на ней, о чемъ

щества, предшествуетъ ему точно такъ же, какъ похищеніе съ согласія невѣсты предшествуетъ правильному брачному союзу, приписываемому Несторомъ только Полянамъ. Эти виды брака приводятъ насъ къ слѣдующему выводу: Русскіе Славяне до IX вѣка прошли нѣсколько ступеней развитія и каждая изъ нихъ запечатлѣна особымъ характеромъ. Преданіе сохраняло память объ этомъ. Преданіе стало извѣстно и Нестору и вотъ онъ записываетъ все, что слышалъ и какъ слышалъ и передастъ намъ въ смѣшанномъ видѣ черты всѣхъ степеней цивилизаціи, высшую степень которой, по особенной расположенности къ Полянамъ, онъ приписалъ имъ. Въ этомъ собственно его ошибка. Девятый вѣкъ засталъ всѣ славяно-русскія племена на одинаковой степени цивилизаціи, т. е. всѣ они имѣли села и города, всѣ занимались земледѣліемъ и торговлею и »всѣ имяху брачныи обычаи.« Замѣтимъ, что торговый путь пролегалъ не только чрезъ землю Полянъ, но и черезъ землю Новгородскихъ Славянъ, Кривичей и Сѣверянъ. Не можетъ быть, чтобы онъ остался безъ вліянія на развитіе формъ ихъ жизни.

Это смѣшеніе формъ различныхъ цивилизаціи замѣчается и въ другихъ мѣстахъ повѣсти. 1) »Поляномъ же живущимъ особо и володѣющемъ роды своими... и живяху кождо съ родомъ своимъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ.... 2) И по сихъ братіи держати почаша родъ ихъ княженье въ Полѣхъ; въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣне свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане.« Здѣсь смѣшаны двѣ формы быта — древнѣйшая родовая и новая — государственная. Первая предшествуетъ второй и никогда не идетъ рядомъ съ нею, а между тѣмъ обѣ формы поставлены въ одномъ времени.

Наконецъ, остается разсмотрѣть вопросъ о многоженствѣ, находящійся въ повѣсти: »имяху бо по двѣ и по три жены.«

Полигамія, равно какъ и поліандрія нимало не противны особенно непросвѣщенной натурѣ человѣка, и до чего-бы онъ дошелъ въ этомъ случаѣ, трудно рѣшить, еслибы сама природа не провела опредѣленныхъ границъ. Статистика показываетъ, что число мущинъ и женщинъ на земномъ шарѣ почти одинаково; женщинъ не многимъ больше. На основаніи ея показаній можно положительно утверждать, что на земномъ шарѣ нѣтъ такого угла, гдѣ-бы на каждаго мущину приходилось по двѣ, а еще менѣе по три жены. Тутъ простая невозможность. Какъ же допустить послѣ этого многоженство? Можно допустить, но какъ исключеніе. Если извѣстный процентъ населенія захватитъ сверхъ одной жены еще одну или двѣ, то можетъ статься, что остальная часть мущинъ останется безъ женъ. Таково явленіе у магометанъ. Кромѣ того: многоженство есть продуктъ комфорта,— продуктъ роскоши, ибо

племя заявляло всякій разъ, когда кто-либо изъ сосѣдей пробовалъ нарушить его право собственности. Въ такомъ случаѣ племя составляло поголовное ополченіе и безъ боя никому не уступало своего права. Конечно, племенная особность не могла быть значительною въ такой мѣрѣ, чтобы породить важныя различія въ устройствѣ быта двухъ такихъ сосѣдей, какъ напр. Поляне и Древляне, Сѣверяне и Радимичи и т. д. Живя «кождо на своихъ мѣстѣхъ,» племя составилось изъ группы общественныхъ союзовъ, расположенныхъ по городамъ и селамъ. Моментъ поселенія въ извѣстной мѣстности земледѣльческаго племени обозначается распахиваніемъ полей и превращеніемъ ихъ въ частную собственность. Въ то время, которое мы разсматриваемъ, Русская земля представляла изъ себя страну вполнѣ дѣвственную и потому ея непочатыя земли, т. е. лежавшія въ-пустѣ и никому не принадлежавшія, разстилались по ней въ то время широкими полосами на огромныхъ пространствахъ; онѣ превышали потребности тогдашняго немногочисленнаго населенія и поэтому заключали въ себѣ возможность удовлетворить каждаго. Каждый желающій могъ свободно занимать большія пространства нетронутыхъ и никому не принадлежащихъ лѣсовъ и полей и разчищать и обрабатывать ихъ, если только на это хватало средствъ, т. е. разныхъ земледѣльческихъ орудій, рабочаго скота, зеренъ для посѣва и т. д.; ибо дикую землю нужно прежде всего расчистить, а потомъ воздѣлать и обсѣять, чтобы она

содержаніе нѣсколькихъ женъ требуетъ большихъ издержекъ, а слѣд. и средствъ. Для бѣдняка роскошь не мыслима; не мыслимо, стало быть, и многоженство, а, по законамъ статистики, бѣдняковъ—большинство. Масса народная не знаетъ многоженства; бѣдняку довольно и одной жены. Не даромъ поэтому женъ похищали. Похищеніе доказываетъ не обиліе женъ, а напротивъ недостатокъ ихъ. И такъ, на многоженство въ древней Руси мы должны смотрѣть, какъ на частный случай изъ жизни князей и боярства. Если же мы допустимъ возможность всеобщаго многоженства, то въ такомъ случаѣ мы должны будемъ по неволѣ допустить и всеобщую поліандрію; одно безъ другаго не возможно. Но это такая форма или, вѣрнѣе говоря, безформенность жизни, при которой и намека нѣтъ о мужѣ и женѣ. Это — одна животная связь половъ. Спрашивается: можно-ли приписать такую форму жизни Радимичамъ, Вятичамъ, Сѣверянамъ и т. д. въ то время, когда по указаннымъ выше признакамъ мы достаточно убѣдились, что у нихъ были развиты болѣе совершенныя формы?

дала плодъ, а всего этого нельзя достигнуть безъ скопленнаго капитала. Слѣдовательно для людей зажиточныхъ непочатыя земли и лѣса составляли предметъ завладѣнія и источникъ обогащенія; ихъ брали себѣ всѣ, кто хотѣлъ и у кого были средства. Занятіе извѣстной мѣстности земледѣльческимъ племенемъ сопровождается тѣмъ общимъ явленіемъ, что не нѣкоторые только, а всѣ взрослые члены общества приступаютъ къ расчисткѣ и обработкѣ земли. Каждый изъ нихъ распахиваетъ столько, сколько позволяютъ ему способности, средства и физическая сила его мускуловъ. Одинъ распашетъ больше, другой меньше; одинъ съ бо́льшимъ искусствомъ, другой съ меньшимъ, а это ведетъ къ необходимому различію земельныхъ участковъ какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ; въ основаніи же различія лежитъ индивидуальность владѣльца, вкладывающаго въ обрабатываемую имъ землю свой трудъ, свое искусство и свои средства. Отсюда происходитъ то общее явленіе, что еще долгое время спустя послѣ перваго занятія земли владѣніе ею опредѣляется и ограничивается только мѣрою личнаго труда и средствъ владѣльца, или, какъ въ старину говорилось и писалось: »куда топоръ, коса и соха (плугъ) ходила,« т. е. сколь далеко хватали средства и трудъ владѣльца, столь далеко простиралось и его владѣніе. За чертою труда прекращалась собственность и лежащая далѣе земля или принадлежала другому землевладѣльцу, положившему въ нее свой трудъ и капиталъ, или же никому не принадлежала и считалась дикою.

Коль скоро земля изъ дикой превращалась въ обработанную и въ нее влагались капиталъ и трудъ, она тотчасъ же теряла прежнее значеніе земли, никому не принадлежащей, и становилась полною собственностью того, кто ее воздѣлалъ; онъ могъ ее продать, дать, дарить, заложить, словомъ: могъ распорядиться ею, какъ ему угодно, сохраняя за собою полное право частнаго владѣльца. Такой порядокъ овладѣванія землею сохранялся на Руси очень долго, потому что долго существовали пустыя, никѣмъ незанятыя земли; онѣ продолжали существовать даже и въ то время, когда развивалась идея о принадлежности пустошей государству. Государственная же точка зрѣнія на землю стала проглядывать не ранѣе, какъ съ IX в., т. е. съ того времени, когда были призваны для государственной организаціи иноземные князья. Налагая печать государственности на землю, они вмѣстѣ съ тѣмъ произвели благодѣтельное броженіе въ безразличной дотолѣ

массѣ народа и способствовали выдѣленію изъ него трехъ классовъ: духовенства, боярства и крестьянъ. Нѣкоторые доказываютъ, что земля первоначально принадлежала не частнымъ лицамъ, а коллективной единицѣ, называвшейся общиною. Но тѣ, кто это доказываютъ, забываютъ двѣ весьма важныя вещи, имѣющія каждая значеніе неопровержимаго факта: во-1-хъ, господство родовой мести, во-2-хъ, то, что главное свойство пахатной земли есть весьма раннее превращеніе ея въ частную собственность. Изучая древне-русскую общину, не слѣдуетъ ни на минуту упускать изъ виду родовую месть, — этотъ древнѣйшій обычай, который господствовалъ до XI вѣка и даже былъ узаконенъ Русскою Правдою; »аще убіеть мужа, то мстити брату брата, либо отцю, ли братню сынови.« Нынѣ признано за достовѣрное, что родовая месть принадлежитъ самой отдаленной эпохѣ существованія общественныхъ союзовъ, все равно, гдѣ-бы эти союзы ни возникли, на русской-ли почвѣ, или на какой-нибудь другой. Она есть характерное выраженіе ихъ быта. Какъ коренное право, она сохранилась на Руси до XI стол. во всей цѣлости и полнотѣ. Въ XI стол. она выступаетъ сначала съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, а потомъ совершенно отмѣняется. Находя въ ней источникъ безконечныхъ кровавыхъ сценъ, Ярославъ ограничиваетъ поле ея дѣятельности такимъ постановленіемъ, въ силу котораго мстить убійцѣ за родственника получали право только отецъ, сынъ, братъ и племянникъ, т. е. ближайшіе родственники. Въ ограниченіи этомъ нельзя не видѣть указанія на то, что въ прежнее время родовая месть имѣла болѣе широкое примѣненіе и что она прекращалась или со смертью всѣхъ родственниковъ, или тогда, когда родственникъ не пожелалъ или не въ состояніи былъ отомстить. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ была та сила, которая могла-бы запретить внуку или двоюродному брату отомстить за смерть ихъ родичей, если имъ хотѣлось мстить? Не имѣя никакого права отвергать очевидныхъ показаній Русской Правды, мы обязаны принять за достовѣрное, что древнія русскія племена жили такими общественными союзами, въ которыхъ неограниченно господствовала родовая месть. Но родовая месть указываетъ въ свою очередь на господство личной расправы. Личная же расправа, какъ общее, всѣмъ принадлежащее право, возможна и мыслима въ такомъ только обществѣ, гдѣ не достаетъ сильной общественной власти, которая располагала-бы надежными средствами взять личность каждаго изъ членовъ общины подъ свою защиту и

покровительство, въ случаѣ посягательства откуда-нибудь на его благосостояніе. Опять же, отсутствіе крѣпкой общественной власти само собою ведетъ къ развитію личнаго произвола сильныхъ и къ подавленію слабѣйшихъ. Признавая въ нашихъ древнихъ общественныхъ союзахъ господство личнаго произвола и личной расправы, мы не въ состояніи принять мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые стараются утверждать, что верховная власть въ городахъ и селахъ, т. е. судъ и наказаніе обвиненныхъ, да и вообще всякое дѣйствіе по отношенію къ членамъ общины искони принадлежало общинѣ и, какъ выраженію ея, мірскому приговору, которому всякій безпрекословно обязанъ былъ повиноваться и съ которымъ каждый долженъ былъ согласовать всѣ свои дѣйствія. Не имѣя права на личность и на ея поступки, община не могла оказывать вліянія и на распредѣленіе поземельныхъ участковъ. Далѣе: при господствѣ личной расправы, вытекающей изъ характера родовой мести, каждый предоставленъ самому себѣ, своимъ собственнымъ силамъ; въ нихъ онъ видитъ основу и источникъ своего благосостоянія; онѣ даютъ ему независимость и богатство, которое тѣмъ значительнѣе, чѣмъ сильнѣе личность. Такая личность не смотритъ въ чужія руки и не выжидаетъ, дадутъ-ли ему что-нибудь или нѣтъ; благодаря своимъ силамъ, она сама о себѣ думаетъ и разъ пріобрѣтенное старается удержать при себѣ навсегда. Такъ появляется частная собственность. Отвергнувъ ее, мы вынуждены были-бы отвергнуть вмѣстѣ съ нею и ея источникъ—личный произволъ и родовую месть, чего мы не въ правѣ сдѣлать, ибо мы поступили-бы тогда вопреки ясному свидѣтельству Русской Правды.

И такъ, къ эпохѣ родовой мести появленіе частной собственности относится какъ фактъ безспорный.

Обращаясь теперь къ естественнымъ, неотъемлемымъ свойствамъ пахатной земли, мы посмотримъ сначала на то, что происходитъ у кочевниковъ. Образцы, представляемые кочевою жизнью современныхъ намъ номадовъ, свидѣтельствуютъ въ пользу той истины, что при извѣстномъ (и именно кочевомъ) образѣ жизни земля, безъ различія—пахатная-ли она, или непахатная, принадлежитъ всѣмъ вообще и никому въ-особенности, чего не бываетъ при условіяхъ осѣдлой, земледѣльческой жизни. Чтобы изъ пахатной земли вызвать плодъ, нужно ее обработать, а обработка состоитъ въ приложеніи личнаго труда и капитала. Тамъ же, гдѣ человѣкъ вложилъ свой трудъ и капиталъ, тамъ

онъ получаетъ полное право не только на произведенный землею плодъ, но и на нее самое, ибо въ ней покоится часть его личности: вмѣстѣ съ сообщеннымъ ей плодородіемъ, она есть какъ-бы произведеніе рукъ его. Необходимымъ спутникомъ осѣдлой жизни есть домъ, жилище. Постройка его производится тѣмъ же трудомъ; на жилище поэтому, какъ на произведеніе своего труда, человѣкъ также получаетъ полное право. Отсюда нисколько не удивительно, что у каждаго земледѣльческаго племени домъ и принадлежащій къ нему воздѣланный кусокъ пахатной земли составляетъ неоспоримый предметъ частнаго владѣнія. Кромѣ пашни, поверхность земли представляетъ еще и другія богатства. Таковы: озера и рѣки, луга и пастбища и, наконецъ, лѣсъ. И тѣ, и другіе поступаютъ въ частную собственность гораздо позже пашни. Очень долгое время они остаются въ общемъ, совмѣстномъ владѣніи и по очень понятной причинѣ. Лѣса, озера, рѣки и луга даютъ человѣку готовый продуктъ и не требуютъ отъ него на первыхъ порахъ никакихъ усилій для производства этого продукта. При изобиліи рыбы и дичи, каждый могъ брать, сколько понадобится, не захватывая ни чьей собственности и не обижая никого. И трава въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, также была чистѣйшимъ даромъ природы безъ малѣйшей примѣси человѣческаго труда; поэтому пастбища и луга, на которыхъ она росла, считались общимъ, а не частнымъ достояніемъ. Такимъ образомъ съ древнѣйшихъ временъ земельные участки дѣлились на два разряда: на общинныя и частныя (личныя).

Говорятъ также, что земля, раздаваемая общиною, дѣлилась будтобы поровну между всѣми членами потому, что каждый воздѣлывалъ то количество земли, которое могъ воздѣлать, а всѣ могли поровну, стало быть, и равное количество ея нужно было каждому. Но такое воззрѣніе нуждается еще въ доказательствѣ, ибо извѣстно, что люди не одинаковыхъ способностей и силъ. Одинъ можетъ обработать бо́льшій кусокъ земли, другой — меньшій; одинъ обработаетъ его лучше, другой—хуже; слѣдовательно о равенствѣ участковъ не можетъ быть и рѣчи. Если мы не остановимся на этомъ, а пойдемъ далѣе, то увидимъ, что на земельныя отношенія производитъ важное вліяніе двѣ еще силы: рожденіе и смерть. Это—факторы, иногда весьма чувствительно видоизмѣняющіе общественный строй; поэтому разсматривающій поземельныя отношенія поставленъ въ необходимость коснуться и вопроса о томъ, что происходило въ древней общинѣ при нарожде-

нiи новыхъ членовъ и что происходило въ ней при вымираніи старыхъ. Вновь родившіеся члены, до физическаго совершеннолѣтія, т. е. до того времени, пока не пріобрѣтутъ полнаго употребленія мускулярныхъ силъ, не могутъ сами на себя работать; слѣдовательно они не могутъ обнаружить никакого вліянія на поземельныя отношенія; но коль скоро они достигаютъ зрѣлаго возраста, они вступаютъ во всѣ права взрослыхъ людей, и вотъ тогда-то начинается, по мнѣнію нѣкоторыхъ, передѣлъ воздѣланной земли, а по нашему мнѣнію, не передѣлъ, а расчистка и обработка новыхъ, никѣмъ не занятыхъ, участковъ. Передѣлъ земли оказывается необходимымъ тогда, когда въ окрестности нѣтъ свободнаго, никому не принадлежащаго, пространства, когда все составляетъ чью-нибудь собственность; но если есть пустыя мѣста, тогда передѣлъ — лишній: люди обращаются къ пустырямъ. Въ описываемое же время ничьей земли было очень много. Основы русской колонизаціи лежатъ между прочимъ именно въ этомъ порядкѣ и имъ объясняются. Смерть одного изъ членовъ вела за собою переходъ его имущества въ руки его наслѣдниковъ, которые могли поступить двояко: или раздѣлиться, или владѣть съ-общa. Первый случай не нуждается въ объясненіи; во второмъ же случаѣ надо допустить, что совмѣстное владѣніе продолжалось не долго, а именно до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ наслѣдниковъ не умиралъ; по требованіямъ справедливости, часть, принадлежащая ему, должна перейти къ его дѣтямъ; но чтобы они могли получить свою часть, нужно выдѣлить ее; слѣдовательно въ обоихъ случаяхъ результатъ одинъ и тотъ же, т. е. господство частной собственности. Мы полагаемъ, что выдѣленіе это не обходилось безъ кровавыхъ столкновеній; послѣднія составляютъ обыкновенное явленіе въ такихъ мало развитыхъ обществахъ, какимъ было при господствѣ родовой мести тогдашнее русское общество. Подобныя явленія передѣла повторились впослѣдствіи въ исторіи княжескихъ споровъ, которые даютъ намъ въ этомъ случаѣ прекрасный образчикъ того, что происходило прежде. Русь, будучи наслѣдіемъ Ярослава, считалась владѣніемъ общимъ; но какъ только князь умиралъ, сейчасъ же наступалъ передѣлъ. То же происходило при нарожденіи членовъ княжеской семьи. При этомъ нельзя не замѣтить, что въ междукняжескихъ спорахъ весьма видное мѣсто занимаетъ право сильнѣйшаго; оттого-то передѣлы рѣдко обходились безъ кровопролитій. Сильный и энергическій князь сообщалъ нерѣдко топъ

и направленіе всякой дѣятельности. Отсюда слѣдуетъ, что если право сильнаго играло столь важную роль во все удѣльно-вѣчевое время, то нисколько не удивительно, если то же право тяготѣло надъ слабымъ до призванія князей. Въ силу физическихъ преимуществъ выдвинувшаяся изъ общей массы личность, вызвала къ жизни службу и рабство, какъ выраженіе безсилія и подчиненія. По отношенію къ окружающей сферѣ она стала въ такое положеніе, которое впослѣдствіи, а можетъ быть и тогда еще, называлось *міроѣдствомъ* [1]). Міроѣды, усиленные челядью и рабами, сдѣлались эксплоататорами общества. Съ теченіемъ времени они усилились пріобрѣтеніемъ большаго количества земли и правительственною санкціею князей, которые освятили ихъ особенныя права и образовали изъ нихъ отдѣльный классъ—боярскій. Классъ этотъ усилился принятіемъ въ свою среду новыхъ членовъ, возвысившихся въ военныхъ предпріятіяхъ князей, которыя въ то время были очень часты и составляли главное ихъ занятіе. Обыкновенный же людъ образовалъ собою низшій, крестьянскій классъ, въ XIV стол. начавшій переработываться въ сословіе.

Резюмируя все сказанное, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ, имѣющимъ важное значеніе въ исторіи крестьянства:

Земля, которою овладѣли наши предки, находилась частью въ общинномъ, совмѣстномъ владѣніи, частью въ частномъ. Въ общинномъ владѣніи находились лѣса, луга, рѣки и озера.

Пахатныя земли раздѣлялись на пустыя и воздѣланныя.

Пахатная воздѣланная земля составляла предметъ частнаго владѣнія.

Всѣ эти явленія продолжаютъ существовать и въ послѣдующія времена, съ тѣмъ однако существеннымъ различіемъ, что, во-1-хъ, съ теченіемъ времени количество воздѣланныхъ полей умножалось все болѣе и болѣе, и это увеличеніе обязано размноженію народонаселенія, при которомъ нѣкоторые изъ членовъ общества начинаютъ чувствовать потребность въ землѣ и обращаются поэтому къ обработкѣ никому не принадлежащихъ пространствъ. Такъ появились починки, деревни, села и наконецъ города, которые тянули, по тогдашнему выраженію, судомъ и данью, разрубами и розметами къ одной изъ со-

[1]) Ак. Юр. 1838 г. № 235.

сѣдшихъ вервей, а впослѣдствіи образовывали свой самостоятельный правительственный округъ. Таковъ характеръ заселенія Россіи Славяно-руссами и таково вообще движеніе ея колонизаціи. Понятно, что въ интересахъ правительства было не препятствовать такому движенію населенія; оно даже радо было, кѣмъ-бы не занимались земли, только-бы обрабатывались и не лежали въ-пустѣ; либо, по мѣрѣ занятія землей частными лицами, распространялись и самыя владѣнія цѣлаго общества и потомъ государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ распространялась и русская цивилизація. Земля изъ дикой и безполезной дѣлалась обработанною, приносящею доходъ и составляющею собственность русскаго человѣка. Во-2-хъ, вслѣдствіе разныхъ причинъ, которыя будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ, земля изъ частныхъ рукъ крестьянскихъ стала постепенно переходить или въ руки помѣщиковъ, или въ руки крестьянскихъ же общинъ, получившихъ какъ первоначальную, такъ и окончательную организацію отъ князей.

Крестьяне отъ половины IX до конца XI вѣка.

Начать изученіе быта крестьянскаго населенія возможно только со времени явственнаго обозначенія его; явственное же обозначеніе его въ Россіи наступило послѣ IX вѣка, когда русскіе князья создавали дружину, боярство и духовенство. Тогда крестьяне, которыхъ Русская Правда называетъ запросто людьми, стали служить выраженіемъ земледѣльческаго и ремесленнаго класса людей. Призванные въ 862 г. князья застали тотъ порядокъ вещей, въ которомъ, по словамъ лѣтописца, каждое племя «живяху съ родомъ своимъ на своихъ мѣстѣхъ,» или другими словами: каждое племя состояло изъ группы общественныхъ союзовъ, расположенныхъ по городамъ и селамъ. Разсматривая вопросъ о древнемъ устройствѣ и управленіи нашихъ городовъ и селъ, русскіе ученые изслѣдователи и въ особенности тѣ, которые принадлежатъ къ школѣ славянофиловъ, приходятъ обыкновенно къ заключенію, что это устройство было общинное, и общинамъ они даютъ слишкомъ широкое и притомъ особенное, произвольное и небывалое значеніе, дѣлающее ихъ непохожими ни на одинъ изъ европейскихъ общественныхъ союзовъ. Они полагаютъ, что каждый человѣкъ, какъ личность, исчезалъ въ общинѣ, которая считалась не только

верховнымъ властелиномъ земли, но и верховнымъ повелителемъ и судьею своихъ членовъ. Но подобную мысль легче высказать, чѣмъ доказать. Правда, выше мы сами сказали, что земля извѣстнаго племени считалась полною собственностью этого племени, но отсюда еще не слѣдуетъ заключать, что племя распоряжалось этою землею, какъ ему было угодно, и распредѣляло ее между своими членами на правахъ полнаго хозяина, и что, наконецъ, каждый человѣкъ, принадлежащій къ племени, былъ не собственникомъ, а какъ-бы арендаторомъ на чужой землѣ, подобно римскому плебею, который сидѣлъ не на своей землѣ, а на землѣ, принадлежавшей государству (ager publicus). Для того, чтобы община была распорядителемъ и хозяиномъ, нужно, чтобы она была хорошо организована, чего мы не можемъ допустить никакимъ образомъ, говоря о времени, предшествовавшемъ призванію князей. Вникнувши хорошенько въ доисторическій бытъ русскаго народа, мы приходимъ къ выводамъ, совершенно противуположнымъ съ тѣми, которые находятся у славянофиловъ. Факты говорятъ намъ, что по причинѣ низкаго уровня цивилизаціи въ тогдашнемъ обществѣ господствовала полная дезорганизація; вездѣ отсутствіе суда, полиціи и вообще всякой общественной власти; въ замѣнъ этого господство грубой силы, личнаго произвола и мести, которая долженствовала довести до общихъ свалокъ и кровопролитій. Этотъ хаосъ кровавыхъ отношеній рано или поздно долженъ былъ окончиться паденіемъ прежняго порядка и обновленіемъ общественныхъ союзовъ, что дѣйствительно и произошло въ 862 году. Очевидно, дезорганизація дошла до крайнихъ размѣровъ, ибо не даромъ призваны князья и не понапрасну имъ сказали: земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; прійдите княжить и владѣть нами [1]).

Вызванные для утвержденія прочной организаціи, князья дѣйствительно совершаютъ, хотя и не вдругъ, принятую на себя миссію. Дѣятельность нашихъ князей до конца XIII вѣка была направлена главнымъ образомъ на военныя предпріятія. Первые четыре князя почти всю жизнь свою провели на полѣ битвъ; они воевали то съ

---

[1]) Подобный примѣръ дезорганизаціи и господства личнаго произвола представляютъ въ позднѣйшее время Новгородъ, Псковъ, Запорожская Сичь и другіе союзы, гдѣ не успѣла развиться сильная общественная власть.

разными славяно-русскими племенами, то съ разными инородцами, какъ-то: Ясами, Касогами, Греками и другими народами. Съ половины XI до начала XIV в. почти безпрерывною нитью тянулись княжескія междоусобія за удѣлы. Нельзя сказать, чтобы и послѣ XIV ст. не было войнъ. Начиная съ XIV и оканчивая XVI ст. войны велись съ воинственными сосѣдями — Татарами, Литовцами, Ливонцами и Поляками. Не смотря однакожъ на военный характеръ, дѣятельность эта не прошла безслѣдно. Она обнаружила глубокое вліяніе на весь строй внутреннихъ государственныхъ распорядковъ Россіи. Сквозь густую сѣть военныхъ предпріятій уже въ дѣятельности первыхъ четырехъ князей можно разглядѣть зародыши общественнаго благоустройства. Первые военные подвиги ихъ привели къ весьма важнымъ результатамъ; плодомъ ихъ было соединеніе всѣхъ славяно-русскихъ племенъ въ одно цѣлое. Далѣе: въ видахъ упроченія завоеваній, князья принялись за постройку крѣпостей и снабдили ихъ военною дружиною. Начальникъ дружины — княжій мужъ былъ въ одно и то же время начальникомъ крѣпости и представителемъ (намѣстникомъ) князя, какъ верховнаго судьи, не только въ городѣ, но и въ цѣломъ округѣ прилежащемъ къ городу. Княжіе мужи, равно какъ и дружина ихъ, состояли сначала на жалованьи у князя. Жалованье это составлялось изъ дани, которую платили побѣжденные и которая собиралась, чѣмъ попало — деньгами и натурою. Впослѣдствіи, когда войны сдѣлались рѣже, дружина съ своими начальниками, располагалась по городамъ и селамъ съ тою цѣлью, чтобы жители содержали ихъ своими средствами, и это называлось кормленіемъ. Получивши вначалѣ характеръ постойной повинности, кормленіе превратилось съ теченіемъ времени въ извѣстный родъ податной повинности, уплачиваемой только не въ казну, а въ качествѣ жалованья прямо на руки лицамъ, находившимся въ услуженіи у князя. Разсматриваемое въ своемъ первоначальномъ видѣ постойной повинности, кормленіе имѣетъ признакъ временности; оно отправлялось до тѣхъ поръ, пока не открывались военныя дѣйствія и пока князь не отзывалъ дружину на войну; съ вызовомъ ея прекращалась и постойная повинность. Но когда кормленіе превратилось въ подать, тогда случайный характеръ ея исчезаетъ и замѣняется постоянною повинностью, которая не слагается и тогда, когда князья ведутъ войну. На дань и кормленіе указываютъ слѣдующія выразительныя слова лѣтописца: По смерти братьевъ, Рюрикъ »раздая мужемъ

своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. Олегъ нача городы ставити и устави дани Словеномъ, Кривичемъ и Мери и устави Варягомъ дань;« Игорь послѣ побѣды надъ Древлянами »возложи на ня дань болшю Олговы,« за что они впослѣдствіи и растерзали его; Ольга уставила дани по Мстѣ и Лузѣ; Святославъ наложилъ дань на Вятичей; наконецъ Владиміръ на Вятичей и Радимичей; онъ же раздалъ Варягамъ города и села [1]). Собранную дань князья раздавали своей дружинѣ, по выраженію лѣтописца, на оружіе [2]). О кормленіи въ первый разъ упоминается въ 1018 году, по поводу войны Ярослава съ польскимъ королемъ Болеславомъ. Послѣ побѣды надъ Ярославомъ, польскій король »свою дружину разосла по градомъ для кормлѣ« [3]). Собираніе дани съ одной стороны и построеніе крѣпостей съ назначеніемъ въ нихъ намѣстниковъ съ другой не могли не обнаружить вліянія на общественный порядокъ; возникли новыя отношенія къ государственной власти и видоизмѣнились старыя отношенія людей другъ къ другу, посредствомъ явственнаго обозначенія классовъ населенія. Земледѣльческое населеніе стало различаться отъ дружины, ибо спеціальнымъ занятіемъ послѣдней была война, и въ концѣ X вѣка отъ духовенства, овладѣвшаго областью религіи. Самое раннее указаніе на крестьянъ, какъ на отдѣльный классъ, относится къ X вѣку, когда они раздѣлялись на городскихъ и сельскихъ [4]) и когда между послѣдними различались людскіе старцы [5]), сотскіе и десятскіе [6]). Раньше другихъ опредѣлены были отношенія народа къ духовенству.

Сдѣлавши христіанство господствующею религіею, Владиміръ старался поставить ея блюстителей въ возможно выгодныя условія и потому прежде всего обезпечилъ его въ матеріальномъ отношеніи. Съ

---

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 9, 10, 18, 25, 27, 35, 36, 52; т. II, стр. 249.

[2]) Тамъ же т. XV, стр. 27. Въ договорѣ Олега съ греками поставлено условіемъ, чтобы греки дали уклады на русскіе города, т. е. также дружинѣ. О Владимірѣ Св. говорится, что онъ золотомъ и серебромъ налѣзалъ дружину.

[3]) Тамъ же т. II, стр. 263.

[4]) Тамъ же т. VI, стр. 85.

[5]) Тамъ же т. V, стр. 122.

[6]) Тамъ же т. XV, стр. 118.

этою цѣлью онъ издалъ уставъ о десятинахъ. Руководимый кромѣ того желаніемъ предоставить ему возможно широкое поприще для дѣятельности, онъ позволилъ ему вмѣшиваться во внутреннюю жизнь народа и начало этому вмѣшательству положилъ тѣмъ, что изъ массы крестьянскаго населенія (изъ городовъ, погостовъ и слободъ) онъ выдѣлилъ такъ - называемыхъ церковныхъ людей. Церковными же людьми, по изъясненію самого же устава, считались: игуменъ, попъ, діаконъ и дѣти ихъ, и попадья и кто въ клиросѣ, чернецъ, черница, проскурница, паломникъ (лечець, прощеники, задоушный человѣкъ, сторонникъ, слѣпець, хромець, монастыреве) [1]), больници, гостиници, странноприимници, то люди церковныя богадѣльныя.« Во взаимныхъ тяжбахъ люди эти безусловно подчинены уставомъ суду епископа, и отъ свѣтской власти отнято всякое право вмѣшиваться въ этотъ судъ. Участіе княжескихъ судей въ епископскомъ судѣ допускалось только въ такомъ случаѣ, когда дѣло завязывалось между монастырскими и немонастырскими людьми (или между духовными и свѣтскими): »а будеть иному человѣку съ ними рѣчь, то обчій судъ, а пересудъ наполы.« Но однакожъ выдѣленіемъ и подчиненіемъ епископскому суду церковныхъ людей вліяніе духовенства на крестьянъ не ограничивалось. Великій князь передалъ ему судъ во всѣхъ дѣлахъ, вращающихся въ нравственно-религіозной сферѣ, причисляя сюда и такіе вопросы, какъ вопросъ о наслѣдствѣ и о торговыхъ вѣсахъ и мѣрахъ. Мало того: даже тѣ чисто свѣтскія дѣла и тяжбы, которыя судились княземъ, боярами, тіунами и другими судьями (»или въ которомъ градѣ намѣстникъ, или судья или тіунъ«) не обходились безъ присутствія владычняго судьи; причемъ мотивомъ выставлена десятина. »И своимъ тіуномъ приказываю, судовъ церковныхъ не судити, и нашихъ судовъ безъ судьи владычня не судити десятинъ дѣля« [2]).

Впрочемъ, этими мѣрами еще не исчерпывается дѣятельность нашихъ первыхъ князей. Чтобы получить надлежащее понятіе обо всѣхъ перемѣнахъ, которыя произведены ими въ странѣ въ первые три вѣка управленія ею, мы должны обратиться къ Русской Правдѣ, которая есть сводъ дѣятельности всѣхъ князей отъ IX в. до дѣтей Ярослава включительно.

---

[1]) Доп. къ Ак. Ист. т. I, № I.
[2]) Тамъ же стр. 1; П. С. Р. Л. т. VI, стр. 82—83.

Мы уже имѣли случай видѣть, что до призванія князей Русскіе жили племенами, посреди которыхъ были города и села, т. е. общинные союзы физическихъ лицъ, управлявшихся обычнымъ правомъ, въ которомъ на первомъ планѣ стояла родовая месть. Желая ограничить сферу ея дѣятельности, Ярославъ узаконилъ, что мстить имѣютъ право одни ближайшіе родственники и больше никто. Сыновья его пошли еще дальше: они совершенно отмѣнили этотъ обычай, опредѣливши въ замѣнъ его »кунами ся выкупати.« Мало-по-малу князья проникали во внутреннюю жизнь народа и реформировали ее сообразно съ своими взглядами. Изъ Русской Правды мы узнаемъ, что общины перестаютъ быть союзомъ физическимъ; онѣ вступаютъ въ новую эпоху существованія, превратившись изъ прежней формы въ союзъ юридическій, отвѣтственный предъ закономъ. Для доказательства разсмотримъ тѣ статьи Русской Правды, въ которыхъ говорится объ убійствѣ.

»А кто убіеть княжа мужа въ разбои, а головника не ищуть, то вервеную платити, во чьей же верви голова ляжеть, то 80 гривенъ; паки ли людинъ, то 40 гривенъ. Которая ли вервь начнеть платити дикую виру колико лѣтъ, за то платять ту виру, занеже безъ головника имъ платити; будеть ли головникъ ихъ въ верви, то за не къ нимъ прикладываютъ, того же дѣля имъ помогати головнику, любо си дикую виру. Но платити имъ вобчѣ 40 гривенъ, а головничьство, а то самому головнику; а сороцѣ гривенъ заплатити ему изъ дружины своею частію. Но оже будеть убилъ или въ свадѣ, или въ пиру явлено, то тако ему платити по вервинѣ, еже ся прикладываеть вирою.

Будеть ли столъ на разбои безо всякія свады, то за разбойника людіе не платять, но выдадуть и самого всего и съ женою и съ дѣтми на потокъ и на разграбленіе. Аже кто не вложится въ дикую виру и виру, тому людіе не помогають, но самъ платить.

Аже на кого будеть поклепная вира, то оже будеть послуховъ 7, тоже выведуть виру, то ти имуть виру; паки ли Варягъ, или инъ кто, то два; а на костехъ и по мертвецѣ не платити виры, оже имени не вѣдають и не знають его. Оже свержеть виру, то гривна кунъ сметная отроку, а кто исклепаль, а тому дати другая гривна, а отъ виры помощнаго 9 кунъ. Искавъ же ли послуха, а не налѣзеть, а истьца начнеть головою клепати, тому дати исправа желѣзо.«

Довольно самаго поверхностнаго чтенія этихъ статей, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ XI вѣкѣ существовала а) какая-то собиратель-

ная единица, называвшаяся вервью, что б) эта единица была поземельная (во чьей же верви голова ляжеть), что в) эта поземельная единица была извѣстною и опредѣленною, ибо зачѣмъ законъ постановлялъ-бы: во чьей же верви голова ляжеть? Слова *во чьей же* показываютъ, что были разныя верви, что ихъ было много, одна возлѣ другой. Отсюда слѣдуетъ, что русская земля была раздѣлена въ правительственномъ отношеніи на опредѣленные округи съ центральнымъ пунктомъ — городомъ во главѣ, которые назывались вервями; каждый изъ нихъ былъ отдѣленъ отъ другаго опредѣленными межевыми знаками, по которымъ узнавали, на какой верви найденъ убитый; г) вервь, какъ поземельная единица и единица извѣстная и опредѣленная, составляла еще единицу территоріальную, вмѣщавшую въ себѣ нѣсколько селъ, деревень, погостовъ и т. д. Но это не все: законодательство признаетъ ее кромѣ того юридическою личностью и какъ личность призываетъ ее къ отвѣтственности за каждое уголовное преступленіе ея членовъ, исключая одинъ случай, который выраженъ въ законѣ такъ: »будетъ ли стоялъ на разбоѣ безо всякія свады, то за разбойника людіе не платять, но выдадутъ и самаго всего и съ женою и съ дѣтми на потокъ и на разграбленіе.« Члены общины названы людьми, т. е. крестьянами; слѣд. вервь была общиною крестьянскою. Отсюда слѣдуетъ, что для того, чтобы имѣть понятіе о бытѣ крестьянъ XI в., нужно войти въ ближайшее знакомство съ вервью.

Во времена Русской Правды крестьяне раздѣлялись на два разряда. Первый изъ нихъ можно назвать разрядомъ крестьянъ-общинниковъ или иначе крестьянъ-землевладѣльцевъ, а второй—разрядомъ крестьянъ владѣльческихъ, или иначе крестьянъ безъ собственной земли, каковыми были: закупы, смерды и наймиты. Первые жили на своей собственной, крестьянской землѣ, вторые — на землѣ князей, бояръ и монастырей. Причина таковаго раздѣленія крестьянъ заключалась въ разсматриваемое время въ обиліи земли и въ существованіи капиталистовъ, которыми тогда были князь, бояринъ и монастырь. Князья, бояре, свѣтское духовенство и монахи, располагавшіе значительными участками земли [1]), нуждались въ работникахъ, безъ которыхъ оказывались невозможными ни расчистка, ни дальнѣйшее воздѣ-

[1]) П. С. Р. Л. (т. II, стр. 82; т. VII, стр. 67.

лываніе почвы, а слѣд. и самые доходы. По этой простой необходимости они должны были придумать какія-нибудь средства для привлеченія людей въ свои имѣнія. То же обиліе дикой земли, которое способствовало образованію частной крестьянской собственности, оказало услугу и помѣщикамъ. Выше уже было сказано, что распахивать непочатую землю выгодно и возможно только людямъ зажиточнымъ. Представимъ же себѣ крестьянина, который вышелъ изъ своей верви по недостаточности вотчинной земли, образовавшейся отъ раздробленія ея между сонаслѣдниками его, и который стремится создать себѣ собственное хозяйство. Онъ бѣднякъ; у него недостаетъ ни рабочаго скота, ни земледѣльческихъ орудій, ни двора, ни сѣмянъ. При такихъ обстоятельствахъ ему очень трудно составить хозяйство. Съ другой стороны и совершенно на оборотъ; князья, бояре и духовенство имѣли достаточно средствъ для того, чтобы снабдить работника всѣмъ нужнымъ для работы, но нуждались въ работникахъ. Такимъ образомъ, какъ бѣдняку-работнику, такъ и богачу-собственнику представлялся одинаково удобный случай выйти изъ затруднительнаго положенія. Имъ слѣдовало только подойти поближе другъ къ другу и заключить между собою договоръ. Богатый землевладѣлецъ предлагалъ работнику, кромѣ опредѣленнаго участка земли для воздѣлыванія въ его собственную пользу, еще рабочій скотъ, земледѣльческія орудія, хлѣбъ на сѣмена и на пропитаніе до новой жатвы, дворъ со всѣми принадлежностями и, вѣроятно, еще средства для уплаты податей съ тѣмъ конечно, чтобы онъ воздѣлывалъ его пашню и собиралъ съ нея въ его пользу хлѣбъ. Очевидно, что изъ двухъ договаривающихся сторонъ положеніе землевладѣльца было гораздо выгоднѣе положенія рабочаго: средства позволяли ему выжидать, между тѣмъ какъ бѣднякъ, не заработавшій сегодня, завтра почувствуетъ голодъ. Понятное желаніе избѣгнуть этой опасности заставитъ его поэтому заключить хотя-бы и не совсѣмъ выгодное для себя условіе. Кромѣ обработки пашни, онъ могъ согласиться исполнять и разныя другія требованія хозяина, можетъ быть и очень тяжелыя. Соглашаясь на такія условія, онъ имѣлъ въ перспективѣ надежду при господской помощи сдѣлаться со временемъ самостоятельнымъ хозяиномъ. Такова естественная причина образованія около XI стол. разряда полусвободныхъ крестьянъ, называвшихся въ то время смердами, закупами и наймитами. Смотря по тому,

на чьей землѣ они жили, они получали слѣдующія наименованія: крестьяне княжескіе, боярскіе, церковные и монастырскіе.

Разсмотримъ по Русской Правдѣ сначала бытъ крестьянъ первой категоріи.

Крестьяне общинники или крестьяне землевладѣльцы. Изъ статьи о вирѣ видно, что личность крестьянина землевладѣльца (и земледѣльца) ставилась на половину ниже личности боярина и въ восемь разъ выше личности холопа [1]); слѣд. крестьянинъ по своему общественному положенію стоялъ ближе къ боярину, нежели къ холопу. Онъ былъ признаваемъ свободнымъ, чему доказательствомъ служитъ слѣдующее: 1) въ статьяхъ объ убійствѣ сказано: »будетъ ли головникъ ихъ въ верви, то за-не къ нимъ прикладываютъ, того дѣля имъ помагати головнику.... Аже кто не вложится въ дикую виру и виру, тому людіе не помагаютъ, но самъ платитъ.« Изъ этой статьи видно, что всякій разъ, когда совершалось убійство, члены верви составляли складку для уплаты положенной виры. Каждому предоставлялась свобода поступать какъ угодно, т. е. участвовать или не участвовать въ этой складкѣ. Законъ только предупреждалъ, что въ первомъ случаѣ совершившій убійство получаетъ право на содѣйствіе общества, а во второмъ случаѣ лишается его: »людіе ему не помагаютъ, но самъ платитъ.« Не только относительно вопроса о томъ, вкладывается онъ или не вкладывается въ виру, но и во всѣхъ частныхъ сдѣлкахъ крестьянинъ поступалъ какъ свободный человѣкъ. Такъ, онъ 2) могъ продавать кому-угодно свою собственность и покупать чужую и съ купленною распоряжаться по своему усмотрѣнію, 3) могъ давать въ займы и занимать деньги, 4) могъ быть призваннымъ во свидѣтели, наконецъ, 5) признавался землевладѣльцемъ. Права эти, кромѣ послѣдняго, ясно выражены въ законодательствѣ и вытекаютъ изъ слѣдующихъ статей:

а) »Аже кто поклажаи кладетъ у кого-либо, а туто послуха нѣтъ; у кого тотъ лежитъ товаръ.« Здѣсь слово *кто* имѣетъ характеръ общаго и поелику оно поставлено безъ всякихъ ограниченій и обособленій, то можетъ быть отнесено съ одинаковымъ правомъ какъ къ купцу и боярину, такъ и къ крестьянину. »Но оже начнетъ болшимъ клепати, тому идти ротѣ, у кого лежало.«

---

[1]) По разсчету за голову боярина положено 80 гривенъ, за голову холопа 5 гривенъ, а за голову крестьянина 40 гривенъ.

б) »А мѣсячный рѣзъ, оже за мало дній, то имати ему« (т. е. купцу, боярину и крестьянину).

в) »Аже кто (т. е. бояринъ, купецъ или крестьянинъ) куны даеть въ рѣзы, или наставы медъ, или жито въ присопъ, то послуси ему ставити.«

г) »Аще кто всядеть на чюжь конь не прошавъ.... Пакы ли будеть татебное купилъ въ торгу, или конь, или портъ, или скотину, то выведеть свободна мужа два или мытника.«

д) »А тѣ тяжи всѣ судять съ послухи съ свободными.« Свободными же послухами считаются всѣ, кромѣ холопа, слѣд. и крестьяне (»будеть ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити«).

Само собою разумѣется, что крестьянинъ имѣлъ право пользоваться защитою суда, ибо, если онъ могъ заводить тяжбу, то слѣд. и судиться могъ.

Что же касается послѣдняго права, т. е. права на обработываемый крестьяниномъ участокъ земли, какъ на полную собственность, исключительно ему и никому больше не принадлежащую, то оно не совсѣмъ выразительно изложено въ Русской Правдѣ. Въ ней мы находимъ только перечисленіе судебныхъ пошлинъ за земли бортныя и ролейныя [1]); однакожъ и судебныя пошлины говорятъ многое. Постановивши ихъ, законодатель передалъ потомству драгоцѣнное указаніе на тѣ отношенія къ землѣ, которыя господствовали въ его время. Онъ говоритъ, хотя и не прямо, что судъ разсматривалъ не только дѣла уголовныя (отъ виры 9 кунъ), но и всѣ дѣла, возникшія изъ отношеній къ землѣ (а отъ бортныя земли 30 кунъ, а металнику 12 вскошь, а отъ ролейные земли также и т. д.). Но если въ судѣ разбирались дѣла, касавшіяся земли, то очевидно, что они возникали изъ спора о правѣ владѣнія ею; былъ истецъ и былъ отвѣтчикъ, и котораго-нибудь изъ нихъ судъ признавалъ правымъ, т. е. присуждалъ ему ту землю, изъ-за которой возникала тяжба, и отдавалъ ее въ его полное распоряженіе. Еслибы у крестьянъ не было поземельной соб-

---

[1]) »А се уроци судебные: отъ виры 9 кунъ (вирнику?), а металнику 9 вскошь; а отъ бортныя земли 30 кунъ (вирнику?), а металнику 12 вскошь; а отъ ролейныя земли тако же.... А се уроци ротніи... отъ бортные земли 30 кунъ безъ трею кунъ, тако же и отъ ролейные земли.«

ственности, то невозможны были-бы споры и судебное разбирательство о правѣ владѣнія ею; всѣ споры касались-бы только плодовъ земныхъ; въ этой же статьѣ законъ говоритъ именно о правѣ собственности на землю. Находимые въ Русской Правдѣ границы, межи и бортные знаки [1]), за нарушеніе и порчу которыхъ положено очень высокое, сравнительно съ другими неуголовными преступленіями, наказаніе, свидѣтельствуютъ, что тотъ, чья земля была снабжена ими, считался полнымъ хозяиномъ въ указанныхъ предѣлахъ, и законъ преслѣдовалъ нарушителя его правъ.

И такъ, въ XI вѣкѣ крестьянинъ былъ признаваемъ свободнымъ землевладѣльцемъ, имѣющимъ право, наравнѣ съ бояриномъ, защищать свою личность и свое имущество предъ закономъ, а отсюда вытекаетъ положеніе, что въ то время существовали и крестьянскія земли.

Обращаясь отъ личности къ обществу и проникая въ историческій смыслъ разсматриваемой эпохи, мы замѣчаемъ, что наши первые князья въ дѣлѣ государственной и общественной организаціи вполнѣ оправдали возложенную на нихъ народомъ надежду. Принявши на себя эту трудную задачу, они рѣшили ее самымъ блестящимъ образомъ, что краснорѣчиво доказывается существованіемъ Русской Правды. До прибытія ихъ къ намъ, въ нашей странѣ не было и понятія о порядкѣ; наши физическіе союзы съ хаотическими отношеніями своихъ членовъ оказались неспособными къ интенсивной дѣятельности и потому нуждались въ посторонней помощи. До призванія князей они не имѣли ни сколько-нибудь правильнаго суда, ни разумнаго управленія. По прибытіи князей они получили и то, и другое. Кромѣ потребности въ судѣ и общественномъ устройствѣ, князей подвигалъ на дѣло орга-

[1]) Въ Архивѣ историч. и практич. свѣдѣній, относящихся до Россіи (1859 г. кн. 5-я, стр. 192, отд. Монографіи), есть весьма интересныя свѣдѣнія о бортныхъ знакахъ или *знаменахъ*, которыя дѣлались на бортныхъ деревьяхъ того времени. Оказывается, что 1) знамена по фигурному изображенію носили разныя названія, какъ напр. знамя косы на чертѣ съ рубежемъ, знамя калиты съ поясомъ, знамя лежая съ двумя рубежами, и проч. и 2) что иногда нѣсколько лицъ имѣли одно только знамя, а иногда каждое лицо — свое особое. Поелику же борти разныхъ лицъ находились на одной землѣ, то можно допустить, что бортныя земли составляли не частную собственность, а общинную и находились въ общемъ распоряженіи.

низаціи еще иной двигатель, — финансовый интересъ. Князья должны же были существовать чѣмъ-нибудь. Пока они занимались исключительно войною, война питала ихъ; но когда они усѣлись, надо было обратиться къ другому источнику доходовъ. Этотъ источникъ открылся въ поземельной подати и въ судебныхъ пошлинахъ. Каждый землевладѣлецъ долженъ быть вносить въ княжескую казну опредѣленную подать отъ плуга и рала. Взиманіе этой подати съ каждаго по одиночкѣ сопряжено было съ значительными трудностями и лишено всякой гарантіи. Вмѣсто того, чтобы привлекать къ уплатѣ и взысканіямъ за неуплату каждаго въ отдѣльности, князья обратились къ другой мѣрѣ; они реформировали старое общество; физическіе союзы они передѣлали въ юридическіе, подлежащіе отвѣтственности за своихъ членовъ, какъ во всѣхъ юридическихъ случаяхъ жизни, такъ и въ исправномъ платежѣ княжескаго дохода. Преслѣдуя финансовый интересъ, князья должны были назначить въ каждую общину своихъ слугъ и обязать ихъ слѣдить за интересомъ княжеской казны и доставлять въ нее слѣдуемыя деньги. Русская Правда дѣйствительно указываетъ на присутствіе таковыхъ лицъ въ верви. Въ каждой верви находились писецъ, вирникъ и металникъ [1]). Писцы занимались, по всей вѣроятности, описью воздѣланныхъ и бортныхъ земель, межеваніемъ и веденіемъ писцовыхъ книгъ, въ которыхъ значилось, сколько земли заключалъ въ себѣ ввѣренный имъ округъ и сколько шло съ нея подати [2]). Вирникъ былъ, можетъ быть, въ одно и то же время и членомъ суда, и сборщикомъ судебныхъ пошлинъ, называвшихся въ уголовныхъ дѣлахъ вирою. Метальникъ былъ, кажется, ревизоромъ и оцѣнщикомъ домашняго скота, и вообще движимаго имущества, потому что въ Русской Правдѣ слово *метать* употреблено въ смыслѣ оцѣнки [3]). Изъ источниковъ не видно, чтобы они обнаруживали какое-нибудь вліяніе на теченіе общиннаго судопроизводства и управленія; ихъ дѣятельность въ общинѣ ограничивалась только сборомъ присуждаемыхъ судьями пошлинъ и штрафовъ и переписью имущества. Они содержались однако

---

[1]) П. С. Р. Л. т. VI, стр. 65, 67.

[2]) Это предположеніе подкрѣпляется тѣмъ, что въ Правдѣ объ отправленіи писца съ отрокомъ (тамъ же стр. 65) говорится вслѣдъ за статьями о порчѣ межъ, о раззнаменаніи бортей и межевыхъ дубовъ.

[3]) Тамъ же стр. 61 »а козелъ метанъ по 10 рѣзанъ, а вепрь метанъ по 6 ногатъ, а свинья метана по полугривнѣ.«

не на казенномъ жалованьи, а на иждивеніи общинъ, которымъ вмѣнено въ обязанность платить имъ опредѣленные »уроци судебные и ротные и поконы вирные« и кромѣ того доставлять и имъ, и ихъ лошадямъ кормъ въ теченіе извѣстнаго промежутка времени [1]). Дальнѣйшее движеніе въ общинѣ организація получала въ обязанности, принятой на себя князьями, блюсти и устраивать высшіе общественные интересы. Обыкновенно полагаютъ, что связь князя съ общиною не переходила за предѣлы чисто финансовыхъ отношеній, т. е. что князья ограничивались только сборомъ дани, да виръ, а остальное предоставляли естественному теченію дѣлъ; но это не совсѣмъ справедливо. Изъ Русской Правды и изъ лѣтописей мы ясно видимъ, что князья издаютъ законы, охраняющіе личность и ея имущество, что они строятъ крѣпости, проводятъ дороги и заботятся объ устройствѣ мостовъ, о проведеніи межевыхъ знаковъ и граней, — словомъ: обо всемъ, что относится къ области государственнаго благоустройства. Для устройства дорогъ, мостовъ и крѣпостей каждая община обязывалась содержать на свой счетъ княжескихъ мастеровъ и платить имъ опредѣленное таксою жалованье [2]). Въ видахъ достиженія тѣхъ же государственныхъ цѣлей князья оставляютъ за собою право быть проводниками

---

[1]) Тамъ же стр. 65 и 67. »А се наклады: 12 гривенъ, отроку 2 гривны и 20 кунъ; а самому ѣхати со отрокомъ на дву конехъ, а овесъ сыпати на ротъ, а мяса дати овенъ или полоть, а инѣмъ кормомъ, что има чрево возметь; а писцю 10 кунъ, перекладного 5 кунъ и за мѣхъ двѣ ногатѣ.... А се уроци судебные: отъ виры 9 кунъ, а металнику 9 вскошъ; а отъ бортныя земли 30 кунъ; а металнику 12 вскошь; а отъ ролейные земли такоже; а освободивши челядинъ 9 кунъ, а металнику 9 вскошь; а отъ иныхъ отъ всѣхъ тяжь, кому помогуть, то 4 куны, а металнику по 6 вскошь. А се уроци ротніи: отъ головы 30 кунъ, а отъ бортные земли 30 кунъ безъ трею кунъ, такоже и отъ ролейные земли, а отъ свободы 9 кунъ.«

[2]) »Городнику, закладаючи городню куна взяти, а кончавше ногата; а за кормъ и за вологу (?) и за рыбы 7 кунъ на недѣлю, семеро хлѣбовъ, 7 уборковъ пшена, 7 луконъ овса на 4 кони. А имати ему донелѣ же городъ срубитъ. А солода единоя ему дадутъ 10 луконъ. Мостнику, помостивше мостъ, взяти ему отъ дѣла отъ 10 локотъ по ногатѣ. Оже починить моста ветхаго, то колко городень починить, то взяти ему по кунѣ отъ городни. А мостнику самому другому ѣхати на дву конѣхъ со отрокомъ, а овса 4 лукна на недѣлю, а ясти что мога. А писцю 10 кунъ, перекладнаго 10 кунъ, а за мѣхъ двѣ ногаты.«

принципа общественной нравственности. Они требуютъ, чтобы для преступника, совершившаго преступленіе съ умысломъ, не было ни малѣйшей пощады: съ женою и дѣтьми онъ долженъ быть выданъ князю на потокъ и разграбленіе. Въ этомъ постановленіи они являются проводниками той мысли, что никто не долженъ посягать на чужую жизнь; въ противномъ случаѣ онъ находится внѣ закона и подвергается мщенію и преслѣдованію самымъ безпощаднымъ образомъ. Вмѣстѣ съ этимъ тутъ проглядываетъ современное намъ воззрѣніе на преступленіе, состоящее въ томъ, что если обиженная сторона и прощаетъ вину, то законъ не можетъ простить ее. Организаціонныя начала проникли еще глубже; они проникли во внутренность общины и указали ей норму жизни. Они опредѣлили кругъ дѣятельности ея; отношеніе ея къ своимъ членамъ и отношенія ея членовъ, какъ къ ней самой, такъ и въ отдѣльности другъ къ другу. Мы видѣли, что каждый вполнѣ свободный крестьянинъ былъ вполнѣ самостоятельнымъ лицомъ; но въ то же время онъ, по смыслу закона, былъ членомъ верви, т. е. такого правительственнаго округа, который отвѣчаетъ за него предъ закономъ. Слѣдовательно къ верви онъ состоялъ въ опредѣленныхъ отношеніяхъ, не стѣснявшихъ однакожъ его свободы: онъ могъ вложиться и не вложиться въ виру. Этой свободой отношенія къ обществу каждому крестьянину предоставлялся на выборъ двоякій путь: 1) или жить жизнью общественною и пользоваться всѣми выгодами, соединенными съ нею, 2) или вести жизнь одиночную, внѣ общины, со всѣми ея невыгодами. Здравый смыслъ требуетъ признать, что случаи выбора послѣдняго положенія бывали очень рѣдки. Если сначала кто-нибудь и отказывался участвовать въ платежѣ положенной денежной виры, то жизненный опытъ скоро приводилъ къ сознанію, что такая жизнь не возможна. Тогдашняя грубость нравовъ часто воздвигала ссоры и всяческія несогласія. При господствѣ такихъ нравовъ никто не могъ поручиться, что онъ проживетъ въ мирѣ, безъ ссоры и драки, а еще менѣе могъ поручиться за то, что въ возникшей дракѣ онъ не совершитъ убійства. По закону же, за смертоубійство взыскивалась вира, размѣры которой были такъ велики, что цѣлая вервь затруднялась уплатить ее въ одинъ пріемъ и нуждалась въ разсрочкѣ (»*и которая ми верв начнетъ платити дикую виру колико мѣтъ*«...). Каково же было заплатить ее одному человѣку? Между тѣмъ ему приходилось заплатить полную виру именно за то, что онъ не согласился нести на себѣ часть

общей тяжести и не вложился въ виру: (»*людіе ему не помогаютъ, но самъ платитъ*«). Это вело къ непремѣнному уразумѣнію тѣхъ выгодъ, которыми пользуются люди, живущіе тѣснымъ союзомъ, и къ пробужденію общественныхъ интересовъ: жить внѣ общины становилось и трудно, и невыгодно. Изъ Русской Правды можно видѣть, что въ помощи и содѣйствіи общины нуждался всякій и не только при возникновеніи дѣлъ уголовнаго характера, но и во многихъ другихъ случаяхъ, каковы напр. отыскиваніе потерянаго и украденнаго, совершеніе купли и продажи и т. п. »*Оже челядинъ крыется, а закличетъ и на торгу.... Аще кто конь погубитъ, или оружіе, или портъ, а заповѣсть на торгу... Пакы ли будетъ татебное купилъ въ торгу, ... то выведетъ свободна мужа два... Аще кто взыщетъ куны на друзѣ, а онъ ся учнетъ запирати, то оже выведетъ нань послухы.... А изъ своего города въ чюжю землю свода нѣтъ, но такоже вывесть ему послухы.*« Такимъ образомъ вервь получаетъ значеніе общественнаго организма, члены котораго должны были сплотиться въ тѣсный союзъ и посредствомъ круговой помощи и круговой поруки стремиться къ достиженію общественнаго благосостоянія. Для осуществленія этой цѣли приходятъ на помощь князья еще тѣмъ, что предоставляютъ верви свободу самоуправленія. Разсматривая общину какъ юридическую правоспособную личность, они предоставляютъ ей право учредить у себя выборныя власти (десятскихъ, сотскихъ и т. д.) и вмѣшиваться во всѣ дѣла, касающіяся ея членовъ и возникающія въ предѣлахъ ея территоріи. Въ подтвержденіе чего обратимся снова къ Русской Правдѣ. Въ постановленіяхъ ея объ убійствѣ различаются два рода убійствъ: а) предумышленное и б) случайное (въ пиру, въ ссорѣ, явно); и то, и другое влечетъ за собою послѣдствія, зависящія отъ двухъ условій: если виновнаго нѣтъ на-лицо и если виновный находится въ верви. На всѣ эти случаи постановлены извѣстныя правила, между которыми, по своей важности для настоящей цѣли, особенное вниманіе заслуживаютъ слѣдующія: 1) »*А кто убіетъ княжа мужа въ разбои, а головника не ищутъ, то вервеную платити.... за то.... занеже безъ головника имъ платити.....* 2) *Но оже будетъ убилъ или въ свадьѣ, или въ пиру явлено, то тако ему платити по вервинѣ, еже ся прикладываетъ вирою.*«...

Изъ перваго постановленія вытекаетъ тотъ смыслъ, что законодатель, т. е. верховная власть, не вмѣшивается въ судъ надъ пре-

ступникомъ и отдаетъ его всецѣло общинѣ; до преступника ему нѣтъ никакого дѣла и есть-ли онъ на-лицо, или нѣтъ его, хотятъ-ли его разыскивать или не хотятъ, для него рѣшительно безразлично, исключая вышеприведенный случай, когда преступленіе совершено съ умысломъ. Отсюда слѣдуетъ, что личность преступника находилась въ полномъ распоряженіи общины. И не только преступникъ былъ отвѣтственъ предъ общиною, но и всѣ тѣ, кто былъ очевидцемъ преступленія, ибо они допустили фактъ его совершенія. Если человѣкъ убитъ явно, т. е. въ присутствіи другихъ, то что же эти другіе дѣлали, куда они смотрѣли? Очевидно, они виновны и ихъ слѣдовало притянуть къ суду и взыскать виру; ибо, неся повинность по уплатѣ виры, ложившейся на нее тяжкимъ бременемъ, община пріобрѣтала, по законамъ справедливости, полное право взыскать съ тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые по оплошности или равнодушію не воспрепятствовали совершенію убійства. Но тутъ представляется вопросъ: кто производилъ необходимое въ этомъ случаѣ судебное разслѣдованіе и кто былъ судьею? Финансовый интересъ князя требовалъ, чтобы судьи были княжескіе чиновники. Изъ лѣтописныхъ источниковъ и изъ церковнаго устава Владиміра Св. намъ извѣстно, что въ то время дѣйствительно существовали княжіе мужіе, называвшіеся намѣстниками, тіунами и проч., съ правомъ суда; но намъ извѣстно также, что и общины имѣли то же право. Спрашивается: какую же роль играли въ общинахъ княжескіе судьи? Когда совершался фактъ преступленія, тогда начинается полицейское разыскиваніе виноватаго, потомъ разбирательство дѣла и наконецъ постановленіе рѣшенія. Все это вполнѣ зависѣло отъ общины, какъ первой судебной инстанціи. Міровой приговоръ ея имѣлъ мѣсто во многихъ случаяхъ: а) тогда, когда шелъ вопросъ о томъ,—искать или не искать убійцу (головника); б) тогда, когда опредѣлялось количество виры, падающей на виновнаго; в) такъ, какъ найденный трупъ нуждался въ освидѣтельствованіи (ибо, по точному смыслу Русской Правды, нужно же было узнать, отчего произошла смерть,—отъ естественной-ли причины,—отъ болѣзни, грома...,—или отъ насилія; и если покойникъ погибъ насильственною смертью, то опять надобно было узнать, кто виновникъ его смерти, гдѣ онъ находится и къ какой верви принадлежитъ,—къ той-ли, гдѣ трупъ найденъ или къ другой): то вервь и тутъ выступала, какъ истецъ и судья; г) вервь также входила въ разбирательство того, на виру-ли явно, или пред-

намѣренно совершено убійство. Однимъ словомъ ей принадлежало разсмотрѣніе всего, что могло возникнуть въ связи съ преступленіемъ. Княжескіе судьи сюда не мѣшались, какъ судьи, но имъ слѣдовало вмѣшиваться, какъ контролерамъ, обязаннымъ слѣдить за тѣмъ, чтобы въ княжескую казну была взнесена вира. Такова, по всей вѣроятности была дѣятельность прежде всего вирника; онъ, вѣроятно, присутствовалъ въ то время, когда производился судъ и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы убійца былъ непремѣнно подвергнутъ денежному взысканію. Кромѣ дѣлъ, возникавшихъ между членами общины, могли возникнуть и, безъ сомнѣнія, возникали уголовные иски между общиною и княжими слугами, между общиною и церковными людьми или наконецъ между двумя сосѣдними общинами, тогда подобныя дѣла не могли рѣшаться однимъ мірскимъ приговоромъ; тутъ требовалось участіе лица, не заинтересованнаго въ дѣлѣ. Такимъ третьимъ лицомъ, заступавшимъ въ этомъ случаѣ мѣсто князя, являлся въ качествѣ высшей инстанціи намѣстникъ, княжій мужъ, или наконецъ самъ князь. Переходя теперь отъ вопроса объ убійствѣ къ вопросамъ гражданскаго свойства, напр. къ имущественнымъ отношеніямъ, мы и здѣсь находимъ подтвержденіе того положенія, что община была важнымъ лицомъ. Русская Правда такъ говоритъ о вмѣшательствѣ общины въ татебныя дѣла и вообще въ дѣла по имуществу:

1) »Аще кто конь погубить, или оружіе, или портъ, а зановѣсть на торгу, а послѣди познаеть въ городѣ, свое ему лицемъ взяти, а за обиду ему взяти три гривны. Аже кто познаеть свое, что будеть погубилъ,... то не рѣчи ему: се мое, но поити на сводъ, гдѣ еси взялъ? сведутся, кто будеть виноватъ, на того татба спидеть.....

2) Оже челядинъ крыется, а закличеть и на торгу, а за три дня не выведуть его, а познаеть и въ 3 день, то свой челядинъ поняти.....

3) А слѣдъ гонити съ чюжими людми и послухы.«

Самое важное въ этихъ постановленіяхъ то, что истецъ не прежде могъ приступить къ отыскиванію пропавшей вещи какъ тогда, когда объявитъ объ ея пропажѣ на торгу. Подъ словомъ торгъ надо понимать такую площадь, на которую собирались люди не только для совершенія торговыхъ сдѣлокъ, но и для разсужденія и совѣщанія объ общественныхъ дѣлахъ. Площадь эта была мѣстомъ общественнаго суда; на ней составлялся мірской приговоръ. Если вещь послѣ объявленія на торгу о ея пропажѣ, отыскивалась, то собственнику предо-

ставлялось право взять ее себѣ на законномъ основаніи, и обратно: онъ терялъ на нее всякое право, если не повѣдалъ міру о пропажѣ. Точно также міръ, или община — должны были знать, что кто пріобрѣлъ: купленная вещь не считалась собственностью купившаго, если онъ не можетъ представить свидѣтелей, которые бы показали, что они дѣйствительно видѣли, какъ онъ покупалъ. Эти свидѣтели играли весьма важную роль при отыскиваніи украденнаго. Порядокъ отыскиванія вора былъ таковъ: съ поличнымъ въ рукахъ и въ сопровожденіи свидѣтелей истецъ отправлялся на сводъ къ тому, кто продалъ вещь и требовалъ обратно свои куны, а этотъ въ свою очередь такимъ же порядкомъ шелъ къ своему продавцу, тотъ къ слѣдующему и т. д., пока не добирались до настоящаго вора (до чеклого татя), или пока не доходили до конца свода, гдѣ обыкновенно искъ прерывался («а по чюжимъ землямъ свода нѣтъ»). Нѣтъ сомнѣнія поэтому, что частныя сдѣлки и частные гражданскіе иски находили освященіе въ приговорѣ общины, которая участвовала въ частномъ дѣлѣ или полнымъ своимъ составомъ (на торгу), или частью, посредствомъ свидѣтелей. И такъ, оставляя судебно-полицейскую власть въ рукахъ общинъ, законодатель, очевидно, хотѣлъ, чтобы въ нихъ развились общинный самосудъ и самоуправленіе.

Крестьяне полусвободные или земледѣльцы. Находясь въ иныхъ условіяхъ быта, чѣмъ крестьяне-землевладѣльцы, смерды, закупы и наймиты пользовались и инымъ общественнымъ значеніемъ, обусловливавшимъ собою меньшую долю правъ. Полусвободный и полухолопскій характеръ личности смерда показанъ нами раньше. Въ дополненіе къ сказанному мы можемъ прибавить еще слѣдующее: въ Русской Правдѣ вездѣ, гдѣ только упоминается смердъ, непремѣнно прибавляются слова князь или княжій. Такъ мы читаемъ: «смерды платять княжю продажу...., аже смердъ мучить смерда безо княжа слова...., оже смердъ умреть безъ дѣтей, то сстатокъ его князю.« Во всѣхъ этихъ статьяхъ смердъ представленъ такимъ же княжимъ человѣкомъ, какъ напр. княжій тивунъ, княжій отрокъ и т. п. Изъ этого же можно вывести заключеніе, что смердами назывались тѣ крестьяне, которые поселились на земляхъ, составлявшихъ частную собственность князей. Если же они были крестьяне княжескіе, то какъ сложились ихъ отношенія къ князю и его землѣ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы обратимся къ разъясненію правъ и общественныхъ отношеній закупа, который, какъ

мы видѣли выше, представляетъ замѣчательное сходство съ смердомъ по одинаковости ихъ общественнаго положенія.

Обязательства, которыя принималъ на себя закупъ, имѣли послѣдствіемъ не совсѣмъ завидное общественное положеніе его. Понимая это, законодатель обратилъ на него особенное вниманіе и старался оградить его личность отъ посягательства на нее богатаго землевладѣльца, который, благодаря своей силѣ и значенію, легко могъ завладѣть имъ и, исключивъ его изъ общества, лишить личности или, другими словами, обратить въ рабство, »что было-бы съ одной стороны вопіющею несправедливостью, а съ другой лишило-бы общество полезныхъ для него членовъ, отправлявшихъ общественныя матеріальныя повинности, тянувшихъ тягло.« Поэтому особыми и сравнительно подробными статьями онъ рѣшился опредѣлить его общественное положеніе и отношеніе къ землевладѣльцамъ и для этой цѣли постановилъ:

1) »Оже закупный человѣкъ бѣжить отъ осподаря, то обѣль; идеть-ли искати кунъ, а явлено ходить, или ко князю, или ко судіямъ бѣжить, обиды дѣля своего господина, то ему про то не робять его, но дати ему правда.

2) А иже у господина ролейны закупъ будеть, а погубыть свойскый конь, не платити ему; но еже далъ ему господинъ плугъ и борону, отъ него же копу емлеть, то то ему погубивше платити.

3) Аще ли господинъ его отъслеть на свое орудіе, а погибнеть безъ него, того ему не платити господину.

4) А изъ хлѣва, изъ забоя выведуть, то закупу того не платити господину; но еже погубить на полѣ, или въ дворъ не вженеть и не затворить, гдѣ ему господинъ его велить или орудія своя дѣя погубить, то ему платити.

5) Оже господинъ пріобидить закупа, уведеть вражду и увередить цѣну, а введеть въ купу его, или отарицю, то то ему все воротити, а за обиду ему платити 60 кунъ; аще ли пріиметь на немъ кунъ, то опять ему воротити куны, что будеть пріялъ, а за обиду ему платити 3 гривны продажи.

6) Продасть ли господинъ закупа обѣль, то наймиту свобода во всѣхъ кунахъ, а господину платити за обиду 12 гривенъ.

7) Аще ли господинъ біеть закупа про дѣло, то безъ вины есть; біеть ли не смысля піянъ, безъ вины, то яко же свободну платежь, такоже и въ закупѣ.«

Постановленія эти позволяютъ намъ сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ, изъ которыхъ одни даютъ характеристику личности закупа и его общественнаго положенія, другіе показываютъ, каково было отношеніе его къ землевладѣльцу. Первое, на что указываетъ Русская Правда, это то, что бѣдный крестьянинъ вступалъ въ такія договорныя отношенія къ богатому землевладѣльцу, въ силу которыхъ онъ обязывался за опредѣленное вознагражденіе произвести извѣстную работу. Сдѣлка, заключаемая ими, бывала двухъ родовъ: а) или крестьянинъ поступалъ въ личное услуженіе помѣщика и, дѣлаясь наймитомъ, становился въ ряды его дворни, или б) брался за земледѣліе, обязавшись не только воздѣлывать ниву своего господина, но и исполнять всяческія его порученія, которыя названы въ Русской Правдѣ неопредѣленнымъ выраженіемъ *орудіе*, означавшимъ вообще всякую работу. Въ первомъ случаѣ онъ получалъ условленную плату, которая выдавалась по окончаніи срока контракта, во второмъ—онъ на первыхъ же порахъ получалъ отъ своего господина плугъ, борону, рабочій скотъ, условленной величины участокъ земли для обзаведенія собственнымъ хозяйствомъ и, вѣроятно, нѣкоторую денежную подмогу, а послѣ жатвы и уборки хлѣба опредѣленное количество жатвеннаго сбора. Заключивши то или другое условіе, крестьянинъ по собственному желанію и по доброй волѣ какъ-бы запродавалъ себя и обратно господинъ какъ-бы покупалъ его; отсюда произошло названіе *закупъ*. Вслѣдствіе двоякаго рода условій и закупы дѣлились на два разряда: закупъ дворный и закупъ ролейный; но кажется, что въ разсматриваемое время между ними не дѣлалось строгаго разграниченія; не отличались они ничѣмъ особеннымъ и отъ наймита, ибо въ Русской Правдѣ и тотъ, и другой безразлично названы наймитами (»Продастъ ли господинъ закупа обѣль, то наймиту свобода во всѣхъ кунахъ«), хотя особенныя отличія, оттѣняющія каждаго изъ нихъ несомнѣнно понимались, ибо зачѣмъ-бы въ противномъ случаѣ употреблялись три различныя выраженія? По окончаніи срока контракту, работникъ могъ или вступать въ новый договоръ съ господиномъ, или отойти отъ него, получивши, если онъ былъ наймитомъ, условленное жалованье (»Идеть ли искати кунъ, а явлено ходить, или ко князю, или къ судіямъ бѣжить, обиды дѣля своего господина«) [1]), а если былъ ролейнымъ закупомъ, то воз-

[1]) Смыслъ этого постановленія таковъ: Если господинъ не заплатитъ наймиту за его работу слѣдуемой по контракту платы, то

вративши хозяину орудія производства. Во-вторыхъ, законъ беретъ личность закупа и наймита подъ свою непосредственную защиту, которою и опредѣляется ихъ общественное значеніе. Прежде всего закупъ не считался рабомъ, и кто-бы вздумалъ продать его въ рабство, подвергся-бы строгому наказанію: онъ не только терялъ право на всѣ деньги, которыя закупъ взялъ у него, но еще въ наказаніе платилъ самый высокій въ неуголовныхъ дѣлахъ штрафъ (»продасть ли господинъ закупа обѣль, то наймиту свобода во всѣхъ кунахъ, а господину платити и за обиду 12 гривенъ«). Рабомъ онъ становился въ такомъ только случаѣ, когда, уклоняясь отъ исполненія условій контракта, бѣжалъ отъ господина. (»Оже закупный человѣкъ бѣжить отъ осподаря, то обѣль«). Въ этомъ случаѣ законодатель руководствовался тѣмъ же принципомъ, какимъ онъ руководствовался по отношенію ко всякому другому члену общества. Въ статьяхъ о займѣ сказано, что и купецъ обращался въ рабство, если умышленно не хотѣлъ возвратить занятыхъ денегъ. Личность холопа была поставлена внѣ всякихъ гарантій; »въ холопѣ и робѣ виры нѣтъ,« говоритъ законъ, а только есть урокъ, то-есть плата господина за лишеніе его рабочей силы; поэтому, еслибы закупъ считался рабомъ, то личность его была-бы изъята изъ-подъ покровительства и защиты закона, между тѣмъ мы видимъ обратное. Находясь въ имѣніи сильнаго и богатаго собственника и отдавшись въ его распоряженіе, закупъ могъ подвергаться и, безъ сомнѣнія, подвергался всякаго рода оскорбленіямъ, обидамъ и притѣсненіямъ, ибо на нихъ указываетъ сама же Правда. Господинъ могъ не заплатить ему сполна всего жалованья или, какъ говорится въ законѣ, уворедить цѣну, или даже совсѣмъ ничего не заплатить, онъ могъ произвольно отрѣзать кусокъ отъ того участка земли, который при совершеніи контракта отданъ былъ закупу въ пользованіе (»введеть въ отарицю«) [1]), не додать слѣдующій по условію жатвенный снопъ (»вве-

---

наймитъ свободенъ уйти отъ него прямо къ судьямъ, объявить имъ свою претензію и просить ихъ, чтобы они заставили хозяина заплатить ему слѣдуемое. Слѣд. плата въ этомъ случаѣ производилась по окончаніи опредѣленной условіями работы.

[1]) Отарица, по толкованію Болтина, значитъ участокъ земли, который давался землевладѣльцемъ закупу во временное владѣніе, т. е такой участокъ, который впослѣдствіи назывался крестьянскою паш-

деть въ купу его«), взваливши на него неосновательную претензію (»уведеть вражду«), потребовать платы за пропавшую борону и скотину, хотя-бы въ пропажѣ ихъ закупъ былъ совершенно неповиненъ, съ-пьяна могъ издѣваться надъ нимъ, бить его и, наконецъ, вопреки законамъ продать его въ рабство. Желая оградить и защитить его личность отъ возможнаго насилія, законодатель предписываетъ, въ какихъ случаяхъ онъ можетъ быть признанъ дѣйствительно виновнымъ, а въ какихъ нѣтъ. Виновность его признавалась тогда, когда онъ бѣжадъ отъ господина, не выполнивши всѣхъ условій, когда по его оплошности и недосмотру пропадали господскіе плугъ и борона, когда онъ до смерти морилъ на своей собственной работѣ господскую скотину, когда вопреки волѣ и приказанію господина не загонялъ скотины въ сарай и становился виновникомъ ея похищенія. За бѣгство онъ подвергался опасности обратиться въ полнаго раба, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ или платить хозяину стоимость пропавшаго, или подвергался отъ него побоямъ: »аще ли господинъ біеть закупа про дѣло, то безъ вины есть.« Такимъ же образомъ опредѣлена и невинность закупа. Онъ не виноватъ, если сбѣжитъ отъ господина для того, чтобы пожаловаться судьямъ на его притѣсненія и искать у нихъ защиты: »искати куны, обиды дѣя своего господина,« если въ его отсутствіе по дѣламъ хозяина случится воровство и, наконецъ, если случится воровство въ то время, когда онъ дома, но воровство изъ подъ замка. Чувствуя себя невиннымъ, или претерпѣвая напрасныя притѣсненія, закупъ, подобно всякому свободному гражданину, пользовался полнымъ правомъ защищать себя посредствомъ закона и судей, которые не смѣли отказываться отъ разсмотрѣнія дѣла и обязаны были дать ему правду, т. е. если онъ правъ, то притянуть обвиняемаго господина къ строгому взысканію. Подобно всякому свободному, закупъ могъ быть представленъ во свидѣтели и свидѣтельство его имѣло вѣсъ и значеніе, кото-

---

нею. См. крестьяне на Руси стр. 18 и Рус. Достоп. 1843 г. ч. 2, стр. 174. Не происходитъ-ли *отарица* отъ глагола *орать* и не называлась-ли *оратицей* (т. е. полемъ для оранія, для обработки), а оратица, черезъ перестановку звуковъ *р* и *т*, передѣлалась въ отарицу? Наконецъ, можетъ быть *отарица* имѣетъ здѣсь какое-нибудь отношеніе къ овцамъ, ибо въ степяхъ южной Россіи *отарою* называется стадо овецъ?

раго рабы были лишены: »а холопу на правду не вылазити... послушество на холопа не вкладають..., а послушество... сложити на закупа.« Въ Русской Правдѣ сказано, что если онъ погубитъ скотъ, »орудія своя дѣя,« то уплачиваетъ его стоимость; это значитъ, что у него было свое хозяйство, отдѣльное, независимое, состоявшее въ землѣ, которую онъ воздѣлывалъ при помощи господской скотины. Мало того: онъ могъ ссужать своего господина деньгами (»аще ли пріиметъ на немъ кунъ, то опять ему воротити куны, что будетъ пріялъ, а за обиду ему платити 3 гривны продажи«); стало быть, у него былъ свой движимый капиталъ. За напрасные побои, за оскорбленіе личности закупа, хозяинъ платилъ штрафъ, какъ еслибы онъ оскорбилъ свободнаго: »біеть-ли не смысля піянъ безъ вины, то якоже свободну платежь, такоже и въ закупѣ.« Наконецъ, закупъ наравнѣ съ свободнымъ пользовался правомъ свободнаго перехода отъ одного хозяина къ другому, если только съ первымъ учинилъ надлежащій разсчетъ и не остался ничего ему должнымъ. Время для перехода не было опредѣлено; ему дозволялось уйти, когда угодно. »А въ дачѣ не холопъ, и ни по хлѣбѣ робять, ни по придатци; но оже не доходять года, то ворочати ему милость, отходитъ ли, то не виноватъ есть.«

Не смотря однакожъ на эти постановленія законодательства XI вѣка, мы не имѣемъ права считать закупа вполнѣ свободнымъ членомъ общества по многимъ причинамъ, указаннымъ между прочимъ тѣмъ же самымъ законодательствомъ. Нельзя отрицать напр. того, что онъ во всякомъ случаѣ считался маленькимъ, незначительнымъ лицомъ. У него нѣтъ собственныхъ орудій полеваго производства; у него маленькое хозяйство; если его и призываютъ во свидѣтели, то всегда въ дѣлахъ ничтожныхъ и какъ-бы по недостатку другихъ свидѣтелей: »а въ малѣ тяжѣ по нужѣ сложити (свидѣтельство) на закупа;« хозяинъ могъ бить его за дѣло и ни законъ, ни общество не вступались за него. Если хозяинъ попадался человѣкъ невыносимый, жить съ которымъ было внѣ всякой возможности, то закупу приходилось бѣжать, не кончивши счетовъ; между тѣмъ, попытка къ бѣгству не очистившись отъ долгу рисовала въ перспективѣ положеніе еще болѣе ужасное — рабство. Все это вмѣстѣ взятое свидѣтельствуетъ о томъ, что общественное положеніе закупа было положеніе полусвободнаго, ведшее къ совершенному его порабощенію въ будущемъ. Впрочемъ, разсматривая вопросъ о закупничествѣ, не слѣдуетъ терять изъ виду одно

важное обстоятельство, а именно: что во времена Русской Правды закупы составляли меньшинство. Предположеніе это вытекаетъ изъ началъ, лежавшихъ въ устройствѣ вервей. Мы видѣли, что въ извѣстныхъ случаяхъ вервь должна была платить князю дикую виру. Каждый членъ верви взносилъ причитавшуюся на его долю часть этой виры. Понятно, что чѣмъ больше членовъ въ верви, тѣмъ легче каждому изъ нихъ нести общую повинность. Община поступала-бы противъ своихъ собственныхъ интересовъ, еслибы выпускала отъ себя членовъ. Тѣ бѣдняки крестьяне, которые рѣшились-бы запродать себя помѣщику за ссуду, за сѣмена, за земледѣльческія орудія и проч., легко могли вступать въ такія же отношенія къ общинѣ. Община, подобно всякому землевладѣльцу, въ состояніи была снабдить нуждающагося крестьянина всѣмъ, что нужно для распашки невоздѣланной земли и вмѣстѣ съ тѣмъ освободить его отъ условій, налагаемыхъ помѣщикомъ. Если кто-нибудь поэтому и выходилъ изъ общества, то это случалось, какъ всякое исключеніе, рѣдко. Не знаемъ, въ какой мѣрѣ то, что мы говорили объ устройствѣ общинъ крестьянъ-землевладѣльцевъ и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, можетъ быть примѣнено къ состоянію крестьянъ-земледѣльцевъ, потому что для этого у насъ не достаетъ историческихъ указаній. Можно думать двояко: можно думать, что они находились въ непосредственной зависимости отъ органовъ княжеской власти (отъ правительства), потому что показанная нами степень зависимости ихъ отъ землевладѣльцевъ ставила ихъ въ то особенное положеніе, которое предполагаетъ особенную организацію ихъ общества. Для огражденія какъ ихъ интересовъ, такъ и интересовъ помѣщика, можно допустить посредничество третьяго, а роль эта всего лучше подходитъ къ органамъ княжеской власти. Но можно думать и иначе. Извѣстно, что въ XVI вѣкѣ, когда государственнымъ актомъ крестьяне были обращены въ крѣпостное состояніе, въ югозападной Россіи встрѣчаются примѣры такой полной автономіи крестьянскихъ обществъ, которая возможна только въ обществахъ, состоящихъ изъ совершенно свободныхъ и самостоятельныхъ членовъ. Крестьянскія общества того времени могли производить судъ надъ каждымъ изъ своихъ членовъ и даже могли требовать къ суду и осуждать на смертную казнь помѣщика [1]). Правда, эти примѣры не сви-

[1]) См. Сельская община, Иванишева.

дѣтельствуютъ въ пользу общности такого порядка въ теченіе XVI ст.; это—одинъ изъ обломковъ старины, но обломокъ весьма важный, показывающій, что было нѣкогда. Можно поэтому предполагать, что устройство крестьянскихъ обществъ, расположенныхъ на земляхъ помѣщиковъ во времена Русской Правды, нисколько не разнилось отъ устройства тѣхъ крестьянскихъ обществъ, членами которыхъ были крестьяне-собственники. Но вѣрнѣе, кажется, первое, ибо такое явленіе, какъ то, о которомъ говорятъ акты XVI в., скорѣе всего могло возникнуть въ періодъ господства удѣльно-вѣчевыхъ порядковъ, а не во времена Русской Правды.

Для полноты очерка необходимо рѣшить еще одинъ вопросъ, вопросъ о политическомъ значеніи крестьянъ отъ IX до конца XI вѣка. Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ мы не можемъ дать удовлетворительнаго отвѣта потому, что не достаетъ данныхъ, на основаніи которыхъ мы могли-бы построить свои заключенія. Намъ извѣстно только, что Новгородцы имѣли вѣче, что Кіевляне изгнали Изяслава I и на мѣсто изгнаннаго посадили на престолѣ освобожденнаго изъ тюрьмы Всеслава. Но эти указанія слишкомъ недостаточны для того, чтобы составить себѣ по нимъ опредѣленное понятіе о политической роли крестьянъ, ибо не извѣстны ни значеніе тогдашняго вѣча, ни объемъ его власти, ни наконецъ сфера его дѣятельности. Есть однакоже основаніе предполагать, что правительственный округъ, называемый въ Русской Правдѣ вервью, заключалъ въ себѣ центральный правительственный пунктъ — городъ, и что къ этому центру тяготѣли жители округа; другими словами, жители верви, слѣд. и крестьяне, имѣли въ городѣ свое народное представительство въ лицѣ посадника, тысяцкаго и другихъ выбранныхъ народомъ лицъ. Эти лица состояли при князѣ и образовали его кабинетъ, думу. Съ ними онъ думалъ о правленіи и съ ними же устраивалъ государство и рѣшалъ вопросы о мирѣ и войнѣ. Появленіе же толпы на вѣчѣ и рѣшеніе дѣлъ массою можно объяснить разладомъ, весьма возможнымъ при рѣшеніи извѣстнаго вопроса между княземъ и народными сановниками. Тогда, когда этотъ разладъ возникалъ, они обращались къ народу и, заявляя ему объ этомъ, вызывали его такимъ образомъ на вѣче. Постановленія князя, произведенныя съ-общa съ его думою, и опредѣленія вѣча становились обязательными для жителей округа. Здѣсь, кажется, надобно искать объясненія извѣстному изреченію: на чемъ старшіе положатъ, на томъ и приго-

роды станутъ. Если это такъ, если правительство было въ дѣйствительности монархическое представительное, то крестьяне принимали самое дѣятельное участіе во всѣхъ вопросахъ, относящихся къ области государственнаго права, имѣли вліяніе на вопросы: о мирѣ и войнѣ, о политическомъ устройствѣ страны и наконецъ о княжеской власти.

Крестьяне XII в. и первой половины XIII в.

Это время извѣстно въ исторіи подъ именемъ удѣльно-вѣчеваго. Оно начинается со смерти Ярослава, послѣдовавшей въ 1054 году. Умирая, великій князь оставилъ завѣщаніе, въ которомъ значится слѣдующее: »Се азъ отхожу свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ себѣ любовь, понеже вы есте братія единого отца и матере. Да аще будете въ любви межи собою, Богъ будеть въ васъ, и покоритъ вамъ противныя, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавистно живуще въ распряхъ которающеся, то погибнете сами и потеряете землю отець своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ. Но пребывайте мирно живуще, послушайте братъ брата. Се же поручаю въ себе мѣсто столъ свой старѣйшему сыну своему, а брату вашему Изяславу Кіевъ, сего же послушайте, якоже послушасте мене, да тотъ вы будеть въ мое мѣсто; Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игореви Володимерь, а Вячеславу Смоленьскъ. И тако раздѣли имъ грады и заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни изгопити, рече къ Изяславу: аще кто хощеть обидѣти брата своего, то ты помагай по немъ, его же обидять« [1]). Въ этихъ предсмертныхъ словахъ Ярославъ передалъ потомству свой взглядъ на Русскую землю и свои *desideria* относительно будущаго государственнаго устройства страны. Въ силу этого завѣщанія русская земля должна составлять принадлежность потомковъ Ярослава, которые могутъ дѣлить ее между собою на княжества, но не на основаніи частнаго права, а на правѣ государственномъ, ибо она не была ихъ завоеваніемъ. Важнѣйшимъ княжествомъ должно считаться княжество Кіевское и главнымъ, старшимъ княземъ долженъ быть князь Кіевскій. Кіевское княжество должно принадлежать князю, старшему по лѣтамъ. Князю этому пре-

[1]) П. С. Л. т. V, стр. 138—139.

доставлена роль посредника и миротворца прочихъ князей, которые поэтому обязаны обращаться къ нему для разбора всѣхъ недоразумѣній, споровъ и несогласій, готовыхъ возникнуть изъ ихъ взаимныхъ отношеній другъ къ другу. Но этотъ князь не получилъ права вторгаться въ образъ дѣятельности удѣльнаго князя въ предѣлахъ его собственнаго княжества. Въ своемъ княжествѣ удѣльный князь — полный хозяинъ. И такъ, въ основаніи Ярославова завѣщанія лежитъ идея федераціи. Въ этой идеѣ заключается стремленіе Ярослава вызвать къ жизни такой государственный порядокъ, по которому Россія представляла-бы какъ въ территоріальномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ вполнѣ разчлененный организмъ, котораго-бы члены находились однакожъ въ извѣстной степени подчиненія головѣ. Независимыя другъ отъ друга княжества должны были получить, по мысли завѣщателя, общій центръ тяготѣнія въ Кіевѣ и Кіевскомъ княжествѣ. Независимые другъ отъ друга князья должны были обращаться къ князю Кіева, какъ къ своему гегемону. Но такая правильность организаціи не осуществилась и не могла осуществиться, потому что для нея не существовало точныхъ опредѣленій. Завѣщатель ни однимъ словомъ не даетъ разумѣть, каковы должны быть гарантіи того порядка, который онъ считалъ единственно возможнымъ и спасительнымъ для блага потомства. Какъ движеніемъ планетнаго міра управляютъ двѣ радикально противуположныя силы — центробѣжная и центростремительная, такъ и здѣсь, въ федеративной организаціи, была пробуждена дѣятельность такихъ же двухъ силъ — централизаціонной и децентрализаціонной. Но въ мірѣ физическомъ эти двѣ силы равны и равновѣсіемъ своимъ обусловливаютъ круговое движеніе планетъ; въ мірѣ же политическомъ удѣльно-вѣчевой Руси равновѣсіе этихъ силъ продолжалось не долго. Во второй половинѣ XII в. (1169 г.) взяла перевѣсъ сила центробѣжная и порвала федеративную связь. Правда, что и до 1169 года обнаруживались попытки достигнуть обособленія, но дѣло дальше не шло; попытки такъ и остались попытками. Когда же на Владимiро-Суздальскій престолъ вступилъ энергическій Андрей Боголюбскій, тогда, благодаря одному событію, сила, противуположная централизаціи, получила сильную поддержку и положила основаніе рѣшительному разъединенію княжествъ, сдѣлавшемуся между прочимъ одною изъ могущественнѣйшихъ причинъ порабощенія Россіи татарами. Произведенный Боголюбскимъ разгромъ Кіева, гдѣ находился тогдашній объединяющій центръ

Россіи, прекратилъ связь, которою соединялся югъ съ сѣверомъ. Кіевъ пересталъ привлекать къ себѣ вниманіе князей и, потерявши вмѣстѣ съ значеніемъ первопрестольнаго города свою притягательную силу, былъ притянутъ съ своею периферіею къ новому, возраставшему тогда на западѣ центру. Составляя свое завѣщаніе, Ярославъ не предвидѣлъ тѣхъ послѣдствій, которыя обнаружились съ возникновеніемъ удѣльно-вѣчеваго порядка. Кіевскимъ княжествомъ, по смыслу завѣщанія, долженъ владѣть старшій по лѣтамъ. Пока перевѣсъ лѣтъ былъ на сторонѣ только одного князя, до тѣхъ поръ споры могли и не возникать; но что должно было произойти, когда въ силу размноженія людей однолѣтнихъ появлялось нѣсколько? Каждый изъ нихъ могъ объявить и дѣйствительно объявлялъ притязанія на Кіевскій престолъ, а отсюда вытекалъ безконечный рядъ споровъ и междоусобій, наполнившихъ собою все время удѣловъ. Точно такъ же мало были опредѣлены и отношенія князей другъ къ другу, а это повело къ ожесточенной борьбѣ идеи федераціи съ идеею обособленія,—борьбѣ, окропившей страницы русской исторіи XI, XII и XIII вѣковъ крупными кровавыми брызгами. Въ теченіе всего этого времени съ трудомъ наберется нѣсколько десятковъ годовъ, протекшихъ мирно, безъ княжескихъ междоусобій.

Самые обыкновенные аттрибуты войны суть: убійство, разореніе и опустошеніе, а почти безотлучные ея спутники — моръ и голодъ. Частое посѣщеніе страны такими гостями не обходится для нея безъ сильныхъ потрясеній. Серьёзное значеніе этого обстоятельства станетъ еще очевиднѣе, если къ княжескимъ междоусобіямъ присоединимъ нападенія Половцевъ, Литовцевъ, Чуди и наконецъ въ XIII стол. нашествіе татаръ, окончившееся для Россіи и вѣстною катастрофою. До перваго нашествія татаръ Соловьевъ насчитываетъ 80 княжескихъ междоусобій, что на каждые два года составляетъ по одному междоусобію (1055—1228 г.); иногда они продолжались по 12 и по 17 лѣтъ сряду [1]). Дѣятельное участіе въ этихъ междоусобіяхъ принимали Половцы; участіе ихъ дорого обходилось народу, ибо въ то время, когда, говоря словами Соловьева, »князья воевали другъ съ другомъ, войско ихъ, состоявшее преимущественно изъ Половцевъ, воевало противъ народа, потому что другаго образа веденія войны не понимало....

---

[1]) Ист. Россіи, т. III, стр. 41.

Въ 1160 г. Половцы, приведенные Изяславомъ Давидовичемъ въ Смоленскую область, вывели оттуда болѣе 10,000 плѣнныхъ, не считая убитыхъ; походъ Изяслава Мстиславича на Ростовскую область (1149 г.) стоилъ послѣдней 7,000 жителей. Самое большое число княжескихъ междоусобій безъ участія Половцевъ и при участіи ихъ приходится въ теченіе вышеозначеннаго времени на Кіевское княжество, а менѣе всего на Туровское; на первое приходится 23, а на послѣднее 4. Средину составляютъ княжества: Черниговское (20), Полоцкое (18), Волынское (15), Новгородское (12), Суздальское (11), Рязанское (7), Галицкое до смерти Романовой и Смоленское (6) [1]. Кромѣ постояннаго участія въ усобицахъ княжескихъ, Половцы и сами по себѣ нерѣдко опустошали Русскія волости; лѣтопись указываетъ 37 значительнѣйшихъ половецкихъ нападеній, но видно были другія, не записанныя подробно по порядку. Черниговское и Переяславское княжества страшно страдали. Святославъ Ольговичъ Черниговскій говоритъ, что города у него пустые, живутъ въ нихъ только псари да Половцы; Владиміръ Глѣбовичъ Переяславскій говоритъ, что его волость пуста отъ Половцевъ; Кіевскому княжеству также много доставалось отъ нихъ, а Волынскому, Туровскому, Полоцкому и Новгородскому доставалось много отъ Литвы и Чуди, особенно въ послѣднее время; въ первые 28 лѣтъ XII вѣка упоминается 8 разъ о литовскихъ нашествіяхъ [2]. И такъ, если къ 80 годамъ княжескихъ междоусобій прибавимъ 45 важнѣйшихъ литовскихъ и половецкихъ нашествій, то, по справедливому замѣчанію Соловьева, не много останется времени, въ которое какая-нибудь область не потерпѣла-бы отъ опустошеній. Что же касается мора и голода, то лѣтописныя извѣстія объ нихъ скудны потому, что лѣтописцы говорили объ этомъ обыкновенно мимоходомъ. Не смотря однакожъ на ихъ скудость, мы узнаемъ, что въ теченіе 160 лѣтъ было 8 случаевъ страшнаго голода и дороговизны и нѣсколько случаевъ моровой язвы [3]. Въ 1231 году былъ такой страшный голодъ, что люди, по словамъ лѣтописца, »люди живыя ядяху, а иніи мертвыя мяса и трупіе обрѣзающе ядяху, а друзіи копину и псину и кошки;

[1]) Тамъ же стр. 42—43.

[2]) Тамъ же стр. 43.

[3]) Тамъ же стр. 44 и П. С. Р. Л. т. II, стр. 92, 142; т. XV, стр. 195, 205, 234—317.

инїи же мохъ ядяху, а инїи соснову кору, и липовъ листъ... и даяху отци и матери дѣти своя одерень ись хлѣба гостемъ.[1]) (то-есть продавали въ рабство). Не основательно было-бы, конечно, утверждать, что бѣдствія, причиняемыя голодомъ, были постоянными результатами однихъ только войнъ; нѣтъ. Обыкновенное физическое явленіе—неурожай, обусловленный характеромъ почвы, климата и географическою широтою мѣста, также что-нибудь да значитъ; но тѣмъ не менѣе и войны остаются при своемъ вліяніи. Физическія бѣдствія, и въ особенности войны, должны были повлечь за собою переработку если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ жизненныхъ процессовъ какъ цѣлаго народа вообще, такъ и крестьянства въ частности.

Россія не была тѣмъ листомъ чистой бумаги, на которомъ Половцы въ компаніи съ Литовцами и князья могли свободно чертить какіе вздумается круги и дуги, не затронувъ ничьей личности. Войны, производимыя ими, увлекали обыкновенно и народъ на кровавую сцену, отрывая его такимъ образомъ отъ полевыхъ работъ и вообще отъ всякихъ производительныхъ занятій, и, развивая въ немъ воинственные инстинкты, пріучали его такимъ образомъ къ бродячей, безпокойной жизни. Къ тому же, по окончаніи войны вернувшись къ родному очагу и къ роднымъ полямъ, что у себя дома заставалъ крестьянинъ?—Зачастую его глазамъ представлялось пепелище сожженнаго дома, истоптанная человѣческими ногами и конскими копытами нива, разоренное и запустѣлое хозяйство.

Что предпринять?—Выборъ могъ быть двоякій: 1) или съизнова начинать хозяйство, или 2) поискать счастія на сторонѣ. Но возобновленіе хозяйства на прежнемъ мѣстѣ и на прежнихъ основаніяхъ не всегда удобоисполнимо, ибо для этого нужна продолжительная затрата труда и капитала, а равно и необходимыя рабочія орудія, которыя достаются не легко. Искать счастія на сторонѣ представлялось дѣломъ болѣе легкимъ. Надо предположить, что нужда заставляла избрать два легчайшихъ пути,—или путь вольнаго бездомнаго казачества, ищущаго приключеній, въ которыхъ можно вдоволь потѣшиться и развести—размыкать свое горе, или путь наемнаго труда на чужой землѣ. Нѣсколько выше мы привели тотъ фактъ, что нѣкоторыя войны продол-

---

[1]) П. С. Р. Л. т. XV, стр. 357—358.

жались по 12-ти и по 17-ти лѣтъ. Къ чему годился человѣкъ, затратившій столько времени на военныя занятія?—Могъ-ли онъ предаться съ прежнимъ искусствомъ мирному земледѣльческому труду?—Продолжительное занятіе войною отучало его отъ прежнихъ занятій;—не сохою, а оружіемъ научался онъ владѣть. Вотъ гдѣ заключается настоящій источникъ зарожденія, образованія и развитія казачества вмѣстѣ съ крайнимъ его проявленіемъ—разбойничествомъ; сюда же относится развитіе батрачества. Ступивши на путь казачества, крестьянинъ превращался въ вѣчнаго воина, бродягу, ни днемъ, ни ночью не знающаго покоя; — какъ батракъ онъ переходилъ въ личное услуженіе, а какъ разбойникъ онъ предавался занятію воровствомъ, грабежомъ и разбоемъ. Положеніе батрака, какъ слуги, вызывало бѣгство и превращало его въ того же разбойника. Чтобы ускользнуть отъ справедливаго преслѣдованія и возмездія, они должны были бѣгать поперемѣнно съ одного мѣста на другое. Обиліе княжествъ давало имъ полную возможность скрыться. Мы думаемъ, что эти явленія повторялись очень часто, ибо постояннымъ и непремѣннымъ условіемъ договора князей было: »а татя и разбойника выдать по исправѣ.« Кромѣ козакованія предстоялъ еще одинъ путь для выхода изъ затруднительнаго положенія: кто чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ и способности вновь приняться за полевыя работы, тотъ, покинувъ родное запустѣлое поле, шелъ къ князю, боярину или игумену и на извѣстныхъ условіяхъ садился на его землѣ. На вышеуказанныхъ основаніяхъ землевладѣльцы давали ему земледѣльческія орудія, денежную ссуду и, кромѣ того, нѣкоторыя льготы относительно отправленія общественныхъ повинностей. Этотъ исходъ могъ быть привлекателенъ для новожильцовъ, особенно, если они поселялись на княжеской или на боярской землѣ. Исторія междукняжескихъ усобицъ представляетъ намъ множество случаевъ перехода князей вмѣстѣ съ своими боярами и дружиною изъ одного княжества въ другое. Эти переходы не оставались безъ послѣдствій для новожильцовъ. Земли, на которыхъ они осѣлись, будучи покинуты своими хозяевами на произволъ судьбы, легко могли превратиться въ полную собственность осѣвшихъ на ней. Это явленіе повторялось, безъ сомнѣнія, во многихъ мѣстностяхъ. Пріученные жизненнымъ опытомъ, крестьяне привыкали, заглядывая въ панораму будущаго, видѣть въ этихъ новыхъ мѣстахъ поселенія свою полную собственность и легко поэтому переходили въ состояніе владѣльческихъ

крестьянъ. Пока княжескія передвиженія происходили часто, они не обманывались въ своихъ ожиданіяхъ; но когда они прекратились и князья осѣлись на своихъ мѣстахъ, тогда надежда крестьянъ замѣнилась реальною дѣйствительностью полусвободнаго состоянія. Конечно, смѣло было-бы утверждать, что княжескія и боярскія передвиженія съ указанными послѣдствіями составляли непремѣнныя и повсюдныя явленія; но и доказывать, что оно было слишкомъ частнымъ явленіемъ, значило-бы сказать весьма мало; ибо войны велись часто, а тамъ, гдѣ проходила нога воюющаго, тамъ часто должны были возникать явленія, подобныя тѣмъ, на которыя мы сейчасъ указали.

Разсматривая эту сторону медали, мы увидимъ на ней изображеніе, отпечатлѣнное временемъ удѣловъ, съ слѣдующею надписью: «всеобщій переходъ, изъ котораго не изъяты ни князья, ни бояре, ни крестьяне, и постепенное превращеніе послѣднихъ изъ землевладѣльцевъ въ земледѣльцевъ, батраковъ или козаковъ.» На оборотной сторонѣ этой медали поставленъ вопросъ о пахатныхъ земляхъ. Пусть мѣстность *x* потерпѣла разореніе и ея крестьяне разбѣжались и пусть тамъ находились земли крестьянскія и владѣльческія. Что дѣлалось съ этими землями, когда не ставало человѣка, обработывавшаго ихъ? — Если оставалась пустою владѣльческая земля, то раззореніе ея и уходъ крестьянъ, не измѣняли юридической стороны вопроса; ибо землевладѣлецъ, князь-ли онъ или бояринъ, могъ снова отдать ее кому-нибудь изъ крестьянъ на прежнихъ условіяхъ. Но если оставалась пустою земля крестьянина, который былъ членомъ извѣстной крестьянской общины и владѣлъ землею на правѣ полной личной собственности, то новымъ владѣльцемъ ея становилось, безъ сомнѣнія, то общество, въ территоріи котораго находилась она. Общество превращало ее въ свою собственность на вполнѣ законномъ и справедливомъ основаніи, потому что на каждой пахатной землѣ лежали опредѣленныя общественныя повинности, которыя раскладывались обществомъ на каждаго землевладѣльца, сообразно величинѣ его состоянія. Когда одного изъ такихъ землевладѣльцевъ не ставало, то повинности не слагались: земля, признанная разъ пахатною, оставалась таковою навсегда и общество обязывалось принять на себя всю отвѣтственность за нее и платить лежащую на ней подать и тогда, когда она оставалась безхозяйною. Но гдѣ обязанность, тамъ и право. По этой формулѣ безхозяйная земля поступала въ полную собственность общины и стала называться

общинною не только въ территоріальномъ смыслѣ, какъ было прежде, но и въ смыслѣ владѣльческомъ. Сдѣлавшись собственникомъ этой земли, община должна была озаботиться пріисканіемъ человѣка, который согласился-бы воздѣлывать ее и платить приходящуюся по раскладкѣ подать, а въ противномъ случаѣ пришлось-бы платить самой общинѣ и платить за землю, не приносящую никакихъ доходовъ. Призывъ работника былъ поэтому требованіемъ необходимости; въ немъ заключалась мѣра, устранявшая раскладку подати съ безхозяйной земли на наличныхъ членовъ общества. Переселеніе же на эти земли новыхъ крестьянъ также вызывалось необходимостью, на которую указано выше. И такъ, «первымъ послѣдствіемъ господства удѣльной системы появилось постепенное превращеніе земель лично-крестьянскихъ въ крестьянскія общинныя и владѣльческія, а крестьянъ землевладѣльцевъ въ крестьянъ земледѣльцевъ.» Доказательствомъ этого могутъ служить юридическіе документы XIII и послѣдующихъ вѣковъ, показывающіе, что послѣдній типъ крестьянъ сталъ появляться все чаще и чаще. Поелику бо́льшая часть междоусобныхъ войнъ выпала на долю западно-русскихъ областей, то народъ по инстинкту самосохраненія долженъ былъ устремить свои дворы на востокъ и тамъ искать безопасности, отчего населеніе восточныхъ областей должно было сдѣлаться гуще, нежели въ западныхъ областяхъ. «Стремленіе народа въ сѣверо-восточныя княжества есть второе слѣдствіе удѣльно-вѣчеваго порядка.»

Господство удѣльной системы и княжескихъ междоусобій повліяло на тогдашнее крестьянское общество и въ другомъ отношеніи. Переходя часто съ мѣста на мѣсто, изъ одного княжества въ другое, князья оставляли свои прежніе столы безхозяйными, подобно тому, какъ это дѣлали съ своими землями крестьяне. Періодъ междуцарствія давалъ возможность народнымъ представителямъ на вѣчу стольнаго города усилиться на счетъ княжеской власти. И по мѣрѣ того, какъ шло это усиленіе, княжеская власть должна была падать все ниже и ниже, особенно въ тѣхъ городахъ, которые занимали счастливое въ торговомъ смыслѣ мѣстоположеніе, каковы напр. Новгородъ, Псковъ, Кіевъ, Рязань, Смоленскъ и другіе. Въ лѣтописяхъ записаны факты, показывающіе, что эти города вліяли нерѣдко на ходъ княжескихъ междоусобій и, принимая сторону того или другаго князя, измѣняли и даже уничтожали значеніе ихъ родовыхъ счетовъ. Такъ напр. въ 1067 г. Кіевляне потребовали отъ своего князя Изяслава, чтобы онъ вторично вы-

ступилъ въ походъ противъ Половцевъ, и когда онъ отказался, они освободили изъ тюрьмы плѣнника его Всеслава, Полоцкаго князя, и посадили его у себя на столѣ, а Изяславъ долженъ былъ бѣжать [1]). Въ 1147 г. великій князь Изяславъ Мстиславичъ хотѣлъ идти войною на Суздальскаго князя Юрія Долгорукаго, но Кіевляне отказались помогать ему, говоря, что они не поднимутъ руки на Владимірово племя [2]), а когда потомъ Юрій подошелъ къ Кіеву, то Кіевляне сказали своему князю: »мирись мы не идемъ« [3]). Въ 1175 году, по убіеніи Андрея Боголюбскаго, Владимірцы на Клязьмѣ выбираютъ себѣ княземъ не старшаго, а меньшаго изъ князей, Михаила, но потомъ, не будучи въ состояніи удержать его у себя, говорятъ ему: »мирися, а любо, княже, промышляй о себѣ« [4]). Когда въ 1177 году Владиміро-Суздальскій князь Всеволодъ сталъ переговариваться о мирѣ съ Мстиславомъ Ростиславичемъ, призваннымъ старыми городами, тогда Ростовскіе бояре и народъ не согласились на миръ и »величавы будущи« сказали князю: »аще ты миръ даси ему, то мы ему не дамы« [5]). Такихъ указаній въ нашихъ лѣтописяхъ очень много [6]). Города сообщали не только ходъ

---

[1]) Тамъ же т. I, стр. 73—74. »Людье Кіевстыи прибѣгоша Кыеву, и створиша вѣче на торговищи, и рѣша послався ко князю: се Половцы росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся съ ними. Изяславъ же сего не послуша. Людье же кликнуша и идоша къ порубу Всеславлю; Изяславъ же се видѣвъ, со Всеволодомъ побѣгоста съ двора, людье же высѣкоша Всеслава изъ поруба и поставиша и средѣ двора княжа; дворъ же княжь разграбиша, безчисленное множество злата и сребра, кунами и бѣлью. Изяславъ же бѣжа въ Ляхы.«

[2]) Тамъ же т. II, стр. 30—31. »Изяславъ же Мьстиславичь сдума съ Давидовичемъ и съ Всеволодичемъ Святославомъ поити на Дюргя и на Святослава.... Изяславъ же созва бояры своя и всю дружину свою, Кіяне, и рече имъ: се есмь съ братьею своею сгадалъ.... хочемъ поити на Гюргя, на стрыя своего, и на Святослава къ Суждалю, зане же пріялъ ворога моего Святослава Олговича.... Кіевляне же слышавше рекоша: княже, не ходи съ Ростиславомъ на стрыя своего, лѣплѣ ся съ нимъ улади, Олговичемъ вѣры не имя, ни съ ними ходи въ путь. Изяславъ же рече имъ: цѣловали ко мнѣ хрестъ, а думу есми съ ними думалъ, а всяко сего пути не хочю отложити, а вы доспѣвайте. Кіяне же рекоша: Княже! ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володиміре племя руку възняти.«

[3]) Тамъ же стр. 43.

[4]) Тамъ же т. I, стр. 158.

[5]) Тамъ же стр. 161.

[6]) См. т. I, стр. 98, 133; т. VII стр. 100 и друг.

и направленіе княжескимъ междоусобіямъ, но даже прибѣгали къ мѣрамъ для ихъ ограниченія. Такъ напр. жители Полоцка, видя, что приходится вести постоянныя войны съ Кіевскими князьями, приходятъ къ убѣжденію, что имъ необходимо взять себѣ князя изъ рукъ великаго князя Кіевскаго, чтобы такимъ образомъ прекратить на будущее время опустошенія своей земли. »И тако Полочане сътъснувшеся выгнаша Давыда съ сынъми, поемъше Рогволода идоша ко Мьстиславу, просаче его собѣ княземъ и створи волю ихъ Мьстиславъ, поемъше Рогволода, ведоша и къ Полотьску« [1]). Та же мысль ограничить княжескія междоусобія проглядываетъ и въ отвѣтѣ Кіевлянъ Изяславу II »не можемъ на Володиміре племя рукы възняти.« Продолжительное отсутствіе князя давало городамъ право избирать себѣ князей и вступать съ ними въ договоры, для которыхъ въ то время было весьма употребительно названіе ряда или поряда. Случаи призваній встрѣчаются не только въ Новгородѣ великомъ, но и въ Кіевѣ, Галичѣ (южномъ), Полоцкѣ, Владимірѣ на Клязьмѣ, Друцкѣ, Рязани и т. д. [2]) Договоры съ избранными встрѣчаются также весьма часто. Такъ Мстиславъ Изяславичъ заключаетъ въ 1169 г. съ Кіевлянами договоръ [3]), Владимірцы (Суздальскіе) посадили у себя на столѣ князя Ярополка »въ святой Богородицѣ весь рядъ положивше,« въ 1154 году Кіевляне призываютъ къ себѣ Ростислава и избираютъ его княземъ до живота, но съ условіемъ, чтобы онъ честилъ Вячеслава также, какъ и его братъ Изяславъ честилъ [4]). Договоры вели къ ограниченію княжеской власти и къ расширенію власти вѣча. При правильномъ устройствѣ, вѣча легко могли превратиться въ періодическія законодательныя собранія, а князю могла быть предоставлена одна исполнительная власть, располагая которою, онъ подлежалъ-бы отвѣтственности предъ вѣчемъ. Примѣры такой отвѣтственности дѣйствительно встрѣчаются въ лѣтописи (»а безъ посадника ти, княже, волостей не давати, людей не судити, не казнити«), и если князь не исполнялъ этихъ требованій, то

---

[1]) Тамъ же т. II, стр. 11.

[2]) Тамъ же стр. 23, 82—83; т. I, стр. 73, 160.

[3]) Тамъ же т. II, стр. 96. »Възма рядъ съ братьею и съ дружиною и съ Кіяны.«

[4]) Тамъ же т. I, стр. 147. Всѣ, встрѣчающіяся въ лѣтописи, крестныя цѣлованія съ горожанами также служатъ указаніемъ на призваніе, или на призваніе и договоры, или, наконецъ, на одни договоры.

обыкновенно ему, по выраженію того времени, указывали путь, куда ему любо. Явленія, подобныя указаннымъ, сначала, когда междоусобія и передвиженія князей были не столь часты, происходили рѣдко, но потомъ, по мѣрѣ размноженія князей и междоусобій, и эти явленія стали повторяться чаще, ибо по мѣрѣ возрастанія числа междоусобій, понижался уровень княжеской власти, а на счетъ ея умножалось число городовъ съ вѣчевымъ устройствомъ. Изъ лѣтописей мы узнаемъ, что въ XI ст. (и то во второй половинѣ его, считая отъ кончины Ярослава Мудраго) только девять городовъ имѣли вѣчевое устройство: 1) Владиміръ-Волынскій, 2) Кіевъ, 3) Новгородъ-Великій, 4) Смоленскъ, 5) Рязань, 6) Муромъ, 7) Луцкъ, 8) Минскъ и 9) Переяславль-Полтавскій. Въ XII в. число вѣчевыхъ городовъ возросло до 29; въ XIII ст. ихъ стало еще больше. Въ XII ст. кромѣ упомянутыхъ слѣдующіе города получили вѣчевое устройство: Галичъ (южный), Червень, Вырь, Корческъ, Изяславъ, Дорогобужъ, Друцкъ, Полоцкъ, Ладога, Звенигородъ, Путивль, Курскъ, Черниговъ, Стародубъ, Пронскъ, Ростовъ, Суздаль, Владиміръ на Клязьмѣ, Туровъ и Римовъ [1]). Нѣкоторые изъ этихъ новыхъ городовъ стремились занять первенствующее мѣсто въ области и вступали такимъ образомъ въ состязаніе съ старыми городами, которые не хотѣли уступить имъ своей роли, и если имъ удавалось достигнуть преобладанія, то они становились средоточіями окружающаго ихъ сельскаго населенія. Что было закономъ для города, то становилось закономъ и для тянувшихъ къ нему селъ. Преобладаніе же городовъ надъ селами находитъ себѣ объясненіе въ

---

[1]) Тамъ же т. I, стр. 113. Въ 1097 году Володарь и Василько, подступивши къ Владиміру-Волынскому, обратились къ Владимірцамъ съ такою рѣчью: »вѣ не пріидоховѣ на градъ вашъ, ни на васъ, но на врагы своя, Туряка, и на Лазаря и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда и тѣхъ есть послушалъ Давыдъ и створилъ се зло; да аще хощете за сихъ битися, да се мы готовы, а любо дайте врагы наша. Гражане же се слышавъ, созваше вѣче и рѣша Давыдови людье: выдай мужи сія, не бьемъся за сихъ, а за тя битися можемъ; аще ли ни, то отворимъ врата граду, а самъ промышляй о собѣ; и неволя бысть выдати я.« Т. II, стр. 132. »Смоляне же почаша вѣче дѣяти, реъуще...« Тамъ же стр. 22, »а вторый день створиша вѣче Звенигородьчи, хотяче ся передати....« Указаніе на вѣча въ другихъ городахъ см. въ П. С. Р. Л. т. I, годы: 1096, 1138, 1177, 1185; т. II, годы: 1146, 1154, 1158, 1159, 1167, 1175, 1176, 1185 и друг.

томъ важномъ обстоятельствѣ, что города были защищены крѣпостными сооруженіями (чего села не имѣли), и могли слѣдовательно противупоставить князьямъ болѣе или менѣе прочную оппозицію и своею стойкостью вынудить договоръ и условія, однимъ словомъ — пріобрѣсти высокое государственное значеніе. «Умноженіе вѣчевыхъ городовъ и постепенное усиленіе вѣча составляетъ третье важное послѣдствіе удѣльнаго порядка.«

Наконецъ, поелику князья всецѣло были поглощены междоусобными войнами, то имъ не хватало ни времени, ни средствъ на то, чтобы обратить должное вниманіе на внутреннее устройство Россіи и они по необходимости выпустили изъ виду крестьянъ. Между тѣмъ жизнь крестьянъ, въ силу сообщенной ей Русскою Правдою инерціи, двигалась безостановочно впередъ и воздвигала зданіе, развалины и обломки котораго виднѣлись на западѣ Россіи еще въ XVI стол. Мы желаемъ сказать, что до раздѣленія Россіи на удѣлы крестьянскія общины находились подъ верховнымъ управленіемъ или самихъ князей, или органовъ ихъ власти, и та доля самоуправленія, которою онѣ располагали, не выходила изъ сферы чисто крестьянскихъ дѣлъ. Во время же господства княжескихъ междоусобій, связь крестьянскихъ общинъ съ верховною властью князей сокращалась до простыхъ экономическихъ отношеній и ими одними опредѣлялась. Поставленная внѣ правительственныхъ регламентацій и ограниченій, крестьянская община расширила горизонтъ своей дѣятельности, включивъ въ него всѣ сословія.

Крестьянское общество пріобрѣло тогда всѣ качества, характеризующія собою автономію; оно овладѣло судомъ относительно всѣхъ вопросовъ и всѣхъ сословій. Приговоръ и рѣшенія его сдѣлались окончательными, равно обязательными и для крестьянина, и боярина и духовнаго лица. Таковою по крайней мѣрѣ была община въ западной Россіи въ XVI вѣкѣ, чему служитъ подтвержденіемъ нѣсколько десятковъ актовъ, относящихся къ этому краю и упомянутая выше статья профессора Иванишева о сельской общинѣ. Другаго времени, болѣе благопріятнаго, какъ удѣльно-вѣчевое, для такого громаднаго ея развитія, исторія Россіи не представляетъ. Одно удѣльно-вѣчевое время заключало въ себѣ всѣ данныя, способствующія этому развитію. Но тутъ слѣдуетъ замѣтить, что вслѣдъ за удѣльными порядками случилось событіе, подѣйствовавшее на развитіе общинной автономіи отри-

цательнымъ образомъ и на-долго затормозившее его. Это — татарское нашествіе.

Источники, имѣющіе непосредственное отношеніе къ исторіи крестьянства отъ XI вѣка до нашествія татаръ, столь бѣдны содержаніемъ и дошли до насъ въ столь ограниченномъ количествѣ, что безъ догадокъ, основанныхъ на чисто логическихъ построеніяхъ, было бы въ высшей степени затруднительно реставрировать по нимъ жизнь нашихъ крестьянъ. Вотъ почему мы по неволѣ должны были дать широкій просторъ гипотезамъ и на основаніи гипотезъ же строить свои выводы.

Опредѣляя историческое значеніе XII и первой половины XIII ст., мы старались показать, въ какой мѣрѣ жизнь народа стала въ зависимость отъ княжескихъ междоусобій и пришли къ результатамъ, изъ которыхъ первый тотъ, что княжескія усобицы произвели въ русскомъ народонаселеніи необычайную подвижность.

По отношенію къ крестьянамъ подвижность эта выразилась въ двоякой формѣ: во-1-хъ, въ стремленіи крестьянъ въ сѣверо-восточныя княжества, гдѣ междоусобія повторялись не такъ часто, какъ въ западныхъ областяхъ и гдѣ сосѣднія племена не представляли колонизаціи ихъ столько противудѣйствія, какъ съ западной стороны; во-2-хъ, въ переходѣ съ запустѣвшихъ собственныхъ земель на земли чужія, владѣльческія, или же на земли общинныя, крестьянскія. Явленія закупничества должны были случаться очень часто. Ставши закупомъ, крестьянинъ не легко освобождался изъ своего положенія, ибо по закону онъ до тѣхъ поръ находился въ распоряженіи своего господина, пока совершенно не очистился отъ принятыхъ обязательствъ. Съ другой стороны, землевладѣлецъ могъ свободно распоряжаться своею землею, могъ ее продать, заложить и т. п., а такъ какъ на этой землѣ сидѣли крестьяне, то онъ, какъ кредиторъ ихъ, могъ вмѣстѣ съ землею продать и свое право на ихъ долги. По крайней мѣрѣ иначѣ иными нельзя объяснить такихъ показаній нашихъ источниковъ, какъ напр. слѣдующія: »Вда (Ярополкъ) всю жизнь свою Небльскую волость и Деревскую и Лучьскую и около Кіева. . ., а по своемъ животѣ вда княгини 5 селъ и со челядью« [1]). Въ этомъ извѣстіи крестьяне являются подъ названіемъ челяди. Это значитъ, что трудность положенія

[1]) П. С. Р. Л. т. II, стр. 82.

была такъ велика, что заставила крестьянина впасть въ неоплатные долги и превратиться въ челядинца или батрака (видъ холопскаго состоянія). Андрей Боголюбскій далъ построенной имъ Успенской Владимірской церкви »много имѣнія и свободы купленыя и съ данми и села лучшая« [1]). Въ грамотѣ, данной преподобнымъ Варлаамомъ Хутынскому монастырю, говорится о земляхъ, заселенныхъ челядью, или рабами, которые перечисляются по именамъ (»отрокъ съ женою, Велесъ, дѣвка Февронья, Недачъ«) [2]). Не суть-ли эти люди обращенные въ холоповъ ролейные закупы? Третья грамота дана въ 1150 г. Смоленскимъ княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ Смоленской епископіи. Въ числѣ различныхъ даней, какъ-то: мыта, перевоза, корчемнаго, гостиннаго и др. въ ней упоминаются два села съ землею, сѣножатью, нивами и изгоями, огородъ съ капустникомъ и съ женою и съ дѣтьми и тетеревникъ съ женою и дѣтьми [3]). Трудно рѣшить, каково было положеніе капустника и тетеревника; быть можетъ, они принадлежали къ разряду дворовыхъ людей князя, находившихся въ личномъ услуженіи и составлявшихъ его челядь, подобно тому, какъ Велесъ, Февронья и Недачъ составляли челядь преподобнаго Варлаама; а можетъ быть, это были закупы и князь дарилъ епископіи собственно не людей, а право на ихъ трудъ, который продолжался до тѣхъ поръ, пока закупы не очистились отъ долга [4]). Что же касается изгоевъ князя

[1]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 67.
[2]) Д. къ Ак. Ис. т. I, № 5.
[3]) Тамъ же № 4.
[4]) Изъ этихъ грамотъ видно, что въ XII в. вмѣстѣ съ землею отчуждались люди—и какъ притомъ? поодиночкѣ и поименно. Отсюда заключаютъ, что отчуждаемые считались рабами. Въ бо́льшей части случаевъ это очень вѣрно; вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрно и то, что крестьянъ-собственниковъ никто не имѣлъ права отчуждать вмѣстѣ съ землею. Исходя изъ этого вѣрнаго положенія, нѣкоторые приходятъ однакожъ къ ошибочному выводу, что если въ грамотѣ перечислены люди поименно, то ихъ слѣдуетъ считать не крестьянами, а непремѣнно холопами. Такъ думаетъ напр. Бѣлдевъ (стр. 35, кр. на Руси) и потому неглижируетъ всѣми актами, въ которыхъ говорится о передачѣ поселянъ въ чужія руки, считая ихъ холопами. Но поименное перечисленіе само по себѣ ничего не выражаетъ. Мы имѣемъ нѣсколько документовъ, въ которыхъ и крестьяне, и холопы одинаково перечисляются по именамъ (см. напр. Новгор. Писцов кн., или Арх. Сбор. т. I, № 67; т. III, № 26; т. IV, № 66 и др.).

Ростислава, то мы должны воздержаться отъ окончательнаго сужденія объ нихъ, хотя и имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что это были крестьяне и, вѣроятно, тѣ, кои недавно поселились въ княжескомъ имѣніи, ибо во-1-хъ они ясно отличаются отъ дворни и во-2-хъ живутъ въ селахъ на пашняхъ и сѣножатяхъ; но каково было отношеніе ихъ къ владѣльцу, а также каковы были права ихъ, изъ грамоты мы не можемъ узнать. Владиміро-Волынскій князь Владиміръ-Василковичъ, даетъ супругѣ своей Ольгѣ Романовнѣ городъ Кобринъ и съ людьми, и съ данью. »А село есмь купилъ Березовичѣ у Рьевича у Давыдовича Фодорка, а далъ есмь на немъ 50 гривенъ кунъ и 5 локоть скорлата, да броне досчатые, а то далъ есмь ко Апостоломъ« [1]).

Умноженіе вѣчевыхъ городовъ и ускользаніе отъ вліянія княжеской власти общества крестьянъ-землевладѣльцевъ есть второе слѣдствіе княжескихъ междоусобій. О возрастаніи вѣчевыхъ городовъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ. Что же касается второй половины этого вывода—объ обществахъ крестьянъ-землевладѣльцевъ и объ ихъ значеніи, то здѣзь мы встрѣчаемъ страшное затрудненіе, проистекающее отъ недостатка фактическихъ и неопровержимыхъ данныхъ. Отъ XII вѣка мы получили всего-на-всего четыре грамоты. Древнѣйшая изъ нихъ относится къ началу столѣтія, а именно къ 1128—1132 гг. [2]). Въ ней записано пожалованіе княжескихъ доходовъ, данное князьями Мстиславомъ и Всеволодомъ Юрьеву монастырю. Изъ нея мы узнаемъ, что доходы князей были самые разнообразные: они состояли изъ дани (т. е. подати натурою), виры (т. е. судебной пошлины съ уголовныхъ дѣлъ), продажи (ликвидаціонной пошлины?) и вѣна съ Вотской пятины (т. е. брачныхъ пошлинъ). О крестьянахъ, пашнѣ, даже о пустошахъ въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго намёка. Судя однакожъ по доходамъ князя, которые ничѣмъ не отличаются отъ доходовъ предъидущаго столѣтія, можно думать, что бытъ крестьянъ, уплачивавшихъ подати и доставлявшихъ эти доходы, не измѣнился противъ прежняго и вліяніе князей на ихъ внутреннюю жизнь осталось тоже прежнее. Вторая и третья суть грамоты преподобнаго Варлаама и Смоленскаго князя Ростислава, содержаніе которыхъ намъ уже извѣстно. Наконецъ,

---

1) С. г. гр. и дог. т. II, № 5; П. С. Р. Л. т. II, стр. 215.
2) Доп. къ Ак. Ист. т. I, № 2.

четвертая грамота, написанная около 1134 г. и самая важная, принадлежитъ князю Всеволоду Мстиславичу, который предоставляетъ ею церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ доходъ съ торговли воскомъ [1]). Изъ всѣхъ четырехъ грамотъ для настоящаго вопроса это самая важная. Она показываетъ, что церковнымъ строеніемъ завѣдывали не одни купцы, но и крестьяне, которыхъ грамота называетъ черными людьми. »И азъ, князь Всеволодъ поставилъ есмы святому Ивану три старосты отъ житьихъ людей и отъ черныхъ тысяцкого, а отъ купцовъ два старосты управливаты имъ всякіе дѣла Иванская .... и посадникамъ и боярамъ въ то не вступаться.« Этими словами грамота указываетъ на существованіе въ Новгородѣ четырехъ слоевъ свободнаго населенія: боярство, купечество, житьи люди (т. е. зажиточные; не мелкіе-ли торговцы?) [2]) и черные люди. Каждый изъ нихъ имѣлъ свое независимое управленіе; во главѣ купечества и житьихъ людей стоялъ староста, а во главѣ черныхъ людей—тысяцкій. Различіе въ названіи представителей показываетъ, что представляемые ими принадлежали къ двумъ классамъ населенія и что второй классъ былъ самый многолюдный. Названіе *тысяцкій* не могло явиться ни въ средѣ житьихъ людей, ни въ средѣ купеческой, ибо и купцы, и житые люди составляли относительно чернорабочей массы населенія незначительное меньшинство. Вся же чернорабочая масса, называвшаяся какъ видно, черными людьми, состояла изъ земледѣльцевъ, рыболововъ, охотниковъ и всякихъ ремесленниковъ, какъ-то: гончаровъ, плотниковъ и др., жившихъ по Новгородскимъ концамъ. Слѣд. тысяцкій, будучи представителемъ чернорабочихъ, свидѣтельствуетъ собою о крестьянахъ. Приставленные къ церкви на ряду съ другими классами для надзора за ея благосостояніемъ, черные люди, и по нашему крестьяне, разсматриваются княземъ и общественнымъ мнѣніемъ, какъ свободные и независимые члены русскаго общества, имѣющіе свой самостоятельный голосъ и право устраивать общественныя дѣла. Указаніе на существованіе тысяцкаго есть очень важное указаніе; оно обличаетъ существованіе и другихъ властей,—сотскаго, десятскаго, открываетъ присутствіе выборнаго на-

---

[1]) Доп. къ Ак. Ист. т. I, № 2.

[2]) Любопытно было-бы знать, въ какомъ отношеніи находятся они съ упоминаемыми довольно нерѣдко въ лѣтописяхъ горожанами и гражданами?

чала, безъ котораго, какъ и въ времена Владиміра Св., не мыслимы были и самыя власти. Выборное начало въ свою очередь ведетъ къ признанію самоуправленія и самосуда, существовавшихъ и въ предшествовавшее время, а изъ всего сказаннаго можно вывести заключеніе, что въ теченіе XII в. крестьянскія общины и отдѣльно взятая личность крестьянина землевладѣльца сохранили тотъ же характеръ свободныхъ и независимыхъ людей, что и въ Русской Правдѣ. Обращаясь за тѣмъ къ грамотамъ XIII вѣка, мы должны выразить сожалѣніе, что не имѣемъ въ своемъ распоряженіи грамотъ, которыя-бы показывали, какой порядокъ существовалъ въ разныхъ частяхъ тогдашней Россіи, и которыя дали-бы право дѣлать положительные выводы. Намъ извѣстна только одна грамота, относящаяся къ Смоленскому княжеству: это договорная грамота Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ (1229 г.) [1]). Въ ней заслуживаетъ вниманія указаніе на два древнѣйшихъ историческихъ факта. Первый есть фактъ признанія свободы крестьянской личности, другой фактъ круговая порука. (»Аже будетъ свободѣный человѣкъ убитъ, 10 гривенъ серебра за голову; аже будетъ холопъ убитъ, 1 гривна серебра заплатити«). Договариваясь съ иностранцами, Русскій князь не заботился о подробномъ вычисленіи классовъ населенія въ его княжествѣ; онъ довольствовался однимъ: показать иностранцамъ, что въ Смоленскомъ княжествѣ есть юридическая разница между холопами и свободными людьми; различать же, кто былъ этотъ свободный, купецъ, боярин или землепашецъ, въ то время, когда за нихъ была положена одинаковая вира, не было никакой нужды. Если же съ юридической точки зрѣнія крестьяне были относимы къ одной категоріи съ боярами и купцами, то это доказываетъ, что какъ правительство, такъ и общество оставались при прежнемъ взглядѣ, т. е. что крестьянинъ есть свободная и самостоятельная личность. »Аже извиниться Русинъ у Ризе, сказано далѣе, или на Готскомъ берегѣ, у дыбу его не сажати; аже извиниться Латининъ у Смоленѣскѣ, не метати его у погребъ; аже не будете поруки, то у желѣза усадить.« Здѣсь заключается два драгоцѣнныхъ указанія: во-1-хъ на существованіе тюремъ, а во-2-хъ на поруку. Изучая Русскую Правду, мы видѣли, что законодатель интересуется лицомъ преступ-

[1]) С. г. гр. и дог. т. II, № 1.

ника только въ одномъ случаѣ, во всѣхъ же другихъ онъ вообще предоставляетъ его въ полное распоряженіе крестьянскаго общества и рѣшительно не мѣшается въ судопроизводство: онъ стремится только къ огражденію своихъ финансовыхъ интересовъ, связанныхъ съ судомъ. Здѣсь мы видимъ другое: лицо преступника, каковъ-бы ни былъ характеръ его преступленія, для него уже не индеферентно; онъ хочетъ, чтобы преступникъ не ушелъ отъ заслуженнаго наказанія и потому постановляетъ держать его подъ надзоромъ и даже въ извѣстныхъ случаяхъ въ оковахъ. Слѣд. князь является здѣсь болѣе могущественнымъ представителемъ принципа общественной нравственности, чѣмъ въ XI в., а въ этомъ заключается зародышъ государственнаго воззрѣнія на права княжеской власти. (Это воззрѣніе развилось, кажется, подъ вліяніемъ духовенства). Съ другой стороны фактъ поручительства говоритъ въ пользу общественной автономіи. Какъ средство, ручающееся за отвѣтственность обвиняемаго или обвиненнаго, порука свидѣтельствуетъ о такой гарантіи личной свободы, которою человѣкъ пользуется отчасти даже и тогда, когда на немъ лежитъ вина. Какъ въ тюрьмѣ и оковахъ мы видимъ присутствіе государственнаго элемента, такъ въ порукѣ полное господство начала общиннаго, возникающаго изъ характера общины, признанной юридическою единицею. Отсюда же слѣдуетъ, что въ XIII стол. крестьянская община признавалась такимъ организмомъ, котораго члены свободны и пользуются защитою закона.

Нельзя однакожъ утаить того, что XIII вѣкъ, подобно XII-му, отразился въ жизни крестьянства разными патологическими измѣненіями и въ этомъ смыслѣ представляетъ собою дальнѣйшее развитіе предшествовавшихъ явленій. Такъ, нѣкоторые источники свидѣтельствуютъ о покупкѣ, продажѣ и дареніи селъ, заселенныхъ крестьянами, о переходѣ ихъ на чужія земли и о непостоянствѣ ихъ осѣдлости [1]). Наконецъ, что касается доказательствъ на образованіе общинныхъ земель въ смыслѣ владѣльческомъ, то они выступятъ изъ послѣдующихъ фактовъ XIV, XV и XVI вѣковъ.

---

[1]) С. г. гр. и дог. т. II, № 1, 5 и 6. Ак. Юж. и Зап. Рос. Т. II, № 60.

Крестьяне съ половины XIII до конца XIV вѣка.

Время, къ которому мы подходимъ, есть время полнаго господства татаръ. Если быть крестьянъ XII и первой половины XIII столь нельзя уразумѣть безъ отношенія къ вопросу о княжескихъ междоусобіяхъ, то еще менѣе можно изучать крестьянъ второй половины XIII и XIV столѣтій, не взвѣсивъ на вѣсахъ исторіи важности нашествія и господства татаръ. Вступленіе ихъ въ предѣлы Россіи и шествіе ихъ по Русской землѣ сопровождалось страшными опустошеніями. Все пространство отъ Карпатскихъ горъ до Волги и отъ Урало-Балтійской возвышенности до южныхъ степей было какъ косой скошено; люди частью перебиты, частью уведены въ рабство, частью разбѣжались и попрятались по лѣсамъ и болотамъ [1]). Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ утверждаютъ, что послѣ погрома 1237 года татаре ушли на нижнее теченіе Волги, расположились тамъ кочевьемъ и стали довольствоваться одною данью, не касаясь нисколько общественнаго строя Русскихъ и не внося въ ихъ жизнь никакихъ новыхъ началъ; но это ошибочно. Хотя они не остались въ Россіи и не подѣлили между собою завоеванныхъ земель, тѣмъ не менѣе вліяніе ихъ нашествія и господства на общественный и политическій строй жизни русскаго народа весьма разнообразно и многознаменательно. Его можно открыть во многихъ явленіяхъ тогдашняго времени,—и въ явленіяхъ политической жизни, и въ явленіяхъ экономическихъ, и въ администраціи, и даже въ новомъ, особенномъ взглядѣ правительства на русскую землю.

а) Исходивши вдоль и поперекъ русскую землю и присмотрѣвшись къ ней, татаре пришли къ убѣжденію, что это—страна земледѣльческая и потому для нихъ, для кочевниковъ, не представляетъ никакихъ удобствъ для поселенія. Вслѣдствіе этого они размѣстились за предѣлами ея на привольныхъ луговыхъ пространствахъ Волги и тамъ уст-

[1]) П. С. Р. Л. т. I, стр. 198. Кромѣ Суздалі и Москвы (стр. 196 и 197) «татарове поплѣниша Володимерь, и поидоша на великого князя Георгія и овіи идоша Ростову, а іини къ Ярославлю, а іини на Волгу на городець, и ти плѣниша все по Волзѣ, даже и до Галича Мерьскаго; а іини идоша на Переславль и тъ взяша, и оттолѣ всю ту страну и грады многи все то плѣниша, и до Торжку, и нѣсть мѣста ни вси, ни селъ тацѣхъ рѣдко идѣже не воевала по Суждальской земли; и взяша городовъ 14, опрочь свободъ и погостовъ.

роили свое становище. Но этимъ дѣло не могло окончиться. Татаре понимали, что русская земля была ихъ завоеваніе и что это завоеваніе было куплено ими цѣною оружія и крови. Это—мое завоеваніе, слѣд. это моя собственность, вотъ взглядъ, который легъ въ основаніе отношеній татарскаго хана къ русской землѣ и къ русскому народу и проникъ во всѣ нервы тогдашняго общества. Такъ какъ русская земля сдѣлалась улусомъ, т. е. имѣніемъ татарскаго хана, то послѣдній, какъ истинный помѣщикъ, хотѣлъ прежде всего, чтобы его имѣніе доставляло ему доходъ. Для этой цѣли онъ обложилъ русскій народъ данью.

б) Количество и способъ собиранія дани были необыкновенно разорительны для побѣжденныхъ. Не-сытые на деньги татаре обложили данью все: людей, животныхъ, земли, мосты, плугъ, рѣки, озера, мельницы, словомъ все, что только могло доставлять какой-нибудь доходъ[1]). Поелику на первыхъ порахъ татаре не могли довѣриться побѣжденнымъ, то сборъ дани они оставили при себѣ. Татарскіе чиновники (баскаки), сопровождаемые цѣлыми полчищами, безпощадно обирали народъ, силою принуждая его отдать свои богатства. Вскорѣ однакожъ этотъ дикій способъ собиранія дани былъ отмѣненъ. Дань отдана на откупъ татарскимъ же откупщикамъ [2]), которые стали брать опредѣленную дань и для этого подвергли весь народъ поголовной переписи. Какъ переписчики переписывали народъ, намъ не извѣстно; мы знаемъ только, что перепись сопряжена была съ насиліемъ и народъ посмотрѣлъ на нее враждебно. Новгородцы наприм. открыто возстали, но должны были смириться [3]). Сосчитанные люди стали назы-

---

[1]) С. г. гр. и дог. т. II, № 2; П. С. Р. Л. т. I, стр. 221. Въ 1237 г. татаре взяли въ Рязанской землѣ десятину »во князехъ и въ людехъ и въ конехъ, десятое въ бѣлыхъ, десятое въ вороныхъ, десятое въ бурыхъ, десятое въ рыжихъ, десятое въ пѣгихъ.«

[2]) Тамъ же. »Избави Богъ отъ лютаго томленія бесерьменьского люда Ростовскіа земля.... и вложи ярость христіаномъ въ сердце, не можаху уже тръпѣти насиліа поганыхъ, и созвонивше вѣче, а выгнаша ихъ изъ градовъ: изъ Ростова, изъ Володимеря, изъ Суждаля, изъ Ярославля, изъ Переяславля; окупаху бо тіи окаяніи бесермена дани у татаръ и отъ того пагубу велику творяху людемъ, работяще люди христіаньскія въ рѣзѣхъ, и многи души разведени быша.«

[3]) Тамъ же стр. 169. Пришедши въ Новгородскую область, »рекоша татарове: дайте намъ число, или да ѣдемъ прочь; чернь же (т. е. крестьяне) не хотѣша дати числа.... И тогда раздвоишася людіе и створиша суперъ; болшіи веляху меньшимъ ятися по число, а они не

ваться *численными*; нечисленными же были тѣ, коимъ удавалось уйти отъ переписи и потомъ сдѣлаться козаками или же укрыться подъ покровомъ духовенства, котораго татарскіе чиновники не смѣли трогать, ибо оно находилось подъ особымъ покровительствомъ хановъ Золотой Орды. Отъ высокаго престола ея исходили такъ-называемые ярлыки, которыми гарантировались не только цѣлость и неприкосновенность поземельной собственности духовенства, но и неприкосновенность тѣхъ лицъ, которыя жили на ихъ земляхъ, какъ это ясно выражено въ одномъ изъ ярлыковъ хана Менгу-Темура [1]). Понятно теперь, почему привиллегированное положевіе духовенства способствовало переходу крестьянъ-собственниковъ въ его распоряженіе.

в) Окончивъ завоеваніе, татаре не прекратили своихъ набѣговъ. Послѣ погрома 1237 года до начала XIV столѣтія Россія испытала два страшныхъ нашествія ихъ; одно въ 1281 г., а другое въ 1293 [2])

хотѣху. Во утріи же съѣха князь великій Александръ съ Городища, и окаяннїи татарове съ нимъ, и тако яшася съ Новгородци по число, творяху бо себѣ бояре легко, а меншимъ бѣ зло; и поча окаяннїи, ѣздяще по улицамъ, писати домы христіанскіа..... И вземше окаяннїи число, отъидоша прочь.« См. еще т. I, стр. 221. О десятинѣ, наложенной татарами на Русскихъ. Т. VII, стр. 161 о томъ, что духовенство не было сосчитано; о томъ же т. XV, стр. 401.

[1]) С. г. гр. и дог. т. II, № 2 (годъ 1270). »И не надобѣ имъ дань и тамга и поплужное, ни ямъ, ни подводы, ни воина, ни кормъ, ни котора царева пошлина, ни царицына, ни князей, ни рядцевъ, ни дороги, ни посла, ни которыхъ пошлинниковъ, ни которые доходы, или что церковные земли, воды, огороды, виноградъ, мелницы, зимовища, лѣтовища, да не замаютъ ихъ.... А что церковные люди, мастеры, соколницы, пардусницы, или которыи слуги и работницы и хто ни будетъ ихъ людей, тѣхъ да не замаютъ ни на что, ни на работу, ни на сторожу.«

[2]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 175. »Князь Андрей Александровичъ испроси себѣ княженіе великое подъ братомъ своимъ старѣйшимъ Дмитріемъ, и приведе съ собою рать татарскую Кавадыя и Алчедая, и пріиде съ ними къ Мурому.... А татарове разсыпашася во всей земли, Муромъ пустъ сотвориша, около Володимера, около Юрьева, около Переяславля все пусто сотвориша и пограбиша, и въ полонъ ведоша мужи, и жены и дѣти; а князь великій бѣжа изъ Переяславля въ малѣ дружинѣ; а татарове испустошиша грады и волости, села и погосты, монастыри и церкви пограбиша, иконы и кресты и сосуды церковныя, и пелены, и книги и всякое узорочье пограбиша; такоже и около Ростова, и около Торжку и около Твери пусто сотвориша по самой Торжокъ, многыхъ же людій избиша, а иніи отъ мраза изомроша.« Тамъ

или 1294 году. Кромѣ этихъ двухъ было еще нѣсколько меньшихъ. Вообще нужно замѣтить, что, начиная со второй половины XIII ст. до второй половины XIV ст. вторженія татаръ имѣли почти періодическій характеръ [1]). Не прекратились они и въ XV ст. Весьма часто приводили ихъ съ собою князья и также очень часто они появлялись и сами, никѣмъ не званые; когда, по словамъ лѣтописца, Тохтамышъ сдѣлалъ нападеніе на Россію, онъ такъ разорилъ ее, что »аще бы мощно было ти вси убытки и напасти и проторы исчитати, мню, яко не тысяща тысящь рублевъ не иметь числа« [2]). Само собою разумѣется, что подобныя вторженія не добромъ отзывались на экономическомъ бытѣ народа.

же стр. 180: »Князь Андрей Александровичъ иде въ Орду и съ инѣми князи Рускыми и жаловася царю на брата своего на великаго князя Дмитрія Александровича; царь же отпусти брата своего Дедюню со множествомъ рати на великаго князя Дмитрія Александровича. Они же пришедше много пакости учиниша христіаномъ и много градовъ поимаша: Володимерь, Муромъ, Суздаль, Юрьевъ, Переяславль, Коломну, Москву, Можайскъ, Волокъ, Дмитровъ, Углече поле, а всѣхъ градовъ взяша 14, и всю землю пусту сотвориша; а князь великій Дмитрій Александровичь бѣже въ Псковъ. Татаре же... восхотѣша ити на Тверь; бысть же печаль велика Тверичемъ, не бяше бо у нихъ князя, тогда бо князь Михаилъ въ Ордѣ бысть; они же цѣловаша межи себѣ крестъ и сѣдоша въ осадѣ, укрѣпившеся на томъ, яко битися съ татары, а не предатися; бѣ бо множество людій збѣглося въ Твѣри изъ иныхъ княженей предъ ратью. Въ то же время и князь ихъ пріиде изъ Орды, и срѣтоша его съ кресты, и бысть радость велика тверичемъ. Татарове же слышавше пришедша князя Михаила, и не поидоша къ Твери, но шедше Волокъ взяша. А Новгородци прислаша Семена Климовича къ царевичу Дюденю на Волокъ со многыми дары, Дюдень же возвратися съ Волока, много зла сотворивъ христіаномъ.« См. еще т. I, стр. 228.

[1]) Тамъ же т. V, стр. 206. Въ 1316 г. »пріиде изъ Орды князь Василей Констянтиновичь, а съ нимъ татарскіе послы Сабанчей и Казанчій, и много зла сотвориша Ростову.« Т. VII, стр. 188: »пріде на Русь посолъ лютъ, именемъ Кочка и уби у Костромы 100 и 20 человѣкъ, и оттолѣ шедъ пограбили городъ Ростовъ.... и села и люди плѣни (1318 г.). Тамъ же стр. 198: »Быша въ Ростовѣ зліи татарове; люди же Ростовскіе собравшеся изгониша ихъ« (1320 г.). Тамъ же стр. 199: »пріиде изъ Орды князь Александръ Михайловичъ, а съ нимъ татарове должници и тяготы много бысть земли тверской отъ татаръ« (1325 г.). См. еще тамъ же стр. 200 подъ годомъ 1327, 209 подъ годомъ 1342, 153-ю годъ 1246, 159-ю годъ 1252, 172-ю годъ 1275-й.

[2]) П. С. Р. Л. т. IV, стр. 90.

г) Западно-русскія области, вслѣдствіе княжескихъ междоусобій опустѣвшія въ теченіе XII в., стали вознаграждаться XIII и XIV вѣками [1]). Въ лѣтописи подъ 1293 годомъ сказано, что при извѣстіи о татарской рати, въ Тверь сбѣжалось изъ разныхъ мѣстъ множество народа [2]). Въ этомъ извѣстіи заключается подтвержденіе той мысли, что населеніе передвигалось съ востока на западъ. Передвиженію его старались помѣшать тѣ князья, изъ чьихъ княжествъ отплывали люди. Мы увѣрены, что еслибы до насъ дошли договорныя грамоты всѣхъ князей тогдашней Россіи, то мы нашли-бы въ нихъ полнѣйшее подтвержденіе нашей мысли; но, къ сожалѣнію, мы ихъ не имѣемъ; поэтому по необходимости должны ограничиться тѣмъ, что есть, т. е. договорными грамотами Новгородцевъ съ Тверскими князьями. Изъ этихъ грамотъ видно, что Тверскіе князья всѣми мѣрами перезывали къ себѣ изъ Новгородскихъ волостей крестьянъ; то посредствомъ слободъ, то посредствомъ уплаты ихъ долговъ и т. д; поэтому Новгородцы договаривались: »а изъ Бѣжищь, княже, людий не выводити въ свою землю ни изъ которой волости Новгородской; ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ пріимати, ни княгыни твоей, ни боярямъ твоимъ, ни дворянямъ твоимъ, ни смерда, ни купцины.... А холопы и должникы выдавати по исправы,« или, какъ сказано въ другой грамотѣ: »кому не будетъ суда, тѣхъ выдаваю безъ суда, а кто речетъ судъ, а тому судъ« [3]). Изучая наши договорныя грамоты, не трудно замѣтить въ нихъ общій характеръ, выражающійся въ обоюдности условій; чего требуетъ одна изъ договаривающихся сторонъ, того обыкновенно требуетъ и другая сторона. Если же случается противное, то значитъ что положеніе договаривающихся сторонъ различно. Такъ какъ въ приведенныхъ выше грамотахъ не видно этой тождественности условій, то слѣдуетъ заключить, что Тверское княжество находилось въ особенномъ положеніи относительно Новгородскаго. Почему въ самомъ дѣлѣ Новгородъ требуетъ, чтобы его людей не выводить,

---

[1]) Въ актахъ, относящихся къ областямъ западной Россіи можно видѣть нѣсколько грамотъ на пустоши съ правомъ постройки на нихъ городовъ и заселенія ихъ людьми. Отсутствіе же городовъ свидѣтельствуетъ о необыкновенно рѣдкомъ населеніи.

[2]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 180.

[3]) С. г. гр. и дог. т. I, № 1 и 5.

грамотъ имъ не давать, закладниковъ не принимать и проч., а Тверской князь не говоритъ объ этомъ ни полслова? Молчаніе показываетъ, что онъ не препятствуетъ Новгородцамъ ни закладниковъ принимать ни людей выводить и т. д. Очевидно, положеніе договаривающихся сторонъ различно. Что для одной изъ нихъ составляло интересъ, то для другой не имѣло никакого значенія. Разницу эту можно объяснить только отношеніемъ разстояній той и другой волости отъ Сарая Золотой Орды. Тверская область находилась ближе къ татарамъ, нежели Новгородская, Смоленская, Черниговская и другія, къ западу отъ нея лежащія, поэтому чаще подвергались ихъ набѣгамъ и давленію баскаковъ, чѣмъ послѣднія, а слѣдовательно, населеніе ея чаще гибло, чаще разбѣгалось и, рѣдѣя, ставило правительство въ необходимость позаботиться о колонизаціи края. И дѣйствительно, правительство, судя по этимъ грамотамъ, не пренебрегало никакими средствами, если только они привлекали колонистовъ; за однихъ уплачивало долги, для другихъ учреждало свободы (или слободы), нѣкоторымъ предоставляло разныя другія преимущества. Заманчивость привиллегій была сильнымъ агентомъ, двигавшихъ народъ изъ сосѣднихъ областей въ Тверское княжество. Чтобы остановить отливъ населенія, Новгородъ и, по всей вѣроятности, другія сосѣднія (съ западной, болѣе обезопасенной стороны) области требовали отъ тверскаго правительства прекратить дѣйствіе предпринятыхъ имъ мѣръ, какъ вредныхъ для ихъ существованія. Нѣтъ сомнѣнія, что по отношенію къ своимъ сосѣдямъ съ восточной стороны Тверское княжество занимало такую же роль, какъ Новгородъ и другія западныя княжества по отношенію къ нему. Всѣ эти соображенія приводятъ насъ къ непосредственному заключенію, что, вслѣдствіе татарскаго давленія, русское населеніе русской земли двигалось вмѣстѣ съ видимымъ движеніемъ солнца и массировалось по преимуществу въ ея западныхъ областяхъ: гнали его туда несчастія, а выводили его оттуда привиллегіи. Въ этомъ отношеніи татарское господство отличается отъ господства удѣльновѣчевыхъ порядковъ, ибо во время княжескихъ междоусобій колонизація шла по направленію къ востоку, такъ какъ на востокѣ тогда было меньше войнъ, чѣмъ въ западныхъ областяхъ; со второй половины XIII вѣка произошло явленіе обратное.

д) Исходя изъ точки зрѣнія азіатскихъ деспотовъ, татарскіе ханы относились къ русскому народу, какъ къ своимъ холопамъ, которыхъ они въ правѣ карать и миловать. О законѣ, о правахъ, и помину не было;

все зависѣло отъ личнаго усмотрѣнія хана. Малѣйшее сопротивленіе его волѣ влекло за собою его немилость, и такую немилость, которая не стѣснялась никакими различіями въ званіи и происхожденіи человѣка; отъ холопа до князя всѣ предъ его свѣтлыми очами были одинаковы, ибо всѣ были его холопы. Какъ холоповъ, онъ могъ ихъ карать, могъ и миловать, и жаловать, выдавая имъ ярлыки, соединенные съ извѣстными привиллегіями. Оскорбляя и унижая человѣческое достоинство Русскихъ, татаре развили въ нихъ апатію и равнодушіе къ своимъ общественнымъ интересамъ, а раздражая ихъ, приготовили себѣ смертельный ударъ.

е) Съ перемѣщеніемъ русскаго политическаго центра за предѣлы Россіи, въ Орду, прекратилось политическое развитіе русскаго народа. Князья нисходятъ на степень ханскихъ подручниковъ, для которыхъ исполненіе воли хана составляетъ безусловную обязанность; значеніе ихъ поэтому среди народа падаетъ; объ управленіи и организаціи имъ нѣкогда и думать; они заняты одною мыслію — въ перегонку другъ передъ другомъ добиваться милости ханской. Повидимому, политическое значеніе вѣча должно было возвыситься еще болѣе противу прежняго; но нѣтъ,—вышло обратное. Вѣча, подобно князьямъ, стали падать. Частыя опустошенія, которымъ подвергались наши вѣчевые города, произвели то, что имъ не до того было, чтобы разсуждать объ общественныхъ дѣлахъ. Хотя право сходиться на вѣче существовало по прежнему, но къ нему или вовсе не приходилось обращаться, или, если и обращались, то въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ, вѣчевыя собранія съ XIV в. начинаютъ выходить изъ употребленія, хотя объ отмѣнѣ ихъ никто еще и не думалъ. Если въ XIV и даже XV стол. мы встрѣчаемъ еще кое-гдѣ вѣча, какъ напр. въ Костромѣ, Брянскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Москвѣ, Устюгѣ, Двинской землѣ, Вяткѣ [1]) и др., то эти примѣры служатъ указаніемъ не на правило, а на исключеніе. Каково должно было вліять на народъ то обстоятельство, что татаринъ—глава, что онъ въ правѣ дѣлать въ его странѣ, что бы ему не вздумалось? Между тѣмъ на западѣ зачинался новый центръ, свободный отъ вліянія татаръ. Пока Русскіе не подпали подъ татарское иго, Литовцы и Поляки боялись Русскихъ и рѣдко осмѣливались тревожить ихъ владѣнія своими набѣгами. Русскіе отра-

[1]) П. С. Р. Л. т. VII, стр. 184 (годъ 1305), 185 (годъ 1310).

жали ихъ обыкновенно съ успѣхомъ и даже проникали въ ихъ собственную землю и брали съ нихъ дань. Но когда Русь покорили татаре, западные сосѣди наши усилились и стали серьёзно угрожать независимости западно-русскихъ областей. Въ первой половинѣ XIV столѣтія совершилось дѣло необходимости: западно-русскія области завоеваны Литвою, а потомъ вмѣстѣ съ нею примкнули къ Польшѣ. Когда наступило раздвоеніе, восточная часть Руси стала жить жизнью, отличною отъ жизни ея западныхъ братьевъ.

ж) Тѣ же самые татаре, кои въ началѣ своего владычества убивали политическую жизнь Россіи, указали потомъ Русскимъ путь къ выходу изъ политической немощи къ могуществу и преподали средство къ уничтоженію ненавистнаго ига. Этотъ путь—территоріальная централизація, это средство—централизація административно-самодержавная. Стать во главѣ новаго движенія и сдѣлаться проводниками обоихъ видовъ централизаціи выпало на долю Московскихъ князей. Въ первое время они дѣйствуютъ слабо, что отражается на всѣхъ источникахъ, которыми мы располагаемъ: вездѣ на сцену выступаетъ бореніе частнаго начала съ началомъ государственнымъ; но послѣ паденія татарскаго владычества, они начинаютъ дѣйствовать смѣло и рѣшительно.

Если мы посмотримъ теперь на источники, объясняющіе бытъ крестьянъ этой эпохи, то наше вниманіе прежде всего поглощается тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ 30-ти документовъ юридическаго характера, изъ 30-ти такъ-называемыхъ жалованныхъ, данныхъ, духовныхъ, отводныхъ и т. п. грамотъ, заключающихъ въ себѣ извѣстія о крестьянахъ разсматриваемой эпохи, только въ двухъ говорится о крестьянахъ-собственникахъ; остальныя изображаютъ бытъ владѣльческихъ крестьянъ. Это явленіе не можетъ быть объяснено простою случайностью, возникшею напр. отъ того, что многое множество нашихъ древнихъ актовъ погибло отъ пожара, отъ войнъ и отъ другихъ несчастныхъ обстоятельствъ. Причина—болѣе глубокая; она скрывается въ томъ событіи, которое указано нами выше, а именно въ татарскомъ господствѣ. Татаре уничтожили независимость русскаго государства; покоренная страна сдѣлалась собственностью татарскаго хана. Государственныя начала чужды номадамъ; въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ они не идутъ дальше дани, и страна, завоеванная ими, съ ихъ точки зрѣнія, есть не что иное, какъ помѣстье, долженствую-

щее доставить извѣстный, опредѣленный доходъ. Такой взглядъ на свои завоеванія имѣли и татаре; русская земля была въ ихъ глазахъ не государство, а имѣніе, русскій народъ—не народъ, а ихъ крѣпостные, русскіе князья—не государи, а ихъ сподручники, а самъ ханъ татарскій—помѣщикъ. Какъ всякому помѣщику, татарскому хану его имѣніе должно доставлять доходъ и только; что дѣлаютъ его крѣпостные, каково отношеніе ихъ другъ къ другу, до этого ему нѣтъ никакого дѣла. Какъ всякому богатому помѣщику, хану нужны управляющіе, т. е. сборщики дани и кассиры. Эти люди должны имѣть довѣріе своего господина; но къ кому же, какъ не къ татарамъ, ханъ могъ питать наибольшее довѣріе? Первоначальными сборщиками податей были дѣйствительно татарскіе чиновники; но это продолжалось не долго. Съ теченіемъ времени въ довѣріе къ хану вошли нѣкоторые князья, между которыми преимущество чаще другихъ отдавалось князьямъ московскимъ; тогда-то сборъ дани перешелъ въ руки князей, а это повело къ важнымъ результатамъ, состоящимъ въ усиленіи государственной централизаціи. Впрочемъ это произошло не вдругъ, а постепенно. Господствовавшій первоначально татарскій взглядъ былъ проникнутъ не государственнымъ, а владѣльческимъ элементомъ. Будучи господствующимъ въ сферѣ княжеской, онъ долженъ былъ отсюда проникнуть въ народныя массы и обнаружить вліяніе на внутренній строй жизни русскаго народа; онъ могъ измѣнить всѣ отношенія членовъ русскаго общества и дѣйствительно измѣнилъ. Могъ-ли Русскій видѣть въ себѣ что-нибудь другое, а не подданнаго (въ помѣщичьемъ пониманіи этого слова), когда князь, и тотъ превратился въ татарскаго слугу? Какъ слуга, русскій князь ѣздитъ въ Орду, кланяется не только самому хану, но и его приближеннымъ, заискиваетъ ихъ милостивое расположеніе и вымаливаетъ у нихъ ярлыкъ или право на то или другое княжество. Доставши желанный ярлыкъ, князь становился съ ханской руки помѣщикомъ и никто, кромѣ хана, не вправѣ вторгаться въ его имѣніе и кромѣ хана никто не могъ лишить его права распоряжаться въ этомъ имѣніи по своему произволу. Полновластный хозяинъ своего имѣнія, помѣщикъ въ своемъ княжествѣ, князь могъ раздавать земли своего княжества боярамъ, духовенству и кому-бы то ни было, на началахъ того же частнаго, владѣльческаго права, на какихъ и самъ получилъ княжество. Бояре и духовенство поступали такимъ же образомъ. Такъ мало-по-малу проникло въ

жизнь и въ сознаніе народа частное право, такъ мало-по-малу земля и крестьяне стали считаться собственностью помѣщика, какими были въ предѣлахъ каждаго княжества князь, бояринъ, церковь и монастырь. Въ доказательство этой мысли мы можемъ сослаться чуть-ли не на всѣ грамоты того времени. Въ самомъ дѣлѣ, какую-бы мы грамоту не взяли, жалованную-ли, договорную, или духовную, вездѣ найдемъ господство частнаго, владѣльческаго права. Но такъ какъ разборъ этихъ грамотъ отвлекъ-бы насъ въ совершенно противуположную сторону отъ нашей прямой цѣли, то мы довольствуемся простымъ замѣчаніемъ, что послѣ замѣчательнаго разбора духовныхъ и договорныхъ грамотъ великихъ и удѣльныхъ князей, сдѣланнаго Чичеринымъ, положеніе это не можетъ подлежать оспариванію. Изъ этого сочиненія всякій желающій можетъ увидѣть, что русская земля разсматривалась князьями не какъ государство, а какъ огромное имущество, раздѣленное, подобно милліону денегъ, на нѣсколько частей между нѣсколькими капиталистами. Одна часть его составляла княжество Рязянское, другая — княжество Московское, третья — княжество Смоленское, четвертая — владѣніе Троицко-Сергіева монастыря, пятая — часть Ивана Сюзина и т. д. Изъ этого сочиненія можно узнать, что князья завѣщали свои княжества совершенно такимъ же образомъ, какъ можетъ завѣщать частный владѣлецъ свое имѣніе; они распредѣляютъ между своими дѣтьми не только города и села, но и части одного и того же города, — треть его напр. одному сыну, треть — другому, треть — третьему, и даже съ цѣлымъ княжествомъ поступаютъ точно такимъ же образомъ, какъ съ домашнею рухлядью (сосудами, шапкою, платьемъ и т. п.). Отъ себя мы можемъ прибавить, что есть фактическое указаніе на то, что князья мѣнялись своими княжествами на основаніи чисто владѣльческаго (помѣстнаго) права, а не государственнаго, и даже цѣнность его переводили на деньги: »а мнѣ любо иную волость въ тое мѣсто даси, любо кунами даси за нее, во что будетъ была« [1]). Достойно замѣчанія, что такой взглядъ господствовалъ въ то время у князей только по отношенію къ территоріи княжества и къ тѣмъ жителямъ его, которые посредствомъ добровольныхъ сдѣлокъ и договора сами себя поставили въ зависимое положеніе. Такихъ людей они и сами покупали и другимъ не запрещали покупать, также про-

1) Н. С. Р. Л. т. II, стр. 195.

давали, давали и дарили. Этимъ объясняется происхожденіе такихъ названій, какъ люди данные, купленные, окупленные, княжіе [1]).

Господство владѣльческаго начала продолжалось впрочемъ не долго; вскорѣ оно уступило свое мѣсто принципу государственности, проводниками котораго вслѣдъ за ослабленіемъ татарскаго ига сдѣлались московскіе великіе князья. Такъ какъ подобные факты смѣняютъ другъ друга не внезапно, а съ извѣстною постепенностью, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго боренія, то очевидно, что и владѣльческіе интересы, прійдя въ соприкосновеніе съ интересами государственными, должны были вступить во взаимную борьбу. Такъ и на самомъ дѣлѣ было. Все время отъ начала XIV столѣтія до конца XVI представляетъ эпоху боренія этихъ двухъ силъ на всѣхъ пунктахъ тогдашней общественной жизни, о чемъ свидѣтельствуютъ всѣ юридическіе документы того времени. Перевѣсъ былъ сперва на сторонѣ владѣльческаго элемента, а со второй половины XV стол. видимо склонился на сторону идеи государственности.

Обращаясь теперь къ своему вопросу, разсмотримъ сначала вопросъ о землѣ. Земля каждаго княжества дѣлилась на волости. Подъ волостью разумѣли въ то время извѣстной величины территоріальный и административный округъ, вмѣщавшій въ себѣ нѣсколько селъ, починковъ и деревень. Слѣд. волость XIV в. соотвѣтствуетъ верви XI в. Вообще говоря, волости дѣлились главнымъ образомъ на два разряда: черныя [2]) и бѣлыя [3]). Основаніе такого дѣленія раскрывается изъ слѣдующихъ подлинныхъ выраженій нашихъ грамотъ: »а которыи слуги потягли къ дворскому, а черныи люди къ сотникамъ [4]). . . . А хто будетъ покупилъ земли данныѣ, служни и черныхъ людий, ... а тѣ хто възможетъ выкупити, инѣ выкупятъ, а не взмогутъ выкупити, инѣ потянутъ къ чернымъ людемъ« [5]).

»Пожаловали есмы тѣхъ сиротъ, не надобѣ имъ никоторая дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга...., ни иныи которыи пошлины къ го-

---

[1]) Доп. къ Ак. Ист. т. I, № 193; Ак. Ист. т. I, № 28; С. г. гр. и дог. т. I, № 21, 25.

[2]) Доп. къ Ак. Ист. т. I, № 57.

[3]) Тамъ же № 78.

[4]) С. г. гр. и дог. т. I, № 27.

[5]) Тамъ же № 33.

роду, ни къ волости . . . . а смѣшаются судомъ монастырскіе люди съ волостными людьми [1]).

И вы-бъ дьяки наши, про тѣ деревни и починки сыскали, будетъ тѣ деревни и починки, по писцовымъ книгамъ написаны въ сошномъ и въ четвертномъ писмѣ въ ихъ волости, подъ одинъ верхъ, и тянули будетъ напередъ сего всякимъ тягломъ съ черными деревнями, и вы-бъ съ тѣхъ деревень и починковъ велѣли всякое тягло тянути« [2]).

»Се язъ князь Великій съ своимъ отцомъ митрополитомъ Кіевскимъ управили есмь о домѣхъ о церковныхъ и о волостехъ.... а бояромъ и слугамъ князя великого и митрополичьимъ земль Луховскихъ не купити, а которые будутъ покупили, а тѣмъ лѣзти вонъ, а серебро свое взяти. А имати мнѣ князю великому дани съ Луху въ выходъ по своей грамотѣ по оброчной, а лише того оброка не имати« [3]). Церковно-служители двухъ церквей жалуются, что они живутъ »на черныхъ мѣстѣхъ, а не на поповскихъ на бѣлыхъ, и съ нихъ емлютъ Улицкіе старосты во всякіе розметы передъ черными людми вдвое,« поэтому царь приказалъ дать имъ »мѣстца бѣлые подъ дворы« [4]).

Самое важное въ этихъ постановленіяхъ—указаніе на тягло, которымъ очень ясно обозначается различіе между черными и бѣлыми волостями. Что же такое тягло? Тягломъ назывались разныя государственныя повинности, наложенныя на жителей княжества. Тѣ крестьяне, которые отправляли государственныя повинности, жили въ волостяхъ, называвшихся черными, а тѣ, которые были свободны отъ казенныхъ платежей, составляли населеніе бѣлыхъ волостей. Слова: бѣлый, обѣлить употреблялись всегда въ смыслѣ освобожденія отъ властей или отъ обязанности. Выраженія: продать человѣка обѣль, обѣлить землю, весьма не рѣдки въ нашихъ грамотахъ. Слѣд. черныя волости отличались отъ бѣлыхъ государственнымъ тягломъ. Высшими правительственными лицами въ черныхъ волостяхъ были намѣстники и волостели; имъ были подчинены пристава, доводчики, заказники и другіе органы власти. Бѣлыя же волости находились подъ верховнымъ управленіемъ своего владѣльца. Если волости принадлежали монастырю, то верховнымъ правителемъ ихъ былъ игуменъ или архимандритъ, а если онѣ были боярскія, то главное лицо у нихъ былъ бояринъ.

---

[1]) Ак. Ар. Эк. т. I, № 5.
[2]) Доп. къ Ак. Ист. т. I, № 57.
[3]) Ак. Ар. Эк. т. I, № 9.
[4]) Доп. къ Ак. Ист. т. I, № 77.

Кромѣ двухъ главныхъ разрядовъ существовалъ еще средній видъ волостей, которыя могутъ быть названы смѣшанными или же полубѣлыми. Случалось, что князь, жалуя кому-нибудь въ помѣстье черную волость, выговаривалъ часть повинностей въ свою пользу, или же поступался всѣми доходами, а себѣ оставлялъ судъ. Такія волости находились въ совмѣстномъ вѣдѣніи и княжескихъ и владѣльческихъ властей. Образцомъ подобнаго рода волостей можетъ служить Луховская волость. Смѣшанное управленіе ея видно изъ самой формы грамоты; она издана отъ имени двухъ лицъ: великаго князя и митрополита. Остановимъ свое вниманіе сперва на тѣхъ крестьянахъ, которые жили на черныхъ земляхъ и назывались тяглыми.

Тяглые люди. Самое раннее извѣстіе о тяглыхъ людяхъ находится въ жалованной грамотѣ вел. кн. Московскаго Ивана Даниловича, данной Новгородскому Юрьеву монастырю около 1340 г. [1]). Въ ней говорится, что архимандритъ имѣетъ право перезывать къ себѣ на жительство людей изъ разныхъ мѣстъ; исключается только отчина великаго князя, Москва, откуда онъ не имѣетъ права перезывать къ себѣ тяглыхъ людей. Если князь дорожитъ тяглыми людьми, живущими въ его отчинѣ, и не согласенъ на ихъ выселеніе въ другое мѣсто, то значитъ, что они представляютъ для него интересъ высокой важности. Въ чемъ же состоялъ этотъ интересъ? Извѣстно, что въ разсматриваемое время никто не считалъ государственною измѣною и побѣгомъ переселеніе людей съ мѣста на мѣсто, изъ одного княжества въ другое; князья, договариваясь другъ съ другомъ, въ числѣ условій обыкновенно ставятъ свободу перехода: »а людямъ между нами вольнымъ воля«. Слѣд. желаніе удержать тяглыхъ людей на мѣстѣ вытекало не изъ политическихъ или государственныхъ соображеній, а изъ какихъ-то другихъ; но такъ какъ тягло состояло въ отправленіи государственныхъ повинностей, то, значитъ, что въ запрещеніи перехода тяглыхъ людей заключался финансовый интересъ, который господствовалъ надъ всею тогдашнею системою управленія. Такъ онъ побуждалъ князей, заключавшихъ договоры съ другими князьями, ставить непремѣннымъ условіемъ: »а людей тебѣ изъ волости не выводити«, или: »а которые слуги потягли къ дворьскому, а черныи люди къ сотникамъ, тыхъ ны въ

---

[1]) Ак. Ар. Эк. т. I, № 4.

службу не пріимати, но блюсти ихъ ны съ одиного« [1]). Онъ же входилъ во всякую жалованную грамоту и нѣтъ грамоты, въ которой не было-бы поставлено условіемъ: »а тяглыхъ людей не пріимати, такоже и изъ очины князя великаго, изъ Москвы, людій не пріимати« [2]). Это ограниченіе землевладѣльцевъ относительно перезыва крестьянъ съ черныхъ земель на владѣльческія весьма важно по своимъ послѣдствіямъ. Оно дало князьямъ, во-1-хъ, возможность удовлетворять свои личныя потребности, которыя, какъ мы увидимъ ниже, были весьма разнообразны; во-2-хъ, оно дало имъ (и въ особенности князьямъ Московскимъ) средства скупить земли въ сосѣднихъ княжествахъ и такимъ образомъ увеличить свое собственное; оно же наконецъ, въ-3-хъ, открыло князьямъ источникъ военной силы, которая такъ пригодилась впослѣдствіи для сверженія татарскаго ига.

Отъ XIV вѣка сохранилась одна грамота, которая заключаетъ въ себѣ драгоцѣнное указаніе на бытъ тогдашнихъ крестьянъ-землевладѣльцевъ. Это — уставная грамота вел. князя Василія 1-го, данная Двинянамъ въ 1398 году [3]). Въ ней достойно вниманія прежде всего обращеніе великаго князя: »Се язъ, князь велики Василій Дмитріевичъ Всеа Руси, пожаловалъ есмь бояръ своихъ Двинскихъ, также сотского и всѣхъ своихъ черныхъ людей Двинскіе земли«.

Обращеніе великаго князя къ боярамъ, сотскому и ко всѣмъ чернымъ людямъ не есть какой-нибудь исключительный, единичный случай. Жалованная грамота Дмитрія Донскаго, данная Фрязину, показываетъ, что князья имѣли прямое, непосредственное сношеніе съ тяглыми крестьянами. Правда, что сношенія эти происходили въ довольно рѣдкихъ случаяхъ, а именно: при назначеніи намѣстниковъ и при аппеляціи на неправедный судъ ихъ; но тѣмъ не менѣе они происходили. Назначая кого-либо намѣстникомъ, князья имѣли обыкновеніе посылать къ крестьянамъ такъ-называемыя уставныя и послушныя грамоты, въ которыхъ опредѣлялись права назначаемаго намѣстника и обязанности крестьянъ. Такъ Димитрій Донской, послѣ указанія на права Фрязина, обращается къ жителямъ Печорскаго края съ слѣд. словами: »а вы печеряне слушайте его и чтите, а онъ васъ блюдетъ,

---

[1]) Тамъ же № 5.
[2]) Тамъ же № 4.
[3]) Ак. Ар. Эк. т. I, № 13.

а ходитъ по пошлинѣ« [1]). На такомъ же основаніи Василій Дмитріевичъ пишетъ къ Двинскимъ крестьянамъ: »а мои намѣстници ходятъ по сей по моей грамотѣ.« Въ свою очередь крестьяне, будучи недовольны присланнымъ намѣстникомъ, слали къ князю посланія, въ которыхъ выражали свое неудовольствіе, и князь принималъ въ уваженіе ихъ просьбы: »а надъ кѣмъ учинятъ (намѣстники) продажу силою, *а ударятъ ми на нихъ челомъ*, и мнѣ князю великому велѣти намѣстнику стати предъ собою на срокъ«.

Во-вторыхъ, въ грамотѣ важенъ вопросъ о душегубствѣ: »Оже учинится вира: гдѣ кого утепутъ и нѣ душегубца изыщутъ; а не найдутъ душегубца, и нѣ дадутъ намѣстникомъ 10 рублевъ, а за кровавую рану тридцать бѣлъ, а за синюю рану пятнадцать бѣлъ, а вина противу того. А кто кого изпаетъ боярина, или до крови ударитъ, или па немъ синевы будутъ, и намѣстницы судятъ ему по его отечеству безщестіе, такожъ и слузѣ«.

Въ-третьихъ, постановленіе о татьбѣ: »а кто у кого что познаетъ татебное, и онъ съ себя сведетъ до десяти изводовъ, полны до чеклаго татя, и отъ того намѣстникомъ и дворяпомъ не взяти ничего; а татя впервые продати противу поличного, а въ другіе уличатъ, продадутъ его не жалуя, а уличатъ въ третьіе, ино повѣсити, а татя всякого пятнити«.

Въ-четвертыхъ, разъясненіе самосуда: »а самосуда четыре рубли; а самосудъ то, кто изымавъ татя съ поличнымъ да отпуститъ, а собѣ посулъ возметъ, а намѣстники довѣдаются по заповѣди, ино то самосудъ, а опрочь того самосуда нѣтъ. А кого утяжутъ въ рублѣ, и намѣстникомъ вины полтина; а того болѣ или меньши, ино потомужъ«.

Въ-пятыхъ, вопросъ о землѣ и отношеніяхъ къ ней крестьянъ: »а другъ у друга межу переоретъ или перекоситъ на одномъ полѣ, вины боранъ, а межы (т. е. между) селъ межа тридцать бѣлъ, а вязьбы въ томъ нѣтъ«.

Въ-шестыхъ, о порукѣ и правахъ намѣстника: »А желѣзного четыре бѣлки, толко человѣка скуютъ, а не будетъ по немъ поруки, а болѣ того дворяпину не взяти ничего; а черезъ поруку не ковати; а посула въ желѣзѣхъ не просити, а что на желѣзѣхъ посулъ, то не въ

---

[1]) Тамъ же № 6.

посулъ. А кто на кого челомъ бьетъ, дворяне и подвойскіе позовутъ къ суду, а онъ не станетъ у суда, и на того намѣстници дадутъ грамоту правую безсудную; а кто будетъ не тутошней человѣкъ, и нѣ его дадутъ на поруцѣ«.

Въ-седмыхъ, — объ аппеляціи: »А приставомъ моимъ великаго князя въ Двинскую землю не въѣздити, всему управу чинятъ мои намѣстници: а надъ кѣмъ учинятъ продажу силно, а ударятъ ми на нихъ челомъ, и мнѣ князю великому велѣти намѣстнику стати предъ собою на срокъ; а не станетъ, ино на того грамота безсудная и приставъ мой доправитъ«.

Древнія уставныя грамоты, въ томъ числѣ и Двинская, запечатлѣны тѣмъ отличительнымъ характеромъ, который состоитъ въ стремленіи опредѣлить отношенія княжескихъ властей къ крестьянскимъ обществамъ. Ради сознанной необходимости дать это опредѣленіе, князья посылали уставныя грамоты, и въ нихъ, подобно вел. князю Василію Дмитріевичу, говорили: »Коли кого пожалую своихъ бояръ, пошлю намѣстникомъ къ нимъ.... или кого пожалую намѣстничествомъ изъ ихъ бояръ, и мои намѣстници ходятъ по сей по моей грамотѣ«.

Какая же роль предоставлена была намѣстнику по отношенію къ волости? Изъ вышеприведенныхъ постановленій грамоты видно, что намѣстникъ былъ верховнымъ судьею въ волости. Онъ производилъ судъ въ нѣсколькихъ случаяхъ: а) тогда когда случится душегубство (»оже учинится вира, гдѣ кого утепутъ«); б) когда кто-нибудь словами или дѣйствіемъ оскорбитъ честь боярина или слуги княжескаго, (»излаетъ боярина, или до крови ударитъ...., такожс и слузѣ«); в) когда кто-либо переоретъ или перекоситъ межу; когда г) наконецъ совершится воровство. Для ближайшаго ознакомленія съ предѣлами судебной власти намѣстника мы должны разсмотрѣть порядокъ тогдашняго судопроизводства, придерживаясь точнаго смысла уставной грамоты. Изъ постановленій о душегубствѣ видно, что въ уголовныхъ дѣлахъ судопроизводство шло слѣд. порядкомъ: прійди на мѣсто нахожденія трупа и опредѣливъ, что смерть произошла отъ насилія, крестьяне обязаны были приступить къ отыскиванію душегубца и, отыскавши его, дать знать намѣстнику о случившемся, а преступника между тѣмъ отдать на поруки, если поручители найдутся, а если не найдутся, то заковать въ цѣпи и представить княжескому чиновнику, который назы-

вался приставомъ. Приставъ обязанъ былъ держать его въ оковахъ до тѣхъ поръ, пока намѣстникъ производилъ судъ. Судъ намѣстника былъ гласный; на немъ присутствовали выборные изъ крестьянъ въ качествѣ свидѣтелей, обвинителей и, можетъ быть, засѣдателей суда. Изъ грамоты не видно, что̀ дѣлали съ человѣкомъ, котораго судъ призналъ виновнымъ; можно однакоже думать, что его предавали смертной казни, и вотъ почему. Сообразно съ постановленіями Двинской грамоты, воръ, попавшійся въ воровствѣ, безпощадно былъ наказываемъ даже тогда, когда преступленіе это было первымъ его преступленіемъ (»а татя всякого пятнити«). Что же сказать о душегубцѣ? Безъ сомнѣнія его казнили смертью, а имущество его продавали съ публичнаго торга и дѣлили между судьями и родственниками убитаго, что̀ называлось *чиненіемъ продажи*. Но могъ быть и такой случай, что душегубецъ скрылся. Какъ тогда поступали? Относительно этого случая грамота дѣлаетъ такое постановленіе: »а не найдутъ душегубца, и нѣ дадутъ намѣстникомъ десять рублевъ«; что̀ для того времени составляло весьма значительную сумму, ибо за десять рублей и за десять воловъ можно было купить тогда цѣлое село[1]). Такой же порядокъ былъ принятъ относительно душегубца, которому не удалось убить, а только ранить. Если крестьянское общество отыскивало его, то оно отдавало его на судъ намѣстника, который опредѣлялъ ему соотвѣтственное преступленію наказаніе, а если онъ успѣлъ скрыться, то оно платило какъ обиженному, такъ и намѣстнику виру, въ размѣрѣ указанномъ закономъ: первому за кровавую рану 30 бѣлъ, а за синюю рану 15 бѣлъ«, а второму виру »противу того«.

Въ личныхъ оскорбленіяхъ и обидахъ, когда истцомъ былъ бояринъ или княжескій слуга, дѣло происходило нѣсколько иначе: самъ обиженный жаловался намѣстнику. Тогда намѣстникъ приказывалъ подвойскому и дворянамъ позвать отвѣтчика къ суду. Если отвѣтчикъ не хотѣлъ явиться, то намѣстникъ выдавалъ такъ-называемую безсудную грамоту, которая предоставляла приставу право подвергнуть неявившагося добровольно на судъ наказанію безъ производства слѣдствія. Намѣстнику предоставлено было также право вмѣшиваться въ судъ надъ татемъ, если онъ не успѣлъ скрыться отъ преслѣдованія закона. Если же онъ скрылся и, не смотря на своды, его не могли найти, то

[1]) Тамъ же № 68.

судебное преслѣдованіе прекращалось и обиженный оставался безъ удовлетворенія.

Наконецъ, какъ судья, намѣстникъ имѣлъ право вмѣшиваться въ дѣла о нарушеніи правъ на поземельную собственность, особенно тогда, когда споръ возникалъ между двумя сосѣдними селами, изъ которыхъ одно принадлежало крестьянамъ, а другое — князю.

Отсюда слѣдуетъ, что намѣстнику судъ принадлежалъ въ полномъ его объемѣ. Его вѣдѣнію подлежали всѣ дѣла, какъ уголовнаго, такъ и гражданскаго характера. Но въ идеѣ тогдашняго суда господствовалъ не государственный элементъ, и частный, именно: доходность, сообщавшая направленіе самому судопроизводству. Намѣстникъ, которому пожаловано намѣстничество, смотрѣлъ на подчиненную ему волость, какъ на источникъ пропитанія; онъ состоялъ на иждивеніи крестьянъ, которые, по старинному выраженію, кормили его судомъ и данью. Торговыя пошлины были болѣе или менѣе опредѣленныя; но что касается судебныхъ, то они были подвержены случайностямъ, зависѣвшимъ отъ уровня общественной нравственности. Чѣмъ больше возникало уголовныхъ и татебныхъ дѣлъ, тѣмъ выгоднѣе было для намѣстника и на оборотъ. Поэтому намѣстники относились совершенно равнодушно къ преступленію и старались только о томъ, чтобы извлечь побольше выгодъ изъ него. На этотъ образъ дѣйствій намекаетъ между прочимъ и Двинская грамота; въ ней сказано, что если намѣстники »надъ кѣмъ учинятъ продажу силно, а ударятъ ми на нихъ челомъ, и мнѣ князю великому велѣти намѣстнику стати предъ собою на срокъ«. Изъ тѣхъ же самыхъ, т. е. изъ финансовыхъ же соображеній вытекало между прочимъ и введеніе въ употребленіе цѣпей и тюремъ. Само общество содѣйствовало, по всей вѣроятности, появленію ихъ, чтобы только не платить за преступника, а такое содѣйствіе должно было привести къ развитію и усиленію правительственнаго надзора за крестьянами.

Предоставляя намѣстникамъ власть въ такихъ размѣрахъ, какимъ взглядомъ были приниканути князья по отношенію къ крестьянамъ? На основаніи фактовъ, заключающихся въ Двинской грамотѣ и въ другихъ памятникахъ, принадлежащихъ тому времени, изобразимъ сначала юридическое значеніе каждой крестьянской личности, а потомъ такое же значеніе цѣлаго крестьянскаго общества.

Какъ личность, тяглый крестьянинъ XIV столѣтія признавался

вполнѣ свободнымъ и самостоятельнымъ членомъ русскаго общества, имѣющимъ право свободно избирать себѣ тотъ или другой родъ промышленныхъ занятій, не испрашивая для того ничьего позволенія. Какъ свободный гражданинъ русской земли, онъ могъ селиться, гдѣ ему угодно: онъ могъ жить въ городѣ и селѣ, въ Тверскомъ княжествѣ и въ Новгородскомъ.....

Живя гдѣ угодно, онъ имѣлъ свое независимое хозяйство, состоявшее въ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ. Этимъ имуществомъ онъ владѣлъ и распоряжался на правахъ полнаго хозяина; онъ могъ его пріобрѣтать, отчуждать и защищать судебнымъ порядкомъ отъ похитителей. Пока онъ владѣлъ ею, никто не смѣлъ вторгаться въ область его владѣнія, а еслибы это случилось, то онъ имѣлъ право вчинать искъ самъ отъ своего имени и требовалъ защиты суда, который немедленно являлся на помощь: »А другъ у друга межу переоретъ или перекоситъ, вины боранъ«, или: »а кто у кого что познаетъ татебное.... и отъ того намѣстникомъ«.... и проч. Какъ самостоятельный, хотя и младшій членъ общества (ибо на верху его стояли бояре и духовенство), русскій крестьянинъ имѣлъ полное право на свою личность; онъ могъ заключить съ кѣмъ-угодно и какую-угодно сдѣлку, даже могъ закабалить себя и никто не вправѣ былъ запретить ему.

Извѣстная сумма такихъ личностей составляла крестьянское общество. Общество это уставная Двинская грамота представляетъ такою же юридическою личностью, какою Русская Правда представляетъ вервь. По точному смыслу ея, крестьянскіе союзы занимаютъ опредѣленные участки земли, которые отдѣлены другъ отъ друга межевыми знаками. Эти участки находятся въ полномъ распоряженіи общества и по закону принадлежатъ оному вполнѣ »а межы (между) селъ межы 30 бѣлъ«.

Мы видѣли, какова была власть намѣстника въ волости. Ограниченная судомъ и данью, она дальше не простиралась, и тамъ, гдѣ она прекращалась, начиналось право крестьянъ. Оно обхватывало собою волостную администрацію, полицію и отчасти судъ. Полицейская власть общества состояла въ отыскиваніи и поимкѣ душегубца и татя, въ наблюденіи за спокойствіемъ и порядкомъ во время крестьянскихъ пировъ [1]) и вообще за общественною безопасностью. Въ этомъ отноше-

---

[1]) Въ старину существовалъ обычай устраивать общественные

ніи крестьянское общество ни впередъ не подвинулось, ни назадъ не отступило отъ устройства, господствовавшаго въ XI вѣкѣ, въ чемъ легко убѣдиться изъ сравненія Русской Правды съ Двинскою грамотою. Какъ тамъ, такъ и здѣсь на общество наложена вира, если оно не нашло виновнаго; наконецъ, какъ тамъ, такъ и здѣсь преслѣдованіе татя совершалось по сводамъ до чеклаго (т. е. до скрывшагося) [1]) татя. Отношеніе крестьянъ другъ къ другу должно было оставаться поэтому прежнее. Постановленіе же о переоранной и перекошенной межѣ и о самосудѣ застаѣляетъ предполагать существованіе волостныхъ старцевъ—судей, которыхъ дѣятельность простиралась не только на членовъ одного села, но и на крестьянъ цѣлой волости. Въ грамотѣ самосудомъ, т. е. незаконнымъ дѣйствіемъ, названо отпущеніе на волю татя, давшаго взятку, а всякое правильное производство слѣдствія и судъ исключены изъ понятія о самосудѣ: »а опрочь того самосуда нѣтъ«. Кто же производилъ судъ надъ татемъ? Изъ словъ грамоты: »а кого утяжутъ въ рублѣ« можно полагать, что судьями были сами же крестьяне: они отыскивали вора, они оцѣнивали стоимость украденнаго, они же присуждали уплату, они же, вѣроятно, и пятнили его. Совершались-ли постановленія приговоромъ цѣлаго общества (волости), или предоставлялись благоусмотрѣнію старцевъ, трудно рѣшить, потому что не достаетъ необходимыхъ указаній; но, кажется, вѣрнѣе предположить послѣднее, ибо въ разрѣшеніи спора о земляхъ показанія старцевъ имѣли вѣсъ и принимались за основаніе судебнаго приговора [2]).

Наконецъ, что касается органовъ волостнаго управленія тяглыхъ крестьянъ, то существованіе ихъ обусловлено было выборнымъ началомъ и круговою порукою. Представителемъ сельской администраціи былъ сотскій, котораго дѣятельность внутри волости ограничивалась, кажется, только разрубами и розметами, т. е. раскладкою податей и повинностей между крестьянами. Свойство этого рода занятій таково, что не дозволяло сотскому произвести розметовъ безъ участія самихъ

крестьянскіе праздники, на которые приглашались люди изъ сосѣднихъ мѣстностей. (См. очеркъ жизни великорусскаго народа, Костомарова).

[1]) Чеклый=ciekły, uciekły (т. е. бѣжавшій); быть на чеку=быть на сторожѣ, (въ этомъ случаѣ для того, чтобы скрыться).

[2]) Ак. Юр. 1857 г. т. I, № 53; ак. З. Р. т. I, № 30, 31.

же крестьянъ. Сотскій долженъ былъ охранять интересы каждаго крестьянина въ отдѣльности, поэтому избраніе его должно было производиться всѣми крестьянами сообща. Въ помощь ему избираемы были еще пятидесятскій и десятскій. Лица, выбранныя въ должность крестьянами, получали санкцію въ фактическомъ признаніи со стороны князей, которые даже непосредственно сносились съ ними.

Круговая порука имѣла мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне приходили въ соприкосновеніе съ княжескими правами: они ручались, что преступникъ, отданный на поруки, явится по требованію суда во всякое время, что княжескій доходъ будетъ собранъ исправно, что наконецъ каждый крестьянинъ въ точности выполнитъ всѣ лежащія на немъ обязанности.

Обозрѣвши такимъ образомъ Двинскую грамоту, мы можемъ извлечь изъ нея слѣд. выводы относительно тяглыхъ крестьянъ второй половины XIII и всего XIV ст.

1. Тяглые крестьяне признавались лично свободными.

2. Они признавались полноправными гражданами и самостоятельными членами русскаго общества, имѣющими право обжаловать самого намѣстника, если онъ злоупотребляетъ своею властью.

3. Какъ свободные и самостоятельные члены русскаго общества, они составляли юридическіе союзы, члены которыхъ связаны были между собою круговою порукою и управлялись выборными властями.

4. Княжеское право на крестьянскія общества опредѣлялось данями и судомъ и въ такой формѣ переходило на намѣстниковъ, получавшихъ въ свое управленіе какую-нибудь волость.

Наконецъ, 5-й выводъ, вытекающій изъ соображеній, изложенныхъ раньше, есть тотъ, что силою историческихъ обстоятельствъ, проистекавшихъ изъ удѣльныхъ усобицъ и изъ татарскаго ига, тяглые крестьяне стремились къ крѣпостному состоянію, но отъ этого удерживали ихъ въ нѣкоторой мѣрѣ сами же князья.

Съ перваго взгляда мысль эта можетъ показаться парадоксальною; но на самомъ дѣлѣ она вѣрна. На тяглыхъ волостяхъ, кромѣ податей, лежали разныя государственныя повинности, отъ которыхъ владѣльческія волости (пріобрѣтенныя посредствомъ купли, или, хотя и пожалованныя, но вслѣдствіе давности получившія значеніе вотчинъ, т. е. наслѣдственной собственности) были свободны. Подати и повинности, лежавшія на тяглыхъ земляхъ, были весьма тяжелы и обременительны,

особенно для нѣкоторыхъ волостей. Крестьяне этихъ волостей, кромѣ обязанности содержать намѣстника и его подчиненныхъ, обязаны были платить разныя судебныя и торговыя пошлины, слывшія подъ самыми разнообразными названіями, какъ-то: мыто, тамга, костки, подводная повинность, (обязанность доставлять подводы и лошадей какъ на проѣздъ княжескихъ чиновниковъ, такъ и самого князя во время поѣздокъ его по княжеству), паханіе княжескихъ полей, косьба сѣна на его лугахъ, ловля бобровъ въ его гонахъ, ловля рыбы въ его прудахъ, собираніе меда изъ его бортей, сторожа и кормленіе его охотничьихъ собакъ и соколовъ, починка мостовъ и гатей въ княжескихъ имѣніяхъ, постройка городскихъ сооруженій, отправленіе сторожевой повинности въ городѣ, вбиваніе ѣзовъ [1]) въ княжескихъ рѣкахъ, постройка его дворца [2]) и др. Понятно поэтому съ одной стороны стремленіе крестьянъ освободиться отъ тяготѣвшаго на нихъ бремени, а съ другой стороны — стремленіе князей удержать крестьянъ на тяглыхъ земляхъ. Выходъ изъ труднаго положенія представлялся крестьянамъ въ селитьбѣ на владѣльческой землѣ и притомъ вотчинной

---

[1]) Вопросъ о ѣздѣ (язѣ) находится въ тѣсной связи въ вопросомъ о рыбной ловлѣ. Что же это такое? Даль (см. Толковый Словарь) объясняетъ это слово словомъ плетень; но такое объясненіе не удовлетворительно. Въ Малороссіи бить *язы*, *язики* значитъ дѣлать запруду въ мѣстѣ паденія рѣки, оставляя по срединѣ свободное пространство. Это пространство заставляется рыболовною сѣтью, куда падаетъ рыба. Такая ловля рыбы производится въ малыхъ рѣкахъ. Дѣлалось-ли то же самое на широкихъ рѣкахъ, достовѣрно не извѣстно, но можно думать, что во время половодія и на этихъ рѣкахъ строились ѣзы, но не поперекъ рѣки, а въ длину ея для того, чтобы задержать рыбу, стремящуюся при спадѣ воды обратно въ рѣку. Изъ грамотъ видно, что ѣзъ вбивали на рѣкахъ, иногда на весьма значительномъ протяженіи (напр. на протяженіи $3^1/_2$ верстъ; Ак. Юр. 1838 г. № 230); для сооруженія его требовалось множество толстыхъ и длинныхъ деревьевъ (»а въ томъ ѣзу 28 козловъ, на которые нужны 80 семисаженныхъ деревъ да на переклады къ навалу 120 деревъ двѣнадцатисаженныхъ, да на грузила и суковатики 90 деревъ семисаженныхъ, а въ клѣтки 70 бревенъ двусаженныхъ; а мелкаго лѣсу на засовы 1450 жердей); на ѣзахъ сидѣли цѣловальники и три сторожа. Въ уставной грамотѣ Переяславскимъ рыболовамъ сказано, что они должны ловить рыбу двѣ ночи на намѣстника, а одну ночь на волостеля (Ак. Ар. Эк. т. I, № 143). Такой способъ ловли возможенъ былъ только при существованіи ѣзовъ. Что такое навалы, грузила, суковатики, переклады и клѣтки?

[2]) Ак. Ар. Эк. т. I, № 1, 5, 9; Сб. Мух. № 116 и др.

потому, что эта земля свободна была отъ всѣхъ податей и повинностей и еще потому, что землевладѣльцы давали переселенцамъ на довольно продолжительное время разныя льготы. По всей вѣроятности переселенія эти совершались весьма часто, ибо князья постоянно ограничивали право собственниковъ перезывать къ себѣ тяглыхъ людей и пріобрѣтать тяглыя земли: »а хто будетъ покупилъ земли данныѣ или служни или черныхъ людей.... а тѣ хто взможетъ выкупити, инѣ выкупятъ, а не взмогутъ выкупити, инѣ потянуть къ чернымъ людямъ, а хто не всхочетъ тянути, инѣ ся земль съступятъ, а земли чернымъ людямъ даромъ« [1]), или: »а бояромъ и слугамъ великаго князя и митрополичимъ земль Луховскихъ не купити, а которыи будутъ покупили, а тѣмъ лѣзти вонъ, а сребро свое взяти« [2]), или: »изъ очины князя Великаго изъ Москвы людій не пріимати.... и тяглыхъ людій

---

[1]) С. г. гр. и дог. т. I, № 33. Когда мы разсуждали объ отношеніи крестьянъ къ землѣ, то мы старались провести ту мысль, что сначала земля составляла предметъ частнаго, личнаго владѣнія, но что вслѣдствіе княжескихъ междоусобій и нашествія татаръ она незамѣтно стала переходить частію въ руки князей, бояръ и духовенства, а частію въ собственность крестьянскихъ общинъ. Въ силу этого поворота, безхозяйная земля нашла себѣ хозяина въ коллективной единицѣ — общинѣ. Начиная съ XIV ст., мы почти нигдѣ не встрѣчаемся съ отдѣльными крестьянскими хозяйствами, а обыкновенно находимъ хозяйство въ общинѣ, въ которой сконцентрированы всѣ права хозяина и землевладѣльца, а членамъ ея предоставленъ характеръ арендаторовъ. На такую форму землевладѣнія указываетъ между прочимъ и то правило, которое внесено нами въ текстъ, правило — тянуть къ чернымъ людямъ, а въ противномъ случаѣ »земли чернымъ людямъ даромъ«, и въ этомъ смыслѣ Бѣляевъ (стр. 37) совершенно правъ, когда говоритъ, что »ежели крестьяне сидѣли на общинной или черной землѣ, то они пользовались ею только какъ члены общины, получая въ надѣлъ извѣстные участки или выти земли въ безсрочное пользованіе, такъ что на одномъ и томъ же участкѣ крестьянинъ могъ сидѣть цѣлую жизнь и передавалъ его своимъ наслѣдникамъ, но, разумѣется, съ неизмѣннымъ условіемъ быть членомъ общины и тянуть во всѣ общинные разрубы и разметы. Этотъ участокъ земли до нѣкоторой степени представлялъ какъ-бы собственность крестьянина; онъ могъ даже отдавать его въ закладъ и продавать только съ условіемъ, чтобы тотъ, кто приметъ отъ него этотъ участокъ, тянулъ въ общинные разрубы и разметы, или окупилъ всѣ общинныя пошлины, лежащія на этомъ участкѣ, или, какъ тогда говорилось, обѣлилъ его, а въ противномъ случаѣ лишался своей покупки.«

[2]) Ак. Ар. Эк. т. I, № 9.

Волоцкихъ» [1])... Хотя тяглымъ людямъ и не дѣлалось прямаго запрещенія переходить на другія земли, но могли-ли они свободно переходить, когда существовало косвенное запрещеніе, — обязывавшее землевладѣльцевъ не принимать переселяющихся? Закрытіе доступа къ помѣщичьимъ землямъ съуживало область, удобную для переселенія, ибо мѣста непочатыя, распахиваніе которыхъ требуетъ значительныхъ затратъ, не слишкомъ благопріятствуютъ уходу съ тяглой земли. Впослѣдствіи явились и другіе роды ограниченій, съ которыми мы познакомимся при обозрѣніи слѣдующаго столѣтія.

Владѣльческіе крестьяне. Хотя князья и обнаруживали стремленіе приврѣпить тяглыхъ крестьянъ къ государственной землѣ и создавали препятствія къ ихъ переселенію на владѣльческія земли, но такой образъ дѣйствій не былъ плодомъ на строгихъ началахъ построенной системы; ибо въ дѣятельности самихъ же князей мы находимъ начала, находящіяся въ совершенной противуположности съ запретительной системой. Случалось иногда, что князья, уступая просьбамъ землевладѣльца, или награждая его за службу, давали имъ жалованную грамоту на ту или другую тяглую волость, и, уменьшая число тяглыхъ крестьянъ, дѣйствовали такимъ образомъ вопреки своимъ собственнымъ интересамъ. Еслибы князья соображались съ требованіями строгой системы, то, разъ задавшись извѣстною цѣлью, они неуклонно стремились-бы къ ея осуществленію; но они поступали иначе: то иногда запрещали перезывать тяглыхъ людей для того, чтобы число ихъ не уменьшалось, то опять раздавали жалованныя грамоты на тяглыя земли, т. е. сами уменьшали ихъ число и вступали такимъ образомъ въ явное противурѣчіе сами съ собою [2]). Нужно замѣтить, что пожалованія разсматриваемой эпохи рѣзко отличаются отъ пожалованій, дававшихся въ прежнее время. Прежде князья жаловали обыкновенно пустоши и владѣлецъ самъ заботился о населеніи ихъ крестьянами. Новожильцы вступали съ хозяиномъ въ добровольныя сдѣлки, которыя-то и служили опредѣленіемъ ихъ взаимныхъ отношеній. Правитель-

---

[1]) Ак. Ар. Эк. т. I, № 4.

[2]) Изъ грамотъ, находящихся у насъ подъ руками, видно, что въ XIV ст. уже весьма много селъ крестьянскихъ принадлежало помѣщикамъ и церкви. См. напр. А. З. и Ю. Р. т. II, № 60, 61, 62, 64; тамъ же т. I, № 1, 3, 5, 6; Ак. Ис. т. I, № 2 и др.

ственная роль князей была чисто наблюдательная; они сохраняли за собою право надзора за обоюднымъ исполненіемъ принятихъ условій. Грамотами XIV ст. жалуются не только пустоши, но и заселенныя тяглыми людьми волости; пожалованные люди занимаютъ пассивную роль; вмѣсто нихъ самъ князь договаривается съ владѣльцемъ и можетъ передать ему всѣ свои права на нихъ, или только часть своихъ правъ. И дѣйствительно бывали случаи, когда князья поступались только нѣкоторою частью съ своихъ доходовъ отъ суда и отъ разныхъ промысловъ, и случаи, когда они жаловали всѣ доходы и судъ по гражданскимъ искамъ, и наконецъ случаи, когда они переносили на владѣльца всѣ княжескія права, въ томъ числѣ и уголовный судъ. Внося въ свои жалованныя грамоты такое разнообразіе уступокъ, князья создали различныя положенія владѣльческихъ крестьянъ, которыхъ было тогда, присоединяя сюда и прежнее, четыре: 1) свободные переселенцы, 2) крестьяне, тянувшіе къ владѣльцу частью дани и суда, 3) крестьяне, тянувшіе къ владѣльцу всею данью и судомъ, но безъ душегубства, и наконецъ 4) крестьяне, находящіеся въ полномъ распоряженіи землевладѣльца.

Каково было положеніе крестьянъ первой категоріи можно видѣть изъ одного документа, который извѣстенъ подъ именемъ Псковской судной грамоты. Судная грамота есть извлеченіе изъ нѣсколькихъ узаконеній, господствовавшихъ въ Псковѣ съ конца XIII вѣка до конца XV. Главное вниманіе ея обращено на мастеровыхъ, наймитовъ, изорниковъ и кочетниковъ. Цѣль ея — по возможности точнѣе опредѣлить отношенія этихъ людей къ землевладѣльцу и дать гарантію обѣимъ договаривающимся сторонамъ. Изученіе этихъ гарантій даетъ возможность почерпнуть изъ нихъ весьма важныя указанія. Прежде всего мы открываемъ, что всѣ названные крестьяне признавались лично свободными и доказательствомъ этому служитъ каждое слово грамоты. Какъ лично свободный, крестьянинъ имѣлъ право избрать себѣ по своему личному усмотрѣнію тотъ или другой родъ занятій: онъ могъ быть земледѣльцемъ, рыболовомъ, наймитомъ, плотникомъ, охотникомъ и не испрашивать на это ничьего согласія. Источники ни одною буквою не намекаютъ на существованіе какихъ-либо ограниченій въ этомъ отношеніи. Правительство довольствовалось обложеніемъ пошлиною предметовъ производства и дальше не шло. Какъ лично свободный, крестьянинъ пользовался правомъ заключать всякія сдѣлки, вступать въ условія

и договоры. Онъ имѣлъ право пріобрѣтать недвижимую собственность, онъ могъ также завѣщать свое имущество. По силѣ той же личной свободы, онъ пользовался покровительствомъ закона и защитою судей [1]), наконецъ, онъ пользовался правомъ перехода съ одного мѣста на другое.

Такой взглядъ на личность крестьянина сдѣлался причиною того, что законодательство подробно опредѣляетъ отношенія его къ тому лицу, которое въ немъ нуждается. Эти опредѣленія состоятъ въ слѣдующемъ: приступая къ сдѣлкѣ, крестьянинъ и хозяинъ обязываются заключить между собою словесный или, еще лучше, письменный контрактъ. Контрактъ долженъ былъ заключать въ себѣ (впрочемъ, не всегда) срокъ и обязательства обѣихъ договаривающихся сторонъ. Характеръ контракта зависѣлъ отъ обязательствъ, принимаемыхъ на себя крестьяниномъ, и измѣнялся, смотря по роду ихъ. Если это былъ мастеръ, то въ контрактѣ значилось, что онъ обязанъ исполнить такую-то работу, а хозяинъ обязанъ заплатить ему, что слѣдуетъ по условію; при этомъ срокъ не принимался въ разсчетъ. Законъ требовалъ только одного: если мастеръ отстоитъ свой урокъ и отдѣлаетъ свое дѣло, то чтобы хозяинъ тотчасъ заплатилъ ему за произведенную работу [2]). Чтобы мастеръ могъ потребовать разсчета, не окончивъ своей работы, тогда, какъ видно, не предполагалось; не допускалось напр., чтобы начавши строить домъ, мастеръ отказался отъ окончанія его и потребовалъ уплаты за часть работы, на которую подрядился, или чтобы онъ потребовалъ разсчета и уплаты за неоконченную пилу, топоръ и т. п. Если это былъ наймитъ, т. е. человѣкъ, поступающій въ личное услу-

---

[1]) Пск. суд. гр. Одесса, 1847 г.

[2]) Тамъ же. »А которой мастеръ, плотникъ, или наймитъ отстоитъ свой урокъ, и плотникъ или наймитъ, свое дѣло отдѣлаетъ..... на государехъ, и въ закличъ сочитъ своего найма.« Точками обозначенъ пропускъ, который надо возстановить, сообразуясь со смысломъ предъидущаго, потому что иначе выходитъ безсмыслица. Очевидно, что здѣсь пропущены слова: а государь не заплатитъ ему, то онъ можетъ жаловаться суду и искать... Въ закличъ здѣсь значитъ грамогласно, т. е. публично, на площади, какъ это водилось и прежде. Въ Русской Правдѣ сказано, что тотъ, у кого пропала вещь, долженъ объявить объ ея пропажѣ на торгу. Въ Псковской судной грамотѣ также проглядываетъ этотъ обычай: »а кто по волости ходитъ закупенъ, или скотникъ«.... Чего же онъ ходитъ? А вотъ чего: »а иметь искати тако же соблюденія или верши«....

женіе, то въ контрактѣ долженъ быть обозначенъ еще и срокъ. Есть основаніе думать, что крайній срокъ найма былъ годичный; на нѣсколько лѣтъ контрактъ не заключался и, если случалось отступленіе, то законъ признавалъ таковой контрактъ недѣйствительнымъ и наймитъ терялъ право иска на неуплату жалованья за время сверхъ года. Что за причина возникновенія такого постановленія — не извѣстно. Быть можетъ, въ немъ слѣдуетъ видѣть борьбу законодательства съ фактическимъ закабаленіемъ людей, весьма возможнымъ при продолжительности службы. Вѣроятно такъ, ибо въ грамотѣ сказано: »А которой наймитъ дворной пойдетъ прочь отъ своего государя... а сочить ему найма своего за годъ, чтобы пять годовъ или десять годъ стоявши; и всѣхъ тыхъ ему годъ найма сочить, какъ отиде, за годъ сочить, только будетъ найма не ималъ у государя; а толко пойдетъ болши года, ино имъ не сочити на государехъ«. Это неясное постановленіе мы читаемъ такъ: если наймитъ уходитъ отъ своего господина, то онъ можетъ разсчитываться съ нимъ только за годичную работу, все равно, прослужилъ-ли онъ у него годъ, два, пять или десять лѣтъ, и можетъ жаловаться на своего господина только тогда, когда онъ не заплатилъ ему того, что слѣдуетъ за годъ.

Если же это былъ пахарь или рыболовъ, то собственникъ контрактомъ обязывался дать ему кромѣ опредѣленной платы (деньгами или натурою) еще небольшую ссуду (покруту). Ссуда выдавалась обыкновенно тотчасъ же по заключеніи контракта, а окончательный разсчетъ наступалъ не прежде, какъ по истеченіи срока контракту. *Minimum* для срока было положено годичное время. »А которой государь захочетъ отрокъ дати своему изорнику, или огороднекъ, или кочетнику, ино отрокъ быти о Филипове заговейне; такожъ захочетъ изорникъ отречися съ села, или огороднику, или четникъ, ино тому жъ отроку быти, а иному отроку не быти ни отъ государя, ни отъ изорника, ни отъ кочетника, ни отъ огородника«. Опредѣленіе срока Филиповымъ заговѣнемъ сообразовалось, какъ видно, съ интересами той и другой стороны, ибо Филипово заговѣнье бываетъ въ ноябрѣ, когда кончаются всѣ полевыя занятія, въ зависимости отъ которыхъ находился разсчетъ. Изъ грамоты видно, что пахари и рыболовы обыкновенно договаривались работать за извѣстную долю жатвеннаго сбора и за часть рыбнаго улова: »А запрется изорникъ, или огородникъ или кочетникъ,

отрока государева, ино ему правду дать, а государь не доискался четверти, или огородной части, или съ исады рыбной части» [1]).

По заключеніи контракта, хозяинъ и его рабочій обязаны были соблюдать условія и законъ также слѣдилъ за этимъ, предлагая каждый разъ, когда того требовали обстоятельства, свое посредничество и не дѣлая притомъ никакой разницы между обидою хозяина и обидою работника. Но такъ какъ слабому защита нужна скорѣе, нежели сильному, то Псковская грамота больше заботится о гарантіяхъ работника, нежели о гарантіи хозяина. Хозяинъ могъ не заплатить работнику; тогда работникъ, кто-бы онъ ни былъ, пастухъ-ли, наймитъ-ли, могъ смѣло отправляться къ судьямъ и требовать ихъ защиты или, на тогдашнемъ языкѣ, правды. Хозяинъ могъ притѣснять работника до такой степени, что онъ не былъ въ состояніи дожить у него до срока, тогда, если онъ наймитъ (о пахарѣ и рыболовѣ ничего не сказано), можетъ уйти отъ своего господина даже въ томъ случаѣ, когда не отстоялъ урока, и потребовать у него за совершенную работу платы судебнымъ порядкомъ: »а которой наймитъ дворной прочь пойдетъ отъ государя, не достоявъ своего урока, іно ему найму взяти по счету.« Хозяинъ могъ прогнать крестьянина до Филиппова заговѣнья, въ началѣ осени напр., когда ему трудно отыскать работу и пропитаніе; тогда крестьянинъ опять-таки могъ прибѣгнуть къ защитѣ закона, который для этого случая постановилъ: »а которой государь захочетъ отрокъ дати своему изорнику, или огороднекъ, или кочетнику, ино отрокъ быти о Филипове заговейне.... а иному отроку не быти ни отъ государя«.... У крестьянъ было имущество, которымъ они могли распоряжаться по своему усмотрѣнію и, между прочимъ, завѣщать. Собственникъ помѣщикъ, на землѣ котораго жилъ крестьянинъ наслѣдодатель, могъ послѣ его смерти захватить въ свои руки его имущество. Законъ и здѣсь выступалъ въ роли защитника слабыхъ; онъ предоставляетъ наслѣдникамъ право вступить во владѣніе наслѣдствомъ, если только покойникъ не остался должнымъ хозяину. Въ противномъ случаѣ послѣдній можетъ взыскать свое съ его наслѣдства и приступить къ его описи и продажѣ съ публичнаго торга, но не иначе, какъ съ помощью княжескаго чиновника,

---

[1]) Что значитъ *исады*, мы не можемъ сказать навѣрно. Не пропущено-ли въ немъ предыханіе *в* и не слѣдуетъ-ли читать *высады*, т. е. высаженную или вытащенную на берегъ рыбу?

понятыхъ свидѣтелей и губныхъ старостъ. Такимъ же образомъ защищались наслѣдники крестьянина и тогда, когда онъ сбѣжалъ съ села: »А которой изорникъ поумретъ у государя на сели, а не будетъ у него ни жены, ни дѣтей, ни брата ни племена; ино государю тако̀жь животъ изорничь, съ приставами и посторонними людьми попродавать, да за свою покруту поимати, а потому племяни изорничи, ни брату не сочитъ живота изорнича.... А будетъ у изорника братъ, или иное племя, и за животъ поимаются, ино государю на нихъ и покруты искать.... А которой изорникъ съ села сбѣжить, за рубежъ, или индѣ гдѣ, а изорничь животъ на сели остапется; государю покрута имать на изорники. Ино государю у князя и у посадника взяти приставъ, да и старостъ губьскихъ позвати, и стороннихъ людей, да тотъ животъ изорничъ, предъ приставы и предъ сторонними людьми, государю попродати, да поимати за свою покруту.« Защищая крестьянина работника отъ произвола господъ, законъ въ то же время требовалъ, чтобы крестьянинъ во всей строгости исполнялъ принятыя на себя обязательства, выраженныя въ грамотѣ такимъ образомъ: а) крестьянинъ долженъ довести до конца свою работу; если онъ взялся напр. построить домъ, то и долженъ достроить его, если взялся пахать землю, то и долженъ вспахать ее, засѣять и собрать хлѣбъ; б) разставаясь съ хозяиномъ, онъ долженъ возвратить ему покруту и все, что у него занялъ. Такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ могъ страдать интересъ хозяина, то, чтобы оградить его отъ потерь и убытковъ, законъ опредѣлилъ: а) хозяинъ можетъ требовать, чтобы пахарь и рыболовъ не смѣли оставлять его иначе, какъ только въ Филиппово заговѣнье, ибо, оставивши его въ рабочее время, когда надо напр. обсѣять поле, или убрать и смолотить хлѣбъ, они причиняли ему большіе убытки: »такожь захочетъ изорникъ отречися съ села, или огороднику, или четникъ, ино тому-жъ отро̀ку, а иному отро̀ку не быти, ни отъ государя, ни отъ изорника, ни отъ огородника«; б) при разсчетѣ съ работникомъ, хозяинъ имѣлъ право требовать возвращенія обратно своей покруты и денегъ: »а государю на огородники, или изорники, или на кочетника, волно и въ закличъ своей покруты и сочить серебро, и всякой верши [1]), по имени, или

[1]) Бѣляевъ (кр. стр. 31) предполагаетъ и, повидимому, основательно, что *вершью* называлось дополненіе главнаго условія земли; но, кажется, вѣрнѣе будетъ произвести это слово отъ *вершить*, *совершать*,

пшеница ярой, или озимой, и по отроку государеву, или самъ отречется«; в) свою покруту онъ могъ требовать обратно и тогда, когда работникъ бѣжалъ съ села, или когда онъ умиралъ. Тогда въ присутствіи и при содѣйствіи судей хозяинъ описывалъ и продавалъ имущество должника и бралъ себѣ изъ вырученной отъ продажи суммы свою долю. Если же случалось, что наслѣдники должника завладѣли его имуществомъ, то законъ обязывалъ ихъ удовлетворить хозяина: »а который изорникъ съ села збежитъ, за рубежъ, или индѣ гдѣ, а изорничь животъ на сели останется; государю покрута имать на изорники. Ино государю у князя и у посадника взять приставъ, да и старостъ губскихъ позвати, и сторонних людей, да тотъ животъ изорничъ, предъ приставы и предъ сторонними людьми, государю попродати, да поимати за свою покруту. А чего не достанетъ, а по томъ времени явится изорникъ, ино государю добровольно (т. е. вольно) искать остатка своей покруты. А государю пени нѣтъ, а изорнику на государи живота не сочитъ.... А которой изорникъ поумреть у государя на сели, а не будетъ у него ни жены, ни дѣтей, ни брата, ни племени: ино государю такожъ животъ изорничъ, съ приставами и сторонними людьми попродавать, да за свою покруту поимати, а потому племяни изорничи, ни брату не сочитъ живота изорнича.... А будетъ у изорника братъ, или иное племя, и за животъ поимаются, ино государю на нихъ и покруты искать.... А у котораго человѣка, у государя, изорникъ умреть, въ записи, въ покрути, а жена у него останется, и дѣти не въ записи, но изъ одной изорничѣ женѣ и дѣтемъ откличи нѣтъ о государеву покруту, а та имъ покрута не платитъ по той записи,« г) наконецъ, при окончательномъ разсчетѣ съ изорникомъ, хозяинъ получалъ половину его (движимаго) имущества: »а которой изорникъ отречется у государя села, или государь его отречетъ, и государю взять у него все половину своего изорника, а изорникъ половину«.

Таково было положеніе Псковскихъ крестьянъ, жившихъ на владѣльческой землѣ, и таково было ихъ отношеніе къ землевладѣльцамъ.

и перевести словами: сдѣлка, договоръ, ибо въ Псковской же грамотѣ говорится: »а кто по волости ходитъ.... а иметъ искати также соблюденія и верши; ино господе обыскать правда«.... Здѣсь соблюденіемъ поясняется слово *верши* и значитъ: соблюденіе договора или совершеннаго акта.

Если сравнить ихъ теперь съ закупами Русской правды, то окажется, что общественное значеніе ихъ выше, чѣмъ таковое же значеніе закупа. Личность послѣдняго находилась въ большей зависимости отъ землевладѣльца, чѣмъ личность Псковскаго крестьянина XIV ст. Землевладѣлецъ XI в. могъ бить своего крестьянина, могъ обратить его въ извѣстныхъ случаяхъ въ раба; землевладѣлецъ XIV в. не имѣлъ на это никакого права. Общественное положеніе обоихъ (т. е. помѣщика и крестьянина) было почти одинаково. Единственную разницу, которая можетъ быть замѣчена между ними, составляло количественное отношеніе ихъ имуществъ; одинъ былъ бѣднѣе, другой—богаче; но какъ тотъ, такъ и другой были совершенно равные другъ другу члены одного и того же общества. Исключая всякое юридическое различіе, общество и правительство признавали ихъ обоихъ одинаково свободными и равноправными и поставили ихъ обоихъ подъ покровительство и защиту одинаковаго для обоихъ закона. Что дозволялось господину, то дозволено было и крестьянину и на оборотъ: что запрещалось крестьянину, на то не имѣлъ права и господинъ. Господинъ могъ вступать въ сдѣлки и заключать (словесные и письменные) контракты и крестьянинъ имѣлъ право дѣлать то же самое; господинъ не былъ стѣсненъ мѣстомъ жительства, крестьянинъ также пользовался свободою перехода; господинъ могъ завѣщать свое имущество, крестьянинъ дѣлалъ то же самое; господинъ могъ завязать процессъ съ своимъ крестьяниномъ и крестьянинъ могъ притянуть къ суду своего господина; господинъ пользовался выгодами поручительства, крестьянинъ также; наконецъ, какъ равный съ равнымъ они выходили на судебный поединокъ (»на поле съ нимъ лѣзетъ«); однимъ словомъ, за крестьяниномъ признавалась такая же правоспособность и полноправность, какъ и за всякимъ другимъ членомъ русскаго общества.

Общественное положеніе владѣльческихъ крестьянъ второй категоріи почти ничѣмъ не отличалось отъ положенія тяглыхъ людей. Единственное отличіе, и притомъ отличіе чисто внѣшнее, однихъ отъ другихъ состояло въ томъ, что первые платили часть подати князю, а часть помѣщику; но какъ тѣ, такъ и другіе находились подъ вѣдомствомъ намѣстниковъ и волостелей, которыхъ содержали на свой счетъ; какъ тѣ, такъ и другіе пользовались полною личною свободою; какъ тѣ, такъ и другіе имѣли свое внутреннее самоуправленіе. При всемъ томъ нельзя однакоже не замѣтить, что намѣстники и волостели съ

одной стороны, а помѣщики съ другой, не упускали случая присвоить себѣ власть бо́льшую той, которую получили отъ князя. Слѣдствіемъ этой узурпаціи были жалобы, за которыми слѣдовали уставныя грамоты, опредѣлявшія, не всегда впрочемъ совершенно ясно, чего именно слѣдовало требовать отъ крестьянъ. У насъ подъ руками находится два образца подобныхъ грамотъ. Одна изъ нихъ дана вел. кн. Василіемъ Луховскимъ крестьянамъ, а другая митроп. Кипріяномъ крестьянамъ Константиновскаго монастыря.

Если возможны были правонарушенія тамъ, гдѣ помѣщики получили только часть княжеской власти, то что можно сказать о положеніи тѣхъ крестьянъ, которые были отданы въ распоряженіе землевладѣльца съ судомъ, или говоря языкомъ того времени, »съ татьбою и татьбою съ душегубствомъ?« Освобожденные отъ вмѣшательства представителей княжеской власти (»а намѣстники и волостели не въѣзжаютъ къ нимъ ни про что«), землевладѣльцы безъ труда могли низвести крестьянъ до положенія крѣпостныхъ людей. Таково было положеніе напр. крестьянъ Константиновскаго монастыря. Отношеніе ихъ къ землевладѣльцу есть отношеніе крѣпостныхъ къ своему помѣщику. Съ точки зрѣнія помѣщичьихъ интересовъ, они были раздѣлены по имуществу (на большихъ, середнихъ и меньшихъ) и сообразно съ своими средствами отправляли повинности на помѣщика. Повинности эти въ упомянутой выше грамотѣ выражены такимъ образомъ: »болшимъ людемъ изъ монастырскихъ селъ церковь наряжати, монастырь и дворъ тынити, хоромы ставить, игумновъ жеребей весь ролья орать възгономъ, и сѣяти и пожати и свезти, сѣно косити десятинами и въ дворъ въвезти, ѣзъ бити и зимней и вешней, сады оплетать, на неводъ ходити, на бобры имъ въ осенинѣ поити, а истоки имъ забивати; и на Великъ день и на Петровъ день приходятъ къ игумену, что у кого въ рукахъ, а пѣшеходцемъ изъ селъ къ празднику рожь молоти и хлѣбы печи, солодъ молоть, пива варить, на сѣмя рожь молотить; а ленъ дасть игуменъ въ села и они прядутъ, сѣжи и дѣли неводные наряжаютъ; а даютъ изъ селъ всѣ люди на праздникъ яловицу; а въ которое село пріѣдетъ игуменъ въ братшину и сыпци даютъ по зобнѣ овса конемъ игуменовымъ« [1]). Администрація и судъ были у нихъ помѣщичьи. Слова:

---

[1]) Ак. Ар. Эк. т. I, № 11. Дѣленіе крестьянъ Константиновскаго монастыря на большихъ, среднихъ и меньшихъ можетъ показаться на

»сироты игумена слушайте« показываютъ, что главою монастырскихъ крестьянъ былъ игуменъ, замѣнявшій собою намѣстника и волостеля тяглыхъ и полутяглыхъ волостей. Подобнымъ же образомъ и въ боярскихъ вотчинахъ княжій намѣстникъ уступалъ свое мѣсто или самому землевладѣльцу или »кому онъ (т. е. бояринъ) прикажетъ«. Правда, что въ распоряженіи крестьянъ находилось довольно сильное противуядіе—переселеніе; но оно допускалось только тогда, когда всѣ счеты были покончены; въ противномъ же случаѣ крестьянинъ былъ возвращаемъ на прежнее мѣсто жительства: »а должника, поручника, закладника выдати по исправе«. Долговыя обязательства, лежавшія на крестьянахъ, становились еще тяжелѣе, когда наступалъ неурожай и связанная съ нимъ дороговизна хлѣба, а между тѣмъ въ этихъ явленіяхъ не было недостатка. Псковскіе и другія лѣтописи указываютъ на нѣсколько случаевъ моровой язвы и голода [1]), отъ которыхъ пустѣли поля и развивалась дороговизна, создавшая такія положенія, въ силу которыхъ приходилось становиться въ болѣе стѣснительныя противу прежняго условія. Бѣдствія эти вели къ развитію ссуды, которая въ свою очередь ставила крестьянина въ бо́льшую зависимость отъ землевладѣльца. Видно, зависимость эта была не слишкомъ легкая, если вызывала побѣги, на которые указываетъ Псковское законодательство; скажемъ больше: срокъ перехода »Филиппово заговѣнье« придуманъ скорѣе въ интересахъ владѣльца, чѣмъ въ интересахъ крестьянина, потому что первый, какъ болѣе независимый, не могъ имѣть столько поводовъ питать неудовольствіе къ своему крестьянину и разсчитывать его, сколько

первыхъ порахъ произвольнымъ, потому что въ грамотѣ упоминаются только большіе (или конные) и пѣшеходы. Но во-1-хъ не можетъ быть, чтобы не существовало никакой разницы между имуществомъ конныхъ и пѣшихъ, не можетъ быть, чтобы и всѣ конные были совершенно равны другъ другу въ этомъ отношеніи; слѣд. между ними были большіе и меньшіе. Послѣдніе въ отношеніи къ пѣшеходамъ, т. е. такимъ бѣднякамъ, у которыхъ и одной лошади не было, составляли разрядъ среднихъ. Допустить такое дѣленіе мы имѣемъ тѣмъ большее право, что во-1-хъ, въ самой грамотѣ упоминаются бо́льшіе люди и, во-2-хъ, что во многихъ грамотахъ XV и XVI стол. именно такое удержано дѣленіе и ниоткуда не видно, чтобы это было какимъ-нибудь нововведеніемъ, которое-бы принадлежало исключительно позднѣйшему времени и не примѣнялось къ XIV ст. Скорѣе это признаніе прежде существовавшаго.

[1]) П. С. Р. Л. т. V, ст. 13, 16, 19, 23—25, 30, 31, 41, 42, 230, 252, 263; т. II, стр. 418 и др.

послѣдній имѣлъ поводовъ бросить господина. Побѣги, видно, случались часто, если ограниченъ свободный переходъ. Явленіе, замѣченное нами во Псковѣ, какъ кажется, было повтореніемъ того, что происходило и въ Новгородѣ, во-1-хъ, потому, что исторія и организація Новгорода въ общихъ чертахъ сходна со Псковскою; во-2-хъ, потому, что и Новгородскія грамоты указываютъ на существованіе общинныхъ и владѣльческихъ крестьянъ и называютъ первыхъ черными людьми, а вторыхъ сиротами, половниками и закладниками; въ-3-хъ, потому, что, по смыслу этихъ грамотъ, половники, т. е. владѣльческіе крестьяне, судились княжескими судьями [1]); наконецъ, въ-4-хъ, потому, что и въ Новгородѣ были поручители, должники и бѣглецы [2]). Указаніе на эти имена свидѣтельствуетъ, очевидно, объ одинаковости положенія крестьянъ въ обоихъ княжествахъ [3]).

---

[1]) С. г. гр. и дог. т. I, № 1, 3, 6, 10, 11, 12, 13.

[2]) Тамъ же, № 4, 5 и 18.

[3]) Въ высшей степени замѣчательно въ исторіи крестьянъ XIV ст. стремленіе составлять общества или союзы. Обществами жили не только крестьяне землевладѣльцы, но и крестьяне ничѣмъ не связанные съ землею, какъ-то: рыболовы, сокольники, бобровники, бортники, мастеровые, плотники и т. д. Они составляли изъ себя союзы или артели и правительство признавало законность существованія такихъ союзовъ. Появленіе рабочихъ артелей объясняется естественнымъ стремленіемъ людей, близкихъ другъ къ другу по ремеслу, сплотиться въ союзъ. Этимъ же стремленіемъ можетъ быть объяснено, почему напр. въ Новгородѣ образовались концы: гончарный, плотницкій и др. Такія артели во главѣ съ старостами, которые назывались иногда ватаманами, отправлялись на заработки, и предлагали свои услуги богатымъ собственникамъ. Князья, къ которымъ они также поступали въ услуженіе, нерѣдко давали имъ разныя привиллегіи; такъ напр. желая поставить ихъ по отношенію къ окружающей средѣ въ независимое положеніе, они посредствомъ жалованныхъ грамотъ предоставляли имъ самоуправленіе. Въ одной грамотѣ XIV ст. сокольники названы прямо людьми, полезными князю и потому »не надобѣ имъ никоторая дань, ни къ старостѣ имъ не тянути«.

Не смотря на все желаніе представить полный очеркъ юридическаго быта Псковскихъ крестьянъ землевладѣльцевъ, жившихъ на своей собственной или же общинной землѣ, мы поставлены внѣ возможности сдѣлать это и принуждены ограничиться догадками. Если бытъ крестьянъ владѣльческихъ былъ построенъ на началахъ признанія свободы личности и самоуправленія, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти начала по отношенію къ крестьянамъ-собственникамъ должны были получить болѣе широкое примѣненіе, ибо въ противномъ случаѣ вышла-

Крестьяне XV столѣтія.

Въ теченіе трехъ предшествовавшихъ столѣтій крестьянское населеніе Россіи пережило двѣ эпохи: эпоху княжескихъ междоусобій и эпоху татарскаго владычества. Оцѣнивая значеніе этихъ фактовъ и отводя каждому изъ нихъ подобающее мѣсто въ исторіи Россіи, мы пришли къ нѣсколькимъ выводамъ, изъ которыхъ по отношенію къ крестьянамъ особенную важность имѣютъ:

1) Передвиженіе людей съ одного мѣста на другое, окончившееся испомѣщеніемъ крестьянъ на владѣльческихъ и общинныхъ земляхъ, о которыхъ зародилось и постепенно развилось понятіе, что

2) онѣ принадлежатъ не народу, а власти, высшимъ представителемъ которой былъ ханъ, а за нимъ князь и наконецъ бояринъ, духовенство и община (идеальная личность);

3) повсюдное образованіе въ поземельныхъ отношеніяхъ феодальнаго порядка, проистекавшаго изъ помѣщичьихъ воззрѣній на русскую землю.

Въ XV и XVI ст. созрѣваетъ и усиливается новая сила,—сила государственной централизаціи, занявшая мѣсто удѣльной разчлененности и разъединенности. Здѣсь не мѣсто разсуждать о томъ, какъ она развилась и какъ овладѣла общественными силами Россіи, ибо это не входитъ въ сферу настоящихъ изысканій. Довольно ограничиться замѣчаніемъ, что, благодаря ей, въ XV ст. совершилось два факта, оба

бы логическая непослѣдовательность, идущая въ разрѣзъ съ требованіями здраваго смысла. Если даже холопъ пользовался нѣкоторою долею правъ, дозволявшихъ ему жаловаться на своего господина и находить правду (»а старостѣ ни холопа, ни рабы безъ господаря твоимъ судьямъ не судити«), то тѣмъ бо́льшая свобода должна была быть предоставлена крестьянамъ-землевладѣльцамъ. Если за тѣмъ крестьяне-собственники встрѣчаются въ княжествахъ, близкихъ по сосѣдству съ татарами, то почему же не быть имъ въ Псковской области, болѣе гарантированной отъ татарскаго вліянія, какъ разстояніемъ отъ Сарая, такъ и близостью моря, содѣйствующаго развитію торговли, богатствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитію личности. Наконецъ, участіе ихъ въ политическихъ дѣлахъ вѣча не мыслимо безъ самостоятельности участвующихъ.

громадной важности: сверженіе татарскаго владычества и великое дѣло собиранія русской земли. Дѣйствуя во имя государственной централизаціи, Московскіе князья съ одной стороны и Литовскіе съ другой съ равною настойчивостью стремились къ достиженію одной цѣли: къ уничтоженію самостоятельности удѣловъ и созданію изъ нихъ цѣльнаго государства. Столкновеніе на пути общаго стремленія привело къ образованію двухъ могущественныхъ политическихъ центровъ: московскаго и литовскаго.

Какъ же отразились эти важныя событія на крестьянскомъ населеніи? Съ перваго взгляда можетъ показаться, что они не произвели никакихъ перемѣнъ въ его бытѣ. Развѣ для крестьянина Рязанской волости не все равно, кому платить дань, князю-ли, который живетъ въ Рязани, или князю, живущему въ Москвѣ? Не все-ли равно также подчиняться намѣстникамъ, назначеннымъ изъ Москвы, или изъ Рязани? Крестьянинъ отъ этого ни терялъ, ни выигрывалъ ничего, разумѣется только тогда, когда новый князь не заводилъ новыхъ порядковъ.

Между тѣмъ новые порядки должны были водвориться, потому что Московскій, равно какъ и Литовскіе князья ставили на мѣсто старыхъ владѣльческихъ воззрѣній, господствовавшихъ въ XIV ст., новыя, государственныя. Какъ птица, разсѣкающая своимъ полетомъ воздухъ, производитъ въ немъ сотрясеніе и передвиженіе частицъ его, такъ и правительственный центръ, передвинувшись на другое мѣсто, производитъ сначала колебаніе, а потомъ и самую перестановку общественныхъ атомовъ. Чтобы представить себѣ въ надлежащей ясности ту метаморфозу, которая произведена государственнымъ началомъ въ жизни крестьянскаго населенія, надобно прослѣдить исторію воплощенія удѣловъ въ государство. Мы знаемъ уже, что въ каждомъ удѣльномъ княжествѣ крестьянское сословіе распадалось на два разряда: крестьянъ-собственниковъ и крестьянъ владѣльческихъ. Въ моментъ присоединенія, судьба крестьянъ даннаго удѣла не измѣнялась; но такъ какъ кромѣ крестьянъ въ каждомъ удѣлѣ были еще помѣщики, интересы которыхъ сталкивились съ интересами крестьянъ, то слѣдовало ожидать скораго измѣненія участи ихъ. На первыхъ порахъ бояре присоединенныхъ княжествъ, а вслѣдъ за ними и духовенство, довольствовались однимъ: чтобы новый государь подтвердилъ тѣ ихъ права и привиллегіи, которыми они пользовались при прежнихъ князьяхъ. Московскіе, равно какъ и Литовскіе великіе князья охотно исполняли ихъ просьбу, потому что нуж-

лись въ ихъ службѣ, но въ замѣнъ этого требовали отъ нихъ усердія и постояннаго служенія. Бояре должны были согласиться на то и другое, потому что просторъ для ухода съузился: вмѣсто безчисленнаго множества княжествъ стало всего только два. При прежнемъ обиліи княжествъ, недовольный легко могъ покинуть своего князя и перейти къ другому; теперь же осталось одно: усердно служить. Видя усердіе, князь сыпалъ на такого слугу свои милости, которыя состояли или въ томъ, что князь надѣлялъ его пустошами и помѣстьями, населенными тяглыми людьми [1]), или въ превращеніи помѣстій въ вотчины, т. е. въ наслѣдственное имущество. Такъ какъ православное духовенство оказывало весьма сильное содѣйствіе Московскимъ и Литовскимъ князьямъ въ борьбѣ ихъ съ удѣлами, то, въ благодарность за услугу, оно получило очень много тяглыхъ волостей. Если ко всему сказанному прибавимъ благочестивое настроеніе, овладѣвавшее душею князей, приближавшихся къ смерти, и желавшихъ искупить свои грѣхи дареніемъ монастырю селъ и людей, то станетъ понятно, почему въ XV ст. такъ много крестьянъ и ихъ земель очутилось въ распоряженіи бояръ и духовенства [2]). Особеннымъ богатствомъ въ этомъ отношеніи отличались двѣ лавры: Троицко-Сергіевская [3]) и Кіево-печерская.

Благодаря обширнымъ помѣстьямъ и вотчинамъ, бояре стали усиливаться на счетъ самодержавной власти съ одной стороны и на счетъ крестьянъ съ другой. Стремленіе захватить въ свои руки верховную власть поставило бояръ въ оппозицію съ самодержцами. Намъ извѣстно, что въ восточной половинѣ Россіи центральная власть одержала побѣду надъ боярами; она привела ихъ къ безусловной покорности. Въ Литовско-русскихъ земляхъ произошло явленіе обратное. Вмѣстѣ съ соединеніемъ Литвы съ Польшею въ первую стало проникать польское магнатство и польское право. Опираясь на немъ и стараясь сдѣлаться совершенно похожими на поляковъ, бояре Литовско-русскіе, а по ихъ примѣру Московскіе, заботились о пріобрѣтеніи возможно-большаго зна-

---

[1]) А. И. т. I, № 13, 25, 28, 39, 80, 81; Д. къ А. И. т. I, № 10, 14, 15, 17, 193 и др. А. А. Эк. т. I, № 20, 168.

[2]) А. З. и Ю. Р. т. I, № 7 до 20-го, 24. 25, 28—31, 33, 225, 231, 234, 235; т. II, № 68, 70—75, 77, 78; Д. къ А. И. т. I, № 10, 14, 15 18, 20, 21; Ак. Юр. 1857 г. № 63; Ар. Сб. № I, и др.

[3]) Сколько имѣній принадлежало этой Лаврѣ въ XV ст. см. А. И. т. I, № 163.

ченія, и что не удалось ихъ московскимъ братьямъ, въ томъ они совершенно успѣли: верховная власть перешла въ ихъ руки. Въ эпоху этой борьбы незамѣтно рѣшалась участь крестьянъ: число свободныхъ землевладѣльцевъ уменьшалось, а по мѣрѣ уменьшенія ихъ, возрастало число владѣльческихъ крестьянъ и въ такой же мѣрѣ убавлялась сумма правъ ихъ. Мы осмѣливаемся утверждать это, не взирая на массу актовъ, свидѣтельствующихъ о господствѣ въ быту крестьянскаго населенія XV в. того же порядка, который мы находили и раньше. Эти акты показываютъ, что въ XV в. волости также подраздѣлялись на тяглыя и нетяглыя, а крестьяне — на тяглыхъ и нетяглыхъ; общественное положеніе, въ особенности первыхъ, оставалось также прежнее, однимъ словомъ, не произошло никакой перемѣны. И въ самомъ дѣлѣ, взявъ въ основаніе эти акты, мы имѣемъ право сказать, что тяглые крестьяне, гдѣбы они ни жили, въ городѣ или селѣ, составляли низшій классъ народонаселенія, пользующійся такою же личною свободою, какъ и высшіе классы, и составлявшій изъ себя городскія и сельскія общества, соединенныя въ волости. Волостныя власти, поставляемыя крестьянами, входили въ непосредственныя сношенія съ княземъ. Такъ въ грамотѣ вел. кн. Ивана Васильевича (1462 г.) мы читаемъ: »на Бѣлоозеро сотнику городскому и всѣмъ христіанамъ и на городокъ Ѳедосьинъ и на Вѣгнему и на Волочокъ на Словенскій, и на Ирьдму. . . и въ Кистьнему старостамъ. Били ми челомъ вдѣся Причистыя Кириллова монастыря старци . . ., а сказываютъ, что у нихъ отказываете ихъ людей монастырскихъ серебренниковъ, съ дворца и съ деревень. . .«[1]). Тяглые волости состояли изъ крестьянъ, жившихъ на волостной землѣ на двоякомъ основаніи: 1) или крестьянинъ сидѣлъ на своей собственной землѣ, имъ самимъ расчищенной или купленной у другаго землевладѣльца; 2) или онъ жилъ на общинной землѣ, образованіе которыхъ показано выше. Если земля была его купля, то онъ владѣлъ ею на правѣ полнаго, независимаго собственника, имѣющаго право распорядиться ею, какъ ему угодно. Въ подтвержденіе этого можно привести духовную крестьянина Бородкина, помѣщенную въ актахъ, относящихся до юридическаго быта Россіи: »се азъ Прокофей Марковъ, сынъ Бородкинъ, Луской Пермецы Лоемской волости крестьянинъ, пишу по себѣ сію изустную память... А что есть у меня Прокофея деревни и дворы, и дворовыя хоромы, и

[1]) А. Ар. Эк. т. I, № 73. Подобная же въ А. И. т. I, № 195.

внѣ двора, и сѣнные покосы, ложни и рыбныя ловли, и всякіе деревенскія угодьи, чѣмъ прежь отецъ мой Марко и послѣ его азъ Прокопей владѣлъ по купчимъ и по закладнымъ и по всякимъ письмяннымъ крѣпостямъ, и что есть у меня хлѣба всякаго сухаго въ анбарахъ, и скота и коней и коровъ и всякаго житейскаго заводу, и тѣми вышеписанными деревнями и дворовыми хоромами, сѣнными покосы, и рыбными ловлями, и всякими деревенскими угодьи, по купчимъ и по закладнымъ и по всякимъ письменнымъ крѣпостямъ, и скотомъ и животомъ, и всякимъ житейскимъ заводамъ... и по кабаламъ на комъ взять и тѣмъ вышеписаннымъ всѣмъ азъ Прокопей при смертномъ своемъ часу благословилъ и надѣлилъ сына своего Ѳеодора Прокопьева съ женою своею Мариною» [1]). Если же крестьянинъ селился на землѣ общинной, то вмѣсто его хозяиномъ становилось само общество крестьянское, а крестьянинъ только пользовался ею. Въ одной судной грамотѣ, относящейся къ 1462 г. (или 1464-му) право это община выражаетъ слѣдующими словами: «та господине земля наша Воиславская а мы господине ту землю орали и косили; а за Савкою господине земля наша была за нашимъ крестьяниномъ въ выти [2]); а Харя господине у насъ жилъ въ селѣ Воиславскомъ девять лѣтъ, а ту господине землю дѣладъ, а какъ господине у насъ Харя вышелъ изъ села, уже тому 20 лѣтъ; а мы господине отъ тѣхъ мѣстъ ту землю оремъ и сѣемъ и въ насъ отдаемъ, а изъ старины та земля звенигородская» [3]). Какъ истинный землевладѣлецъ, крестьянское общество имѣло право пріобрѣтать земли посредствомъ обмѣна, выкупа и покупки, какъ это значится въ грамотѣ Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича (1448—1468): «ято заложилъ во Кириловъ монастырь ложню Бренко, да другую ложню Семенъ Поповъ за Марьевою рѣчькою, а Бренко заложилъ островъ ложню ниже Городска, и азъ пожаловалъ старосту Городецкаго и всѣхъ крестьянъ, велѣлъ есми имъ тѣ ложни выкупити, что будетъ въ кабалахъ написано въ Бренковой и Семеновой и они имъ

---

[1]) Стр. 66.

[2]) Изъ словаря Даля можно узнать, что выть была различной величины. Такъ напр. въ Новгородской губ. она равнялась 19 дес. и 2010 саж., или участку земли на 8 душъ. Въ Рязанской губ. выть = участку земли на 30—50 душъ. Тамъ же можно найти и другія значенія этого слова.

[3]) Ак. Юр. 1857 г. № 103.

(т. е. монастырю) тѣ деньги дадутъ, а пашню возьмутъ къ волости; да владѣютъ тѣми пашнями крестьяне« [1]).

Какъ полный хозяинъ, крестьянская волость могла сама заселять свои земли пришлыми людьми, раздавать имъ участки и т. д., чему очевиднымъ доказательствомъ служитъ грамота вел. князя Ивана III, на которую мы уже разъ ссылались. Въ ней вел. князь пишетъ: »сказываютъ старцы Кириллова монастыря, что дей у нихъ отказываете ихъ людей, монастырскихъ серебренниковъ съ дворца и съ деревень И который крестьянинъ скажется въ ихъ серебрѣ виноватъ, и вы бы ихъ серебро заплатили монастырское, да ихъ крестьянина вывезите вонъ, а кто си скажетъ монастырю серебромъ не виноватъ, и вы бъ ихъ потомъ монастырю въ ихъ серебрѣ давали поруку, по ихъ воли, кого они знаютъ, а тѣхъ бы есте ставили передо мною великимъ княземъ на срокъ, на великое заговенье мясное« [2]).

Владѣя и распоряжаясь землею на правѣ полнаго собственника, крестьянская община могла отдавать ее и своему поселенцу на извѣстный срокъ или въ безсрочное пользованіе Такъ напр. въ правой грамотѣ Кириллову монастырю сказано: »мнѣ господине лѣсъ тотъ дала волость староста съ крестьяны, и я избу поставилъ« [3]); или въ одномъ судномъ спискѣ крестьяне говорятъ: »А далъ намъ господине селище Драчково Аргуновскія волости староста Митька Бердяй и всѣ крестьяне« [4])

Тяглыя волости, подобно каждому отдѣльному крестьянину, имѣли также право всчинать отъ своего лица искъ о землѣ, чему доказательствомъ служатъ многія правыя грамоты того времени. Въ одной изъ нихъ такъ сказано: »тягался Андрейко, староста Залѣсской и всѣ крестьяне, такъ рекъ Андрейко: тѣ господине наволоки тянутъ къ нашей землѣ къ Овсянниковской, къ тяглой, къ черной изъ старины« [5]).

Будучи признаваемы свободными членами русскаго общества, тяглые крестьяне пользовались правомъ чрезъ посредство людей, выбранныхъ изъ ихъ же среды, устраивать свои общественныя дѣла. Вслѣдствіе этого, у нихъ было свое собственное устройство, они имѣли своихъ выборныхъ—

---

[1]) Тамъ же № 35.
[2]) Ак. А. Эк. т. I, № 73.
[3]) Ак. Юр. 1838 г. № 6.
[4]) Бѣляевъ (крест. на Руси) стр. 46.
[5]) Ак. Юр. 1838 г. № 4.

старосту, сотскаго, десятскаго, дворскаго и старцевъ [1]). Значеніе ихъ было очень важное и вліяніе на дѣла очень сильное. Во-первыхъ, они присутствовали на судѣ намѣстниковъ и волостелей по всѣмъ дѣламъ, касающимся крестьянъ: «а намѣстникомъ нашимъ и ихъ тіуномъ безъ сотскихъ и безъ добрыхъ людей не судити судъ» [2]). Во-вторыхъ, они наблюдали за общественною безопасностью волости и производили раскладку податей, или такъ-называемые розрубы и розметы, наконецъ, они принимали мѣры къ развитію благосостоянія своей волости. Въ числѣ этихъ мѣръ очень видное мѣсто занимаетъ перезывъ и селитьба крестьянъ.

Такое значеніе сохраняли за собою не только крестьяне восточной Россіи, но и ихъ западные братья. Относительно западно-русскихъ крестьянъ мы имѣемъ важныя свидѣтельства современныхъ документовъ, которые показываютъ, что они а) составляли изъ себя общины, какъ напр. община Торопецкая [3]), б) что ихъ выборные приставлялись къ охраненію княжеской казны [4]), в) что когда нужно было привести въ извѣстность княжескіе доходы или указать границы и предѣлы чьего-бы то ни было имѣнья, королевскаго-ли, или боярскаго, то правительство обращалось къ выразителямъ компетентности крестьянскаго общества, т. е. къ старцамъ [5]), что, наконецъ, г) крестьянскія общества имѣли прямой доступъ къ королю и обращались къ нему съ жалобами на своихъ начальниковъ [6]). Тутъ повтореніе того же самаго, что совершалось въ восточной Россіи [7]).

Сохраняя за собою полное право свободнаго устройства своихъ дѣлъ, тяглые крестьяне не были изъяты однакожъ изъ подъ зависимости органовъ великокняжеской власти. Напротивъ, зависимость эта съ теченіемъ времени становилась все тѣснѣе и крѣпче. Если прежде многое ускользало отъ вниманія князей, потому что тогда они были заняты другими дѣлами, то теперь, дѣлаясь день ото дня независимѣе отъ посторонннихъ обстоятельствъ, они стали обращать на крестьянъ

---

1) Ак. Ис. т. I, № 74. Доп. къ Ак. Ис. т. I, № 17, 208 и проч.
2) Ак. Ар. Эк. т. I, № 123.
3) Ак. З. Р. т. I, № 146.
4) Тамъ же № 60.
5) Тамъ же № 55, 71, 87.
6) Тамъ же № 127.
7) Ак. Юрид. 1857 г. № 30 грамота II, № 53.

бо́льшее вниманіе. Подтвердивъ старую обязанность отправлять разныя повинности на князя (состоявшія по прежнему изъ рѣзани, шестидесяти, дани, ямa, подводы, мыта, тамги, писчей бѣлки, кормленія княжихъ коней, гостиннаго, зъзорнаго и т. п.) [1]), они вмѣнили крестьянамъ въ непремѣнную обязанность принимать и содержать на свой счетъ намѣстниковъ и волостелей и подчиняться тѣмъ ихъ постановленіямъ, которыя изданы были ими на законныхъ основаніяхъ. Назначеніе этихъ лицъ зависѣло отъ князя. Отъ князя же зависѣло опредѣленіе ихъ взаимныхъ отношеній съ крестьянами. Видно, что не всѣ намѣстники и волостели имѣли одинаковый объемъ власти. Одни изъ нихъ получали отъ великаго князя право верховнаго суда по вопросамъ о татьбѣ и душегубствѣ, т. е. во всѣхъ дѣлахъ, относящихся къ области гражданскаго и уголовнаго права, иногда имъ предоставлялись только татебныя дѣла, а душегубство князь оставлялъ при себѣ [2]); въ послѣднемъ случаѣ онъ обязывалъ намѣстниковъ ставить душегубца прямо предъ его лицомъ [3]). Что же касается содержанія этихъ чиновниковъ и размѣра ихъ власти, то это подвергалось случайности, проистекавшей отъ личной воли великаго князя. Впрочемъ личная воля великаго князя руководилась гарантіями крестьянъ; доказательствомъ чему служатъ уставныя грамоты. До утвержденія государственнаго порядка, уставныя грамоты появлялись рѣдко потому, что онѣ имѣли тогда характеръ привиллегій и давались цѣлымъ областямъ тотчасъ послѣ ихъ завоеванія; со второй половины XV вѣка они входятъ во всеобщее употребленіе и даются каждой крестьянской волости при назначеніи намѣстника уже не какъ привиллегія, а какъ общее право, укрѣпленное и утвержденное наконецъ изданіемъ въ 1497 году Судебника [4]).

Составленіе Судебника показываетъ, во-первыхъ, что государственная власть вел. князей Московскихъ достаточно окрѣпла, и во-вторыхъ, что въ обществѣ возникло сознаніе дать обычному праву, примѣняв-

---

[1]) Ак. Ис. т. I, № 15. Татарскій проѣздъ также упоминается въ числѣ повинностей (Ак. И. т. I, № 25 28; портное см. тамъ же № 74; постройка намѣстничья и волостелева двора тамъ же № 74 и Д. къ А. И. т. I, № 17.

[2]) Ак. Ист. т. I, № 29.

[3]) Доп. къ Ак. Ис. т. I, стр. 189.

[4]) Въ уставныхъ грамотахъ съ половины XV ст. весьма подробно обозначаются на ряду съ обязанностями разныхъ органовъ власти и обязан-

шемуся дотолѣ къ извѣстнымъ явленіямъ общественной жизни частнымъ образомъ и подверженному вслѣдствіе этого различнымъ случайностямъ, силу обязательнаго для всѣхъ закона. Составителю его необходимо было съ одной стороны скрѣпить закономъ то, что существо-

---

ности крестьянъ. Образцомъ грамоть этого рода можетъ служить уставная Бѣлозерская грамота 1488 года, помѣщенная въ Ак. Ар. Эк. т. I, № 123. Въ ней говорится прежде всего о томъ, сколько корму должны давать крестьяне намѣстнику и его помощникамъ при объѣздѣ ими волости, далѣе о томъ, сколько помощниковъ долженъ держать при себѣ намѣстникъ, потомъ о несмѣняемости послѣднихъ ранѣше истеченія года, о томъ, кто и когда собираетъ кормъ, наконецъ о торговыхъ пошлинахъ, о татьбѣ, душегубствѣ, судебнымъ искамъ и о судѣ. Для наглядности выпишемъ изъ нея нѣкоторыя мѣста, опуская тѣ пункты, которые напоминаютъ собою приведенную выше грамоту Василія Дмитріевича. «Се азъ князь велики Иванъ Васильевичъ всея Руси пожаловалъ есми своихъ людей Бѣлозерцовъ, горожанъ и становыхъ людей и волостныхъ всѣхъ Бѣлозерцовъ: кто нашихъ намѣстниковъ у нихъ ни будетъ, и они ходятъ по сей по нашей грамотѣ. Взоѣжжого корму горожане и становые люди намѣстникомъ нашимъ на взоѣздъ что кто принесетъ, то имъ взяти; на Рожество Христово намѣстникомъ нашимъ дадутъ кормъ со всѣхъ сохъ, со княжихъ, и съ боярскихъ и съ монастырскихъ, и съ черныхъ и съ грамотниковъ, и со всѣхъ безъ омѣнки, съ сохи за полоть мяса два алтына, за десятеро хлѣбовъ десять денегъ, за бочку овса десять денегъ, за возъ сѣна два алтына; а на Петровъ день дадутъ кормъ намѣстникомъ нашимъ, со всѣхъ же сохъ, съ сохи за боранъ восмь денегъ, за десятеро хлѣбовъ десять денегъ. А тіунамъ кормъ Рожественской и Петровьской вполы намѣстнича корму. А доводчикомъ поборъ, со всѣхъ же сохъ съ сохи на Рожество Христово за ковригу денга, за часть мяса денга, за зобню овса двѣ денги; а на Петровъ день доводчикомъ поборъ, со всѣхъ же сохъ, за ковригу денга, за сыръ денга. А намѣстникомъ нашимъ въ городѣ держати и во станѣхъ два тіуна да десять доводчиковъ, во станѣхъ восмь доводчиковъ, а два въ городѣ; а станы и деревни своимъ доводчикамъ подѣлять. А доводчику ѣздити во стану безъ паробка и безъ простые лошади, своего дѣла прибытка; а побора имъ въ стану и не брати, имать имъ свой поборъ у соцкого въ городѣ; а доводчику изъ своего роздѣлу въ другой роздѣлъ не ѣздити; а гдѣ доводчикъ ночуетъ, тутъ ему не обѣдати, а гдѣ обѣдаетъ, тутъ ему не ночевати. А намѣстники тіуновъ и доводчиковъ до году не перемѣняютъ. А кормы намѣстничьи и тіуновы и доводчиковы поборы беруть въ станѣхъ соцкіе и платятъ намѣстникомъ и тіуномъ и доводчикомъ въ городѣ: о Рождествѣ Христовѣ Рожественской кормъ платятъ и намѣстникомъ и тіуномъ и доводчиковы поборы, а о Петровѣ дни Петровьской кормъ платятъ въ городѣ и намѣстникомъ и тіуномъ и доводчиковы поборы...»

вало въ жизни русскаго народа и годилось для дальнѣйшаго его существованія, съ другой стороны видоизмѣнить и уничтожить то, что не гармонировало съ началами государственнаго порядка. Судебникъ коснулся въ одинаковой мѣрѣ какъ сословій, тогда существовавшихъ, такъ и органовъ великокняжеской власти; ибо онъ составленъ съ двоякою цѣлью: 1) дать Россіи общій законъ, который оградилъ-бы народъ отъ произвола органовъ правительства, защитилъ-бы слабаго отъ притѣсненій сильнаго, и 2) опредѣлить взаимныя отношенія членовъ русскаго общества. Есть-ли въ Судебникѣ указаніе на тяглыхъ крестьянъ и если есть, то каково ихъ положеніе? Мы знаемъ, что задолго до изданія Судебника правительство признавало тяглыхъ крестьянъ отдѣльнымъ, самостоятельнымъ классомъ населенія. Судебникъ констатируетъ этотъ взглядъ и, принимая его въ смыслѣ факта крестьянской свободы, освящаетъ его силою верховной власти и возводитъ изъ сферы обычаевъ на степень закона. Разсматривая положеніе этихъ крестьянъ до изданія Судебника, мы имѣли случай увидѣть, что они составляли изъ себя общества, организованныя на началахъ круговой поруки членовъ общества. Ту же самую поруку узаконяетъ и Судебникъ: »татинымъ рѣчамъ не вѣрити (если не будетъ достаточныхъ доказательствъ его вины); дати его на поруку до обыску.« Мы видѣли также, что крестьяне имѣли волостныхъ и сельскихъ властей, которыя, будучи выбраны самими же крестьянами, присутствовали отъ ихъ лица на судѣ намѣстниковъ и волостелей въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей. Въ Судебникѣ находимъ то же самое: »А бояромъ или дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленія съ судомъ боярскимъ, и имъ судити, а на судѣ у нихъ быти дворьскому и старостѣ и лучшимъ людемъ, а безъ дворскаго и безъ старосты и безъ лутчихъ людей суда намѣстникомъ и волостелемъ не судити.« Судебникъ допускаетъ также имущество у крестьянина, употребляя для обозначенія его слово *остатокъ*; онъ освящаетъ право его свидѣтельствовать на судѣ (»а на кого взмодвятъ на судѣ черныхъ человѣкъ пять-шесть добрыхъ христіанъ цѣловальниковъ....«), свободно избирать себѣ мѣсто жительства (»а христіаномъ отказыватися изъ волости, изъ села въ село..«), вѣдать наравнѣ съ другими поземельные споры (»а христіане промежу себя въ одной волости или въ селѣ, кто у кого межу переоретъ, или перекоситъ, ино дасть *по разсужденію*«), имѣть свою частную, поземельную собственность (»а взыщетъ чорной на чорномъ земли...«); однимъ словомъ, законодатель

оставилъ положеніе тяглыхъ людей нетронутымъ. Всѣ видоизмѣненія и дополненія касаются владѣльческихъ крестьянъ, къ которымъ мы въ настоящее время и обращаемся.

Владѣльческіе крестьяне. Въ XV в. этотъ разрядъ крестьянъ не только не пересталъ существовать, но еще даже сталъ увеличиваться, и съ особенною поспѣшностью въ западно-русскихъ областяхъ. Причина увеличенія его заключалась въ томъ же самомъ источникѣ, что и прежде. Тяжесть государственныхъ повинностей, не облегченная никакимъ постановленіемъ, продолжала обременять экономическія силы тяглыхъ людей. Весьма естественное стремленіе сбросить съ себя тяжелое бремя заставляло крестьянъ XV в. идти по слѣдамъ своихъ предковъ и подобно имъ изыскивать пути къ переходу въ лучшее состояніе. Это лучшее состояніе мерещилось имъ въ туманѣ, напускаемомъ землевладѣльцами. Бояре и монастыри, а за ними и нѣкоторыя волости съ цѣлью увеличенія доходности своихъ имѣній, которыя состояли не изъ однихъ воздѣланныхъ земель, но и изъ пустырей, приглашали къ себѣ на жительство тяглыхъ людей съ обѣщаніемъ предоставить имъ льготы относительно государственныхъ обязанностей. Часто льготы эти простирались на далекіе годы (на два, три, пять, десять и даже двадцать лѣтъ [1]). Надежда поправить свои дѣла была весьма соблазнительна при такихъ обстоятельствахъ и потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что крестьяне охотно поддавались обѣщаніямъ землевладѣльцевъ и становить жильцами ихъ имѣній. Кромѣ того, князья сами, какъ мы уже знаемъ, содѣйствовали умноженію числа владѣльческихъ крестьянъ тѣмъ, что отдавали землевладѣльцамъ въ помѣстье тяглыя земли. Такимъ образомъ сила исторической необходимости вела крестьянъ къ постепенному переходу ихъ изъ состоянія вполнѣ свободнаго въ подзависимое, а въ тоже время обратный выходъ затруднялся все больше и больше, ибо землевладѣльцы испрашивали себѣ у великихъ князей грамоты, ограничивавшія право ухода крестьянъ съ ихъ земли на чужую. Каковы были роды этихъ ограниченій и были-ли они повсемѣстно, навѣрное сказать не можемъ, но нѣтъ сомнѣнія, что опредѣленіе срока перехода Юрьевымъ днемъ (весеннимъ и осеннимъ), появившееся въ

[1]) А. И. т. I, № 13, 25, 28, 36, 81 и др.; Д. къ Ак. Ис. т. I, № 208 193; А. Ар. Эк. т. I, № 19, 44, 51, 56, 88, 39, 17, 8, 21, 74 и пр. Сб. Мух. 1866 г. № 119 и др.

восточной Руси, справедливо причисляется къ самымъ важнымъ ограниченіямъ. Къ этому сроку должны были сводиться всѣ разсчеты между помѣщикомъ и его крестьянами; если же по чему-либо они въ этотъ срокъ не были приведены къ нулю, то выходъ становился невозможнымъ, развѣ кто-нибудь принималъ на себя уплату долга крестьянина.

Отношенія этого разряда крестьянъ къ помѣщикамъ опредѣлялись такъ же, какъ и въ XIV вѣкѣ, т. е. во-первыхъ условіями, которыя крестьянинъ заключалъ съ своимъ хозяиномъ, и во-вторыхъ характеромъ жалованныхъ грамотъ.

Смотря по тому, каковы были условія, видоизмѣнялись и самыя отношенія крестьянъ къ землевладѣльцу.

а) Если крестьянинъ садился на его пустыряхъ и распахивалъ ихъ собственными орудіями и на собственный капиталъ безъ всякой съ его стороны подмоги, то онъ пріобрѣталъ значеніе настоящаго арендатора и полнаго хозяина, обязаннаго своему хозяину только однимъ: уплатою условленной аренды. Юрьевъ срокъ его не касался.

б) Если же крестьянинъ, поселившійся на землѣ помѣщика, получалъ отъ него въ пользованіе кромѣ земли еще земледѣльческія орудія и ссуду, то зависимость его отъ хозяина становилась гораздо значительнѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ, потому что онъ принималъ тогда на себя болѣе тяжелыя условія, а мы уже знаемъ, что только строгое и точное исполненіе условій могло развязать ему руки и возвратить свободу. Къ такимъ-то и относилось постановленіе о Юрьевѣ днѣ.

в) Что же касается тѣхъ крестьянъ, которыхъ великій князь жаловалъ на помѣстномъ правѣ, то положеніе ихъ находилось въ прямомъ отношеніи къ жалованнымъ грамотамъ. Какъ въ XIV ст., такъ и теперь право на тяглыя земли князья жаловали помѣщикамъ полное и неполное. Полное княжеское право выражалось обыкновенно тѣмъ, что крестьяне освобождались отъ всѣхъ повинностей въ пользу князя и его чиновниковъ (»а волостели, намѣстники и ихъ тіуны, праветчики и доводчики не въѣзжаютъ къ нимъ ни прочто.... и не надобѣ имъ ни ямъ, ни подвода, ни мытъ, ни тамга.....«) [1]), и крестьянскимъ властямъ предписывалось не производить между ними раскладки податей (»а къ десятскому и сотскому не тянутъ ни въ какіе проторы и разметы«) [2]).

---

[1]) Д. къ Ак. Ис. т. I, № 17, 200, Ак. Ис. т. I, № 74.
[2]) Ак. Ис. т. I, № 58, 28 и др.

Всѣ эти повинности вел. князь отдавалъ въ даръ землевладѣльцу, вступавшему по силѣ жалованной грамоты во всѣ княжескія права. На этомъ основаніи его личность замѣняла собою намѣстника и волостеля. Онъ дѣлался верховнымъ судьею и миротворцемъ (»а вѣдаетъ и судить игуменъ съ братьею свои люди, самъ во всемъ, и въ разбоѣ, и въ татбѣ съ поличнымъ, и въ душегубствѣ, или ихъ приказчикъ«) [1]). Впрочемъ, въ случаѣ вопіющей несправедливости крестьянинъ имѣлъ право жаловаться на монастырскихъ судей самому князю [2]). Если князь передавалъ кому-нибудь неполное право, то въ чемъ оно состояло, обыкновенно пояснялось въ самой грамотѣ. Изъ этихъ грамотъ намъ извѣстны большею частью только такія, которыя предоставляли землевладѣльцу право только на доходъ съ крестьянъ, а судопроизводство оставлялось при князѣ, который вручалъ его своему намѣстнику [3]). Но и тутъ бывали разные случаи: иногда князь поручалъ намѣстнику душегубство съ разбоемъ и татьбу съ поличнымъ, иногда только татьбу и душегубство безъ разбоя, а иногда только одну татьбу [4]).

Передача землевладѣльцамъ полнаго княжескаго права содѣйствовала образованію крѣпостничества. Есть свидѣтельства [5]) на то, что помѣщики, которымъ не давалось никакого права надъ крестьянами, старались однакожъ поступать съ ними, какъ полновластные помѣщики и стѣсняли ихъ всякими средствами, желая вынудить у нихъ добровольное холопство и, какъ видно изъ актовъ, достигали своей цѣли [6]). Между разными средствами они употребляли между прочимъ слѣдующія: а) когда въ узаконенный срокъ крестьянинъ собирался уйти жить на другое мѣсто, то помѣщикъ требовалъ отъ него непомѣрной суммы денегъ въ вознагражденіе за пожилое (больше рубля), а если онъ не уплачивалъ, то б) онъ обращалъ его въ рабство. Правда, что законодательство

---

[1]) Тамъ же № 25, 58; Д. къ А. И. т. I, № 17, 207, А. Юр. 1857 г. т. I, № 30.

[2]) А. Ю. 1857 г. т. I, № 30.

[3]) Не рѣдки впрочемъ и такіе примѣры, что кромѣ податей землевладѣлецъ получалъ еще право суда. См. Ак. А. Эк. т. I, № 17, 31, 37, 44, 51 и др.

[4]) А. И. т. I, № 25, 108, 29, 74; Д. къ Ак. Ис. т. I, № 17, 189, 193, 200 и др.

[5]) См. Суд. Ивана III.

[6]) См. актъ добровольнаго холопства въ Ак. Ар. Эк. т. I, № 237.

полагало границы произволу. Судебникъ, въ видахъ гарантіи крестьянъ отъ эксплоатаціи помѣщиковъ, постановилъ: 1) »дворые пожилые платятъ въ полѣхъ за дворъ рубль, а въ лѣсахъ полтина. А которой христіанинъ поживетъ за кѣмъ годъ, да пойдетъ прочь, и онъ платитъ четверть двора; а два года поживетъ, да пойдетъ прочь, и онъ полдвора платитъ; а три годы поживетъ, а пойдетъ прочь, и онъ платитъ три четверти двора; а четвере года поживетъ, и онъ весь дворъ платитъ.« Также опредѣлено, когда и въ какихъ случаяхъ крестьянинъ могъ превратиться въ раба: »по полной грамотѣ холопъ, по тіуньству и по ключу селскому холопъ, съ докладомъ и безъ доклада, и съ женою и съ дѣтми, которые у одного государя; а которые его дѣти у иного, или себѣ учнутъ жити, то не холопи; а по городцкому ключу не холопъ; по робѣ холопъ, по холопьѣ роба, приданой холопъ, но духовной холопъ.« Правда также и то, что крестьяне и сами представляли довольно сильную оппозицію: они или разбѣгались не будучи въ состояніи перенести обидъ [1]), или открыто возмущались [2]), или поджигали господское имущество и т. д. Тѣмъ не менѣе однакожъ шансы оставались на сторонѣ помѣщиковъ; крестьянамъ грозило повсемѣстное закрѣпощеніе. Все зависѣло отъ того, какой оборотъ приметъ борьба, шедшая въ то время между боярскимъ элементомъ и монархическимъ. Въ Западной Россіи монархическая власть королей уступила свои права аристократіи, а вмѣстѣ съ этимъ рѣшилась участь крестьянъ: они очутились въ полномъ распоряженіи помѣщиковъ, которые успѣли отнять у нихъ покровительство закона, поставивъ на мѣсто его волю господина. На юридическомъ языкѣ того времени не существуетъ даже слова крестьянинъ; вмѣсто его стоитъ *хлопъ* т. е. холопъ—ясное свидѣтельство порабощенія крестьянъ. Въ восточной Россіи монархическая власть одержала верхъ надъ боярами и вслѣдствіе этого участь крестьянъ была иная. Въ теченіе XVI ст. и въ особенности въ царствованіе Ивана Грознаго правительствомъ Московскаго государства былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ (не имѣвшихъ впрочемъ характера повсемѣстности) для того, чтобы улучшить бытъ крестьянъ до послѣдней возможности, въ чемъ надѣемся, можно легко убѣдиться изъ слѣдующей главы.

---

[1]) Д. къ Ак. Ис. т. I, № 228.
[2]) А. Ар. Эк. т. I, № 64.

Крестьяне XVI столѣтія.

Юридическіе памятники, изображающіе бытъ русскихъ крестьянъ XVI столѣтія, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Документы первой группы рисуютъ точно такую же картину, какую мы видѣли, изучая крестьянскій бытъ XV столѣтія. Во второй группѣ актовъ изображеніе нарисовано другое и иными красками. И въ самомъ дѣлѣ, что мы видимъ, разсматривая акты первой категоріи? Мы видимъ прежде всего, что крестьяне дѣлятся на тяглыхъ, испомѣщенныхъ на общинныхъ или на своихъ собственныхъ земляхъ, и на владѣльческихъ, живущихъ въ имѣніи князей, бояръ и духовенства [1]). Тяглые крестьяне съ внѣшней стороны дѣлились на городскихъ и сельскихъ и составляли низшій классъ народонаселенія [2]). Они жили обществами, представителями которыхъ предъ органами великокняжеской власти и предъ другими классами населенія были старцы, сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе [3]). Эти лица имѣли непосредственное сношеніе не только съ намѣстниками, но и съ самимъ государемъ [4]). Лица эти избирались въ должности самими крестьянами; обязанность ихъ состояла въ распредѣленіи податей, сообразно имуществу каждаго крестьянина или, какъ тогда говорилось, по сошному письму, участвовать въ приговорахъ общества и на судѣ намѣстника, имѣть полицейскій надзоръ въ волости и приводить въ исполненіе судебныя рѣшенія, а также заселять волостныя земли, оставшіяся безъ хозяина, новыми людьми [5]). Тотъ же старый порядокъ удержался и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ какъ-то: въ отношеніяхъ членовъ волости другъ къ другу, въ отношеніяхъ ихъ къ цѣлому обществу и наконецъ въ отношеніяхъ къ землѣ. Владѣльческіе крестьяне по документамъ разсматриваемой категоріи также не измѣнились относительно владѣльческихъ крестьянъ предъидущаго столѣтія. Но еслибы мы ограничились только этими докумен-

---

[1]) Доп. къ Ак. Ист. т. I, № 117; Ак. Ар. Эк. т. I, № 208, 385 и др. А. З. Р. т. I, № 127, 133.

[2]) Ак. Ист. т. I, № 137, 134, 165, 141, 143, 148 и др.

[3]) Ак. Ар. Эк. т. I, № 192, 208 и др., о Старцахъ Ар. Сб. т. I, № 59; А. З. Р. т. II, № 183 и др.

[4]) Ак. Ист. т. I, № 138, 202, 246; Ак. Ар. Эк. т. I, № 160, 187, 281, 364 и др.

[5]) Доп. къ Ак. Ис. т. I, № 56.

тами, то мы впали-бы въ грубую ошибку, которая закрыла-бы предъ нами оборотную сторону вѣка. У насъ есть грамоты, изъ которыхъ можно видѣть, что крестьяне XVI ст. вступали въ новую эпоху существованія, эпоху самую блестящую.

Прежніе великіе князья Московскіе оставляли крестьянъ и тяглыхъ, и владѣльческихъ большею частью на произволъ намѣстниковъ и помѣщиковъ и мало заботились о ихъ судьбѣ. Слѣдствіемъ этого были страшныя притѣсненія, обиды и насилія, причиняемыя крестьянамъ намѣстниками и помѣщиками, которые не только обременяли ихъ незаконными поборами, но прямо наѣзжали на ихъ земля и грабили. Такъ напр. въ одномъ актѣ, относящемся къ концу XV ст. [1]) говорится: »какъ князь великій Московскій взялъ Новгородъ и вѣчо имъ сказилъ (т. е. испортилъ), ино взъѣхалъ на Ржову князь Иванъ Лыко, и ѣхалъ черезъ Влицы, и судилъ и грабилъ люди, што хотѣлъ, то на нихъ браль, и оставилъ слугъ своихъ Тимофея и Бурца; и тые его люди судили и грабили люди, што хотѣли, то брали: на Климку два рубля взяли, на Дениску Голубкиничу рубль взяли, да на Ондронѣ полтора рубля взяли, на Панкратѣ полтора рубля взяли, и на иншихъ людяхъ много побрали, на комъ рубль, на комъ два, на комъ три, на комъ пять, того и не счести; и многіи люди съ тыхъ грабежовъ розбѣглися по заграничью, кое ко Пскову, кое индѣ гдѣ; а того всего слуги Лыковы взяли рублевъ на тридцать, ино по клѣтѣмъ ходечи грабили, што было въ клѣтѣхъ, то выграбили у людей. А потомъ князь Костянтинъ взъѣхалъ на всю волость Ржовскую... люди судилъ и грабилъ, што хотѣлъ, то бралъ... всего взялъ на пятьдесятъ рублей на людей... а слуги его лежали зиму во Влицахъ и грабили по клѣтемъ, ѣздячи по волостямъ, што хотѣли, и того всего пограбили у людей на двадцать рублевъ клѣтноѣ рухляди, кое платья, портищъ....« И такъ до конца акта [2]). Частныя жалобы крестьянъ должны были обратить на себя вниманіе правительства. Польскіе короли не могли помочь дѣлу, потому что они были безсильны и потому крестьяне западно-русскихъ областей были вынуждены обратиться къ собственнымъ домашнимъ средствамъ, между которыми ножъ занималъ самое видное мѣсто. Крестьяне же восточно-русскихъ обла-

[1]) **Ак.** З. Р. т. I, № 71. Запись о Ржевской дани.
[2]) Смотри еще П. С. Р. Л. т. IV, стр. 309. А. т. I, № 141.

стей нашли поддержку въ Московскихъ царяхъ, которые, увидѣвъ, что «старыи обычаи поисчаталися на Руси» и виновниками этого были бояре, рѣшились поднять упадавшее крестьянство и возвысить его до сословія, т. е. до такой корпораціи, которая зависѣла-бы только отъ центральной власти и сознательно относилась-бы къ своимъ сословнымъ интересамъ.

Еще Иванъ III постановилъ, чтобы на судѣ намѣстниковъ непремѣнно присутствовали дворскій, старосты и лучшіе люди отъ волостей, заселенныхъ тяглыми крестьянами, а въ 1518 году встрѣчаемъ такое же постановленіе относительно владѣльческихъ крестьянъ, а именно: относительно крестьянъ Чухломскаго Покровскаго монастыря [1]). Вообще, со временъ перваго Судебника, Московское правительство стало систематически преслѣдовать ту цѣль, чтобы каждая крестьянская волость имѣла своихъ выборныхъ представителей и чтобы безъ нихъ намѣстники и волостели не смѣли производить судъ надъ крестьянами. Въ такомъ смыслѣ написаны грамоты къ крестьянамъ Артемоновскаго стана, Марининской трети [2]), (1506 г.) бобровникамъ Каменскаго стана (1509 г.) [3]) крестьянамъ Моревской слободы (1530 г.) [4]) и т. д. Но всѣ эти грамоты до изданія втораго Судебника (1550 г.) имѣли характеръ частныхъ узаконеній, касающихся не цѣлой Россіи, а только нѣкоторыхъ ея мѣстностей Когда же появился второй Судебникъ, который дополнилъ узаконеніе перваго судебника постановленіемъ, чтобы лучшіе люди, избранные для присутствія на судѣ намѣстниковъ, были приводимы къ присятѣ и чтобы старосты и цѣловальники были непремѣнно во всѣхъ волостяхъ [5]), съ тѣхъ поръ правительство стало энергически настаивать на томъ, чтобы крестьянскія общества были обществами на самомъ дѣлѣ, а не по формѣ только. Съ этою цѣлью оно

---

[1]) А. И. т. I, № 125 »А коли изъ Галича намѣстничи недѣлщики пріѣдутъ убитые головы осматривати, и они осматриваютъ съ старостою волостнымъ, да съ нимъ лутчихъ людей человѣкъ десять....«

[2]) А. А. Эк. т. I, № 144. »А безъ старосты и безъ лутчихъ людей волостелю и его тіуну суда не судити....«

[3]) Тамъ же № 150.

[4]) Д. къ А. И. т. I, № 26.

[5]) »А въ которыхъ волостяхъ напередъ сего старостъ и цѣловальниковъ не было, и нынѣ въ тѣхъ во всѣхъ волостяхъ быти старостамъ и цѣловальникамъ«.... »а судные дѣла писати земскому дьяку....« (ст. 68).

учреждало вездѣ, гдѣ до того времени не было, волостныя крестьянскія должности [1]), а туда, гдѣ онѣ существовали, но гдѣ ихъ игнорировали намѣстники, посылали указы, подобные приведеннымъ выше. Намѣстникамъ и въ особенности помѣщикамъ крайне не нравился этотъ законъ и они старались обходить его при всякомъ удобномъ случаѣ. Но и крестьяне въ свою очередь не легко уступали, свидѣтельствомъ чему можетъ служить жалоба Керетчанъ и Ковдянъ царю Ивану Грозному: »данщики и слободщики волостныхъ людей Керетчанъ и Ковдянъ судятъ не по суду, а земскимъ людемъ лутчимъ и середнимъ на судѣ..., быти у себя не велятъ, да въ томъ земскимъ людямъ.... чинятъ продажи великія« [2]). Въ отвѣтъ на такія жалобы обыкновенно слѣдовали благопріятныя для крестьянъ грамоты. Благодаря энергическимъ мѣрамъ, вскорѣ появились выборные люди не только въ тяглыхъ волостяхъ, но и во владѣльческихъ, т. е. такихъ, въ коихъ судъ находился въ силу извѣстныхъ привиллегій, въ рукахъ землевладѣльца. И на его судѣ должны были присутствовать выборные отъ крестьянъ.« А взыщетъ крестьянинъ на крестьянинѣ передъ игуменомъ и передъ соборными старцы или передъ прикащикомъ, городскіе и сельскіе; и у игумена и у соборныхъ старцевъ сидѣти въ судѣ сельскомъ лутчимъ людямъ тремъ или четыремъ человѣкомъ, кого селчане излюбятъ...« [3]) или: »судити прикащику, а съ нимъ быти на судѣ священнику да крестьяномъ пятьма или шестма добрымъ и среднимъ,« сказано въ уставной грамотѣ крестьянамъ села Пузырева, принадлежавшаго Соловецкому монастырю (1561 г.) [4]). Не ограничиваясь этимъ, правительство пошло еще дальше: оно хотѣло рѣшительно отстранить намѣстниковъ отъ какого-бы то ни

---

[1]) А. Ар. Эк. т. I, № 194. »И какъ къ вамъ (пишетъ царь къ крестьянамъ Троицко-Сергіева монастыря) ся наша грамота придетъ и вы-бъ... часа того въ тѣхъ селѣхъ и деревняхъ учинили межъ собя у десяти дворовъ десятского, у пятидесяти дворовъ пятидесятского, у ста дворовъ сотского, которые люди торговые или дѣти боярскіе проѣзжіе учнутъ у васъ ставитися ночевати, или въ которыхъ селѣхъ торговати, и вы-бъ межъ себя тѣхъ людей являли десятскимъ, а десятскіе являли пятидесятскимъ, а пятидесятскіе являли сотскимъ; а сотскіе съ пятидесятскими и съ десятскими осматривали и записывали, какіе люди въ которомъ дворѣ ставятся...«

[2]) Тамъ же № 196.

[3]) Вр. Имп. Общ. № 2.

[4]) А. Ар. Эк. т. I, № 258.

было вмѣшательства въ дѣла крестьянъ. Этимъ объясняется происхожденіе такого рода грамотъ, какъ напр. слѣдующая: »мы, жалуючи крестьянство,... намѣстниковъ и волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и отъ волостей отставили; а за намѣстничи и за волостелины и за праветчиковы доходы и за присудъ, и за ихъ пошлинныхъ людей пошлины, велѣли есмя посадскихъ и волостныхъ крестьянъ пооброчити денгами ..; и велѣли есмя во всѣхъ городахъ и въ станѣхъ и въ волостяхъ учинити старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управа чинити и намѣстничи и волостелины и праветчиковы доходы сбирати и къ намъ на срокъ привозити...« [1]. Точно также оно хотѣло освободить владѣльческихъ крестьянъ отъ суда ихъ помѣщиковъ и охотно соглашалось на просьбу крестьянъ, просившихъ объ этомъ, не взирая на то, согласенъ ли помѣщикъ, или нѣтъ. Для доказательства, можемъ сослаться на губный наказъ Ивана IV селамъ Кириллоскаго монастыря (1549 г.), въ которомъ значится слѣдующее: »пожаловалъ есми Кириллова монастыря села: село Романовское, село Товское.... старостъ и сотскихъ и десятскихъ и всѣхъ крестьянъ Кириллова монастыря селъ, по ихъ челобитью велѣлъ есми у нихъ быть въ разбойныхъ дѣлѣхъ въ губныхъ старостахъ въ выборныхъ головахъ дѣтемъ боярскимъ Терентію Матвѣеву сыну Монастырева да Давыду Григорьеву сыну Сапогова, да съ ними цѣловальникамъ тѣхъ же селъ крестьянамъ, Митѣ Иванову сыну Толстоухову.... и имъ свѣстяся за одинъ обыскивати про лихихъ людей, и обыскавъ разбойниковъ казнить смертью« [2]. Изъ этой грамоты и изъ другихъ видно [3], что крестьянамъ было предоставлено даже верховное право надъ жизнью и смертью преступника. Изъ этихъ фактовъ мы въ правѣ вывести заключеніе, что стремленіемъ московскихъ царей было уравнять тяглыя крестьянскія волости съ владѣльческими и предоставить какъ тѣмъ, такъ и другимъ независимую общинную организацію; но ихъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе повсемѣстно; причиною тому была кончина Ивана Грознаго, послѣ которой бояре значительно усилились и затормозили дѣло, для нихъ непріятное. Такимъ образомъ въ продолженіе XVI столѣтія образовалось и существовало двѣ категоріи крестьянъ: старая, завѣщанная XV-мъ столѣтіемъ, и новая—продуктъ

---

[1]) Тамъ же № 243. Подобная тамъ же № 242.
[2]) Тамъ же № 294. Подобная тамъ же № 330.
[3]) Тамъ же № 187, 192, 194, 224 и др. П. С. Р. Л. т. IV, стр. 305.

XVI столѣтія. Разница между ними такая, какъ между классомъ и сословіемъ.

Ознакомившись поближе съ юридическими матеріалами разсматриваемой эпохи, мы пріобрѣтаемъ возможность дать болѣе или менѣе удовлетворительный отвѣтъ на слѣд. вопросы: 1) каковъ былъ составъ крестьянскихъ общинъ въ XVI вѣкѣ, 2) каковъ взглядъ былъ у правительства и общества на личность крестьянина, 3) каково было отношеніе каждаго крестьянина къ членамъ своего общества, и 4) къ землѣ, и наконецъ, 5) какова была внутренняя организація крестьянскихъ общинъ? Что же касается отношеній крестьянъ къ намѣстникамъ и къ землевладѣльцамъ въ тѣхъ владѣльческихъ городахъ и селахъ, къ которымъ не относились уставныя и жалованныя грамоты новаго образца, то мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ, потому что въ противномъ случаѣ намъ пришлось-бы повторить исторію XV столѣтія. И такъ: каковъ былъ составъ крестьянскихъ общинъ XVI столѣтія?

Крестьяне, принадлежавшіе къ данной общинѣ, состояли изъ старожиловъ и новожильцевъ, переселившихся изъ другихъ волостей. Они дѣлились на три разряда: бо́льшихъ или лучшихъ людей (самыхъ зажиточныхъ), середнихъ и молодшихъ [1]). Членомъ общины могъ быть только совершеннолѣтній; но какой годъ принимался за выраженіе совершеннолѣтія, намъ не извѣстно; можно думать вмѣстѣ съ Бѣляевымъ, что 15-ти-лѣтній [2]). Достигнувъ этого возраста, молодые парни, сообразно своимъ способностямъ, отправляли въ обществѣ извѣстную долю работы, и платили подати, какъ значится въ уставной грамотѣ крестьянамъ Сумской волости: »а у которыхъ земскихъ людей дѣти или племянники, а будутъ поспѣли промышляти звѣрь, и птицу и рыбу ловити, и ягоды и губы брати; и вы-бъ на тѣхъ клали противъ козаковъ, по разсуженью, кто чего достоинъ« [3]). Новожильцы являлись въ данную волость или сами, или по вызову сотскихъ и старостъ

---

[1]) А. И. т. I, № 165; Д. къ А. И. т. I, № 149.

[2]) Кр. на Руси, стр. 84. Есть одна грамота, въ которой сказано, что подать платятъ крестьяне не раньше 15-ти-лѣтняго возраста: »а старостѣ Сумскому всѣ волощане Сумскіе волости.... давали-бы есте со всякіе головы по Московкѣ, а кому меньше пятнадцати лѣтъ, и тѣ-бы старостѣ не давали ничего.« А. Ар. Эк. т. I, № 269.

[3]) А. Ар. Эк. т. I, № 269.

и становились членами ея по взаимному соглашенію съ крестьянами и съ порукою старожильцевъ въ томъ, что они будутъ исправно нести всѣ повинности: »а на пустыя выти (говорится въ уставной грамотѣ патріарха Іова Новинскому монастырю) крестьянъ призывати, а приказщикамъ порука по нихъ имати съ записьми, чтобъ были люди добрые« [1]). Изъ уставной грамоты, данной Соловецкимъ монастыремъ его крестьянамъ, видно, что въ волости находились такъ - называемые бобыли: »а съ бобылей, которые живутъ о себѣ дворцами, съ тѣхъ имати приказщику по двѣ денги по Московскую« [2]) и такъ какъ, по словамъ той же грамоты, они платили половинную подать (»давати съ тяглыхъ по четыре денги Московскую«), то значитъ, что они сидѣли на половинномъ тяглѣ и принадлежали къ разряду младшихъ членовъ волости Къ этому же разряду принадлежали козаки, которые подобно бобылямъ находились не во всякой волости. Такъ же, какъ и бобыль, козакъ платилъ подати, только, кажется, въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ первый. Такъ, по уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря, онъ платилъ полуденгу (»а келарю имати по полуденгѣ съ Виремскихъ козаковъ«) [3]), а по другой грамотѣ деньгу [4]). Кто же такой были козаки? Это были рабочіе, которые, подобно теперешнимъ бурлакамъ, нанимались на извѣстное время въ работу къ помѣщикамъ и крестьянамъ, и играли роль захребетниковъ и задворныхъ людей, за которыхъ отвѣчали тѣ, у кого они жили. Такъ, въ грамотѣ, данной въ 1543 г. Иваномъ IV Троицко-Сергіеву монастырю, мы читаемъ: »а которые козаки приходцы, а порядятся за монастырь жити въ варницы, и въ повары и въ водоливы, или дровъ сѣчь и возити и всякое дѣло дѣлати, и имъ ся явити нашимъ намѣстникомъ и волостелемъ и ихъ тіуномъ, а имати явки съ козака по денгѣ...« [5]) Въ уставной же грамотѣ Соловецкаго монастыря сказано: »а прилучится коему человѣку... быти въ Вирмѣ.... у коего козаки вновѣ живутъ и имъ являти приказщику самимъ да и пошлины ихъ дати; а прилучився какову козаку вонъ итти изъ нашихъ мѣстъ

---

[1]) Врем. № 2; Бѣл. стр. 84; Ак. Юр. 1838 г. № 291. Поручительство по крестьянамъ, принимавшимъ на себя подряды см. въ А. Юр. 1838 г. № 292; подобная тамъ же № 290.

[2]) А. Ар. Эк. т. I, № 221.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же № 200.

[5]) Тамъ же.

изъ волостокъ и у коего человѣка живетъ и ему съ нимъ идти къ приказщику да къ доводчику да его объявити, а не даютъ ничего, развѣе пошлины монастырскіе и приказщиковы и доводчиковы по разсчету, сколко жилъ, аже будетъ впередъ не заплатилъ; а которой козакъ сойдетъ не отъявясь и тотъ человѣкъ, у кого онъ жилъ, не объявитъ же, и приказщику взяти на немъ пошлина монастырская и своя« [1]). Не смотря однакожъ на ничтожное положеніе въ волости, козаки участвовали въ выборахъ и чрезъ своихъ выборныхъ завѣдывали дѣлами общества. »Какъ лучится у васъ разрубъ въ волости, и вы бъ выбрали въ Сумѣ изъ большихъ изъ лутчихъ людей два человѣка, и изъ середнихъ людей два человѣка, а изъ меньшихъ людей два человѣка, а изъ козаковъ два человѣка; да тѣ бы восемь человѣкъ сидѣли у васъ въ окладѣ и окладывали бы земскихъ людей и козаковъ въ Божью правду, кого чѣмъ пригоже, кто чего достоинъ« [2]).

Чтобы отвѣтить на второй вопросъ и имѣть надлежащее понятіе объ общественномъ положеніи крестьянъ XVI в., нужно обратить прежде всего вниманіе на оцѣнку ихъ личности. По Судебнику »безчестье гостямъ большимъ 50 рублевъ, а торговымъ людямъ и посадскимъ людямъ, всѣмъ середнимъ безчестья 5 рублевъ, а боярскому человѣку доброму безчестья 5 рублевъ (женамъ ихъ вдвое). А крестьянину пашенному безчестія рубль, а женѣ его безчестія два рубля. А боярскому человѣку молодчему, или черному городскому человѣку молодчему безчестія вдвое. А за увѣчіе указывати крестьянину, посмотря по увѣчію и по безчестію, и всѣмъ указывати за увѣчіе, посмотря по человѣку и по безчестію« [3]). При поверхностномъ чтеніи этой статьи можно, пожалуй, подумать, что личность крестьянина считалась ничтожною, по сравненію съ личностью купца или боярина. Выраженіе документа: *посмотря по человѣку* показываетъ, повидимому, что законодатель разсматриваетъ народъ въ юридическомъ отношеніи; но на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Конечно, крестьяне составляли низшій слой русскаго общества; они были бѣднѣе прочихъ, но предъ закономъ они равнялись имъ и если законодатель полагаетъ за ихъ безчестіе меньшую плату, то это не потому, что онъ считаетъ ихъ неравноправными дру-

---

[1]) Тамъ же № 221.
[2]) Тамъ же № 269.
[3]) Ст. 26.

гимъ, а потому что въ основаніе онъ принялъ доходность: »безчестіе... указывати противъ доходу« [1]) доказательствомъ равноправности крестьянъ съ другими сословіями служатъ: во-первыхъ, то, что они наравнѣ съ боярами, купцами, боярскими дѣтьми и духовенствомъ состояли подъ защитою и покровительствомъ общаго закона, каковымъ въ XVI стол. былъ Судебникъ, сначала Ивана III, а съ 1550 г. Ивана IV; во-вторыхъ, они имѣли право всчинать иски по всѣмъ дѣламъ не только на крестьянина, но и на купца, и на священника, и на боярина, хотя-бы онъ занималъ самое высокое общественное положеніе; равнымъ образомъ купецъ или бояринъ могли всчинать искъ на крестьянина; доказательства чему можно найти во многихъ юридическихъ памятникахъ того времени [2]). Форма, въ которую оба судебника облекли статью о судѣ, показываетъ, что судъ для всѣхъ сословій былъ одинаковъ. Въ Судебникѣ 1497 г. сказано: »а каковъ жалобникъ (кто-бы онъ ни былъ, бояринъ-ли, купецъ, или крестьянинъ) къ боярину прійдетъ, и ему жалобниковъ отъ себя не отсылати, а давати всѣмъ жалобникамъ управа во всемъ, которымъ пригоже,« а въ Судебникѣ Ивана IV говорится: »а кто къ которому боярину, или къ дворецкому, или къ казначею, или къ дьяку, прійдетъ жалобникъ его приказу, и ему жалобниковъ своего приказу отъ себя не отсылать; а давати ему жалобникамъ своего приказу всѣмъ управа... А который бояринъ, или дворецкой, или казначей, или дьякъ жалобника своего приказу отошлетъ и управы не учинитъ... и тому быть отъ государя въ опалѣ« [3]). Правда, бывали случаи, что крестьяне нѣкоторыхъ волостей подчинялись суду не княжескихъ органовъ, а помѣщичьихъ, но на это нужно смотрѣть, какъ на помѣщичью привиллегію, т. е. какъ на исключеніе; далѣе—на помѣщичьемъ судѣ присутствовали выборные изъ крестьянъ, наконецъ—такія же привиллегіи, какія получали бояре, получали и сами же крестьяне, какъ это видно изъ нѣсколькихъ жалованныхъ грамотъ. Такъ, въ одной изъ нихъ написано: »а намѣстници наши Ярославскіе и волостели Едомьскіе и ихъ тіуны тѣхъ моихъ рыболовей и оброчниковъ не судятъ ни въ чемъ, опричь одного

[1]) Тамъ же.

[2]) Ак. Юр. 1838 г. № 176—179, 180, 182—184, 186, 187, 189, 188, 181. Доп. къ А. И. т. I, № 51 (I, V). Еще: А. Юр. 1838 г. № 2, 3, 6, 11. А. И. т. I, № 248.

[3]) Ст. 7.

душегубства; а кому будетъ до тѣхъ моихъ рыболовей и оброчниковъ каково дѣло; ино по нихъ въ томъ ѣздятъ мои недѣльщики дворцовые, а сужу ихъ язъ царь и великій князь и мой дворецкій« [1]). А въ другой грамотѣ такъ сказано: »язъ князь великій своихъ дворцоваго села Андреевскаго, крестьянъ, сельчанъ и деревенщиковъ пожаловалъ, далъ имъ свою грамоту жалованную несудимую, намѣстницы наши Звенигородскіе и ихъ тіуны тѣхъ моихъ крестьянъ не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ« [2]). Доказательствомъ равноправности крестьянъ съ другими сословіями служитъ еще и то, что въ смѣсномъ судѣ, когда искъ завязывался между лицами разныхъ вѣдомствъ, крестьяне имѣли право посылать своихъ судей такъ точно, какъ и бояре. Такимъ судьею посланъ былъ въ 1546 г. крестьянинъ Гнѣвашовъ. »Били намъ челомъ (тавіе-то на такихъ-то, что они ихъ обижаютъ) и мы, въ тѣхъ земляхъ и въ починкѣхъ и въ деревняхъ, Ѳерапонтова монастыря игумену Гурью съ братьею дали судью тябя Третьяка Гнѣвашова; а Словенскаго деи Волочка крестьяне.... взяли судью Михалка Лукина сына Волошенинова: и ты-бъ съ тѣмъ судьею свѣстися, взявъ съ собою старостъ и цѣловальниковъ и тутошнихъ старожилцовъ, съ обѣ стороны обоимъ исцомъ срокъ учинивъ, да къ нимъ-бы есте на тѣ ихъ спорные земли ѣхали, и тѣхъ-бы есте земель досмотрѣли и обыскомъ обыскали, чья то земля и лѣсъ, и пожни, и починки, и деревни, изстари? да по обыску бы есте имъ въ тѣхъ земляхъ, и въ лѣсу и въ починкѣхъ и въ деревняхъ межи учинили, и ямы покопали и грани поклали, и розъѣзжіе имъ подавали...« [3]) Какъ вполнѣ самостоятельная личность, крестьянинъ имѣлъ право явиться въ судъ въ качествѣ свидѣтеля, какъ объ этомъ ясно выражено въ правыхъ грамотахъ. Въ одной изъ нихъ напр. сказано: »сказываетъ, государь, князь Андрей, что ему съ братомъ, съ княземъ Васильемъ, дѣлъ не бывалъ; и язъ, государь, шлюсь около того села Граворонова версты по двѣ и по три и больши на всѣ стороны, на дѣти боярскіе, на игумены, и на поповы, и на дьяковы, и на сотецкіе, и на десятцкіе и на всѣ крестьяне, на людей добрыхъ, въ слухъ и обыскъ, что язъ ихъ дѣлилъ« [4]). Землевладѣльцы,—и тѣ въ своихъ спорахъ о землѣ при-

[1]) А. Ар. Эк. т. I, № 324.
[2]) Тамъ же № 201.
[3]) Тамъ же № 209.
[4]) Ак. Юр. 1857 г. стр. 211.

бѣгали къ свидѣтельству своихъ крестьянъ и судъ никогда не отвергалъ этого свидѣтельства. Къ такому посредничеству крестьянъ обратились въ 1507 году священники Архангельскаго собора и игуменъ Чудова монастыря: »И мы, господине,« говорятъ они судьѣ, »обои исци положили о тѣхъ земляхъ на старожилцовъ великаго князя крестьянъ, на Архангельскихъ крестьянъ, на Плотницкихъ, да на Чудовскихъ крестьянъ на Уваровскихъ, на Плотницкихъ крестьянъ на Труфанка на Иванова сына, да на Родивона на Павлова, да на Клима на Матвѣева сына Скорикова...« [1]) Нечего и говорить о томъ, что крестьяне имѣли право отъ своего имени владѣть землею, арендовать чужія имѣнія [2]), заключать подряды, торговать, заниматься разными промыслами, быть назначаемыми въ разныя должности и избирать себѣ по своему усмотрѣнію мѣсто жительства. Въ одномъ только они были стѣснены: имъ не дозволялось переходить съ мѣста на мѣсто раньше, чѣмъ за недѣлю до Юрьева дня осенняго и позже, чѣмъ недѣлю спустя послѣ этого дня. »А крестьяномъ отказыватися изъ волости въ волость и изъ села въ село одинъ срокъ въ году, за недѣлю Юрьева дни осенняго, и недѣля послѣ Юрьева дни осенняго« [3]) Это постановленіе Судебника касалось въ одинаковой мѣрѣ какъ общинныхъ крестьянъ, такъ и владѣльческихъ. Но поелику послѣдніе могли быть легко эксплоатируемы своими помѣщиками, то въ Судебникѣ добавлена статья о томъ, чего могъ требовать помѣщикъ отъ уходящаго. Онъ могъ требовать цѣны за пожилое. Въ первомъ Судебникѣ эта цѣна выражена такъ: »Дворы пожилые платятъ въ полѣхъ рубль, а въ лѣсѣхъ полтина,« а въ Судебникѣ 1550 года нѣсколько иначе, »а дворы пожилые платятъ въ полѣхъ за дворъ рубль два алтына, а въ лѣсѣхъ, гдѣ десять верстъ до хоромнаго лѣсу, за дворъ полтина да два алтына; а опричь того на немъ пошлинъ нѣтъ. А пожилое имати съ воротъ, а за повозъ имати съ двора по два алтына.« Постановленіе заплатить только пожилое и повозъ, »а опричь того пошлинъ нѣтъ,« есть очень важное постановленіе втораго Судебника и сравнительно съ прежнимъ порядкомъ представляетъ значительный шагъ впередъ. Прежде, крестьянинъ не имѣлъ права покинуть своего помѣщика, если кромѣ пожилаго и повоза не

---

[1]) Тамъ же стр. 246.
[2]) Тамъ же отъ № 176 до 189.
[3]) Судебникъ.

возвратитъ занятыхъ у него денегъ. Судебникъ отдѣляетъ разсчеты, связанные съ землею, отъ чисто-денежныхъ разсчетовъ и узаконяетъ для денежныхъ ссудъ такъ-называемыя кабальныя записи, которыя и должны были служить основаніемъ для денежнаго иска [1]).

Перейдемъ теперь къ вопросу объ отношеніяхъ крестьянъ XVI ст. къ землѣ и другъ къ другу.

Каждая волость, какъ юридически опредѣленный округъ, состояла изъ бо́льшаго или меньшаго пространства земли, которая, судя по памятникамъ того времени, находилась въ распоряженіи крестьянъ на троякомъ основаніи. Одна часть ея составляла частную собственность крестьянъ, другая принадлежала общинѣ, третья—помѣщикамъ.

Крестьяне, купившіе землю, считались ея полными хозяевами и имѣли право дѣлать по отношенію къ ней какія угодно распоряженія [2]). Отношенія крестьянъ къ общинной землѣ были двоякаго рода и зависѣли отъ условій, которыя община заключала съ новожильцемъ. Если новый жилецъ давалъ такъ-называемую рядную запись, то онъ обыкновенно обязывался по истеченіи условленныхъ льготныхъ лѣтъ отправлять всѣ государственныя повинности, а за то ему предоставлялось право воздѣлывать и застраивать общинную землю и владѣть ею на правѣ полнаго собственника; иногда даже дозволялось продать общинную землю. По крайней мѣрѣ въ одной грамотѣ есть указаніе на это право продажи: »пожаловалъ есми Злобу Васильева сына, ослободилъ ему на Вологдѣ купити земли на соху боярскихъ, и служилыхъ и черныхъ тяглыхъ земель, кто ему продастъ« [3]). Въ рядной записи иногда ставилось условіемъ, чтобы крестьянинъ, оставляющій общинную землю, поставилъ на свое мѣсто другаго жильца: »Се язъ Григорей Филиппова сынъ далъ есми на себя запись Тавренскаго стану Вахромею Трофимову сыну Воронину и всѣмъ крестьянамъ, что взялъ

---

[1]) А. И. т. I, № 165. »А кто займетъ сколко денегъ въ ростъ, и тѣмъ людемъ у нихъ не служити ни у кого, жити имъ собе, а на деньги ростъ давати. А кто дастъ денегъ взаймы въ ростъ, да того человѣка станетъ у себя держати, и сбѣжитъ отъ него тотъ человѣкъ покрадчи, и что снесетъ, то у него пропало, а по кабалѣ денегъ лишенъ.«

[2]) Ак. Юр. 1838 г. стр. 133, 161; Бѣл. стр. 86. Д. къ А. И. т. I, № 83.

[3]) Тамъ же стр. 18.

у нихъ на льготу 12 долю обжи [1]) пустаго на годъ; а хоромъ дали полъизбы, да полъприруба, да половина сѣнника и подклѣта, да полмякинницы и со всѣмъ угодьемъ, куды топоръ и коса и соха ходила. И того мнѣ жеребья въпустѣ не покинуть и дворъ вново починивать, а дани оброку въ тотъ льготный годъ не давать ни коихъ розрубовъ. А какъ отъидетъ льготный годъ, и мнѣ всякая подать платить со крестіяны вмѣстѣ. А покину язъ впустѣ землю въ той Прилучной деревнѣ, не насѣю и жильца не посажу, и на мнѣ Григорьѣ по сей записи взяти старостѣ въ міръ рубль денегъ« [2]). Крестьянинъ, не выполнившій условій, выраженныхъ въ рядной записи, и ушедшій, считался бѣглымъ и возвращался на старое мѣсто жительства [3]). Кромѣ рядной записи, существовала еще такъ-называемая оброчная запись. Крестьянинъ, поселившійся на общинной землѣ по оброчной записи, не зналъ никакихъ обязанностей по отношенію къ общинѣ; онъ платилъ одинъ оброкъ и только [4]). Какъ видно, крестьяне предпочитали этотъ родъ отношеній, ибо часто просили правительство замѣнить повинности оброкомъ [5]). Такъ или иначе владѣя общинною землею, крестьянинъ считалъ ее своею собственностью и какъ собственность защищалъ ее предъ судомъ.

Число владѣльческихъ крестьянъ продолжало увеличиваться по прежнему. Главный источникъ этого увеличенія заключался въ военныхъ потребностяхъ страны, которой пришлось выдержать въ продолженіе XVI вѣка нѣсколько продолжительныхъ войнъ, требовавшихъ и людей много и денегъ много. Чтобы имѣть войско, готовое по первому зову выступить въ походъ, правительство не находило другихъ средствъ, какъ испомѣщать бояръ и дѣтей боярскихъ помѣстьями и обязывать ихъ выставлять извѣстное число войска. Какъ велико было число розданныхъ помѣстій, можно заключить изъ того, что по царскому приговору 1550 г. въ одномъ Московскомъ уѣздѣ испомѣщено 1050 бояръ и дѣтей боярскихъ на пространствѣ 110,000 чети земли [6]). Крестьянамъ

---

[1]) Обжа = куску земли, для обжина которой нужна одна лошадь. Три обжи = сохѣ, двѣ обжи = луку. Обжа имѣла 125 саж. длины и 32 ширины, а въ Новгородской губ. = 5 десят. (см. Словарь Даля).

[2]) А. Юр. 1838 г. № 187.

[3]) Тамъ же № 234.

[4]) Тамъ же № 172.

[5]) Ак. Ар. Эк. т. I, № 234, 250, 258 и др.; Бѣл. стр. 73 примѣч.

[6]) Тамъ же № 225.

казалась тяжелою военная повинность, вслѣдствіе чего они разбѣгались. Частью отъ побѣговъ, частью отъ погибели ихъ на войнѣ, во время голода и язвы многія волости опустѣли [1]). Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что помѣщики старались заселить свои земли. Иногда они прибѣгали къ насильственнымъ мѣрамъ, а именно: нападали на сосѣднія волости и уводили крестьянъ. Слѣдуя ихъ примѣру, и крестьянскія общины не брезгали этимъ средствомъ. Такъ напр. въ 1579 году прикащикъ Дуниловскихъ деревень напалъ на монастырское село Хрепелево и увезъ съ собою двухъ крестьянъ [2]). Но чаще всего случалось, что помѣщики во время составленія писцовыхъ книгъ, въ которыя заносились пустыя, никѣмъ не занятыя, и заселенныя земли, старались показать какъ можно больше пустыхъ земель для того, чтобы избавиться отъ податей; ибо подати платились за жилыя земли, а не за пустыя [3]) и слѣд. чѣмъ больше было послѣднихъ, тѣмъ выгоднѣе было для помѣщика. Съ этою цѣлью они удаляли на время своихъ крестьянъ и даже скрывали ихъ по лѣсамъ, а, по окончаніи сошнаго письма, выводили изъ убѣжища скрытыхъ и переманивали новыхъ обѣщаніемъ болѣе или менѣе продолжительныхъ привиллегій. Когда въ 1554 году составлялась опись Новгородскимъ пятинамъ, то много жилыхъ земель было показано пустыми, и только два года спустя при ревизіи оказалось, что »многіе обжи за дѣтьми боярскими паханы и кошены, а въ первыхъ обыскѣхъ писаны пусты непаханы и некошены; и тѣ дѣти боярскіе бьютъ челомъ намъ ложно... И вы-бъ дьяки наши, пишетъ царь, того сыскавъ допряма, да на тѣхъ людѣхъ, кто тѣ пустые обжи пашетъ и коситъ и на тѣхъ кто въ обыску зимѣ сказывалъ, что тѣ обжи пусты, а послѣ того есте сыскали, что тѣ обжи не пусты, наши всякіе подати и на прошлые лѣта доправили вдвое, да и впередъ бы есте съ тѣхъ съ паханыхъ обежъ наши всякіе подати имали наполнѣ...

---

[1]) П. С. Р. Л. т. IV стр. 312; Ак. Юр. 1838 г. № 23. »Се азъ Елизарей Ѳеодоровъ сынъ, да язъ Павелъ Акиндиновъ сынъ отступилися есми Тимофею да Гаврилу Барсану Сильвестровымъ дѣтемъ великаго князя земли... а неизмогли есмя... службы служити и дани давати.... См. еще Новгород. Писцовую книгу 1582 г. Тамъ во многихъ мѣстахъ указаны причины запустѣнія земель. Ак. Ар. Эк. т. I, № 234.

[2]) Ак. Юр. № 46.

[3]) Доп. къ Ак. Ист. т. I, № 93. »Чтобъ вы того сыскивали, что будетъ пусто: и вы-бы съ того нашихъ податей не имали, да обыскавъ на пустые мѣста и льготы дали, посмотря по обыску...,«

на томъ, кто ихъ пашетъ и коситъ... а сыскивали бы есте того накрѣпко, чтобъ у васъ живущего въпустѣ не писали, и съ живущего бы есте за пустое не имали» [1]).

Призвавши на свою землю крестьянина, помѣщикъ, подобно общинѣ, заключалъ съ нимъ договоръ или рядную запись. Въ владѣльческихъ помѣстьяхъ, также какъ и въ общинныхъ земляхъ, входили въ болѣе частое употребленіе оброки. Рядныя, равно какъ и оброчныя записи въ разныхъ мѣстностяхъ были различны. Въ одномъ напр. мѣстѣ крестьянинъ получалъ отъ помѣщика землю, дворъ и подмогу и за это обязывался нести всѣ повинности на помѣщика и государя; въ другомъ мѣстѣ вмѣсто подмоги онъ пользовался льготными годами. Величина оброка также была неодинакова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьянамъ предоставлялось право мѣнять и продавать свои участки. Для доказательства возьмемъ на выдержку нѣсколько грамотъ. Въ порядной 1586 г. сказано: «Се язъ Никифоръ да язъ Софонтей Васильевы крестьяне Басланова, изъ деревни Замошья, дали есмя на себя запись въ томъ, что порядилися есми за Николу Чудотворца въ Заверяжьи на деревню на Липовецъ, на штину (т. е. шестую часть) обжи, а взяли есмя подмогѣ два рубля Московскую, да льготы на два года въ монастырь дани не давати и не ходити на дѣло. А живучи намъ на той деревнѣ тягло государское всякое тягнути съ волостью вмѣстѣ, какъ соху наставимъ; а за ту подмогу намъ и за льготу деревня разпахати, и поля огородити, и старые хоромы починити, и новые поставити два хлѣва да мыльня. И какъ пройдутъ тѣ лготные два года; и намъ давати въ монастырь Николѣ Чудотворцу оброку по рублю по Московскому на годъ и на дѣло монастырское ходити, какъ иные крестьяне ходятъ. А не отживемъ мы тыхъ льготныхъ два годовъ, и деревни не росчистивъ и поль неогородивъ, и хоромъ старыхъ не починивъ и новыхъ не поставивъ, да пойдемъ вонъ; и намъ та подмога монастырская, два рубля Московская, по сей записи, отдати слугѣ Тимофею Павлову» [2]). По другой порядной (1582 г.) условія крестьянъ были слѣдующія: «се язъ Яковъ Романовъ сынъ, да язъ Богданъ Максимовъ сынъ, есмя изъ Богородицкаго села Спасскаго Прилуцкаго монастыря въ монастырское село въ Богородицкое, полвыти на жилую,

[1]) Тамъ же № 93. Подобная № 57.
[2]) Ак. Юр. 1838 г. № 178.

ржи сѣяно въ земли пять четвертей, да денегъ есми взяли на ссуду полтина; пашня намъ пахати, земли не запереложити и въ ново чистити, и во дворѣ намъ поставити изба новая полутретьи сажени и старые хоромы починивати, а дани царскіе и оброки и всякіе подати государскіе давати, и въ монастырь всякой оброкъ хлѣбной платити сполна, и издѣліе монастырское намъ дѣлати, какъ и прочіе крестьяне« [1]). Въ порядной крестьянъ Вяжицкаго монастыря условія еще сложнѣе: »порядился въ крестьяне на деревню на Высокое, на обжу на льготу на четыре лѣта; нынѣшняго 998 года поставити намъ на той Николины деревни на Высокомъ два дворы крестьянскіе, мнѣ Жданy поставити изба трехъ саженъ наземная, да противо клѣть, да два хлѣва, да межи хлѣвовъ два пристѣна; а мнѣ Кирилы на другомъ дворѣ поставити изба трехъ сажепъ наземная, да противо клѣть, да два хлѣва, да межи хлѣвовъ два пристѣна. А пріити намъ жити на ту деревню въ 99 году на Николинъ день на вѣшной, и пришедъ намъ на ту деревню на Высокое въ тѣ свои поставленные дворы, пашня роспахать, и поля расчистити, и городьба около поль городити и луги расчистити. А жити намъ въ льготѣ на той деревни съ Николина дня вешняго впередъ четыре годы, а въ тѣ льготные годы монастырскіе хлѣбные дани и денежныхъ оброковъ ничего не давати и государевыхъ намъ податей въ тѣ во льготные лѣта своей пажни со обжи ни какихъ не платити, и монастырскаго никотораго дѣла не дѣлати. Да намъ же пожаловалъ игуменъ съ братьею на роспашку, на тѣ льготные лѣта къ пашни другую обжу пустую, а въ тѣ намъ во льготные лѣта изъ тое обжи въ монастырскую казну хлѣбные дани и денежныхъ оброковъ не давати ничего; а какъ тѣ льготные годы отойдутъ, и намъ въ монастырь давати послѣ льготныхъ лѣтъ своей пашни со обжи пятой снопъ изо всякаго хлѣба, а та намъ роспашная пашня послѣ льготныхъ лѣтъ, которую намъ игуменъ пожаловалъ, въ монастырь игумену съ братьею отказати. А послѣ льготныхъ лѣтъ своей намъ съ пахотные обжи платити всякіе государевы подати съ волостью вмѣстѣ. А не поставимъ мы на той пустоши по своему договору и по записи дву дворовъ крестьянскихъ или не пойдемъ жити на Николину деревню на Высокое; и игумену съ братьею взяти на насъ за дворовое поставленье и за роспашку десить рублевъ Московская по сей рядной записи« [2]).

[1]) Тамъ же № 182.
[2]) Тамъ же № 186.

О мѣнѣ и продажѣ крестьянскихъ участковъ мы находимъ извѣстіе въ уставной грамотѣ крестьянамъ села Пузырева: »волно вамъ межъ себя дворы и землями мѣняти и продавати, доложа приказщика; а кто продастъ свой жребій или промѣнитъ, и приказщику имать намъ явки мѣноваго съ обѣихъ половинъ на монастырь полполтины« [1]). Говоря о крестьянахъ общинникахъ, мы указали на тотъ фактъ, что отъ новожильцевъ требовалась иногда порука; то же самое примѣнялось иногда по отношенію къ новожильцамъ владѣльческихъ имѣній. За новожильцевъ ручались или въ томъ, что они будутъ исправно выполнять принятыя на себя обязательства: »поручились есмя по Иванѣ по Миніевѣ сынѣ, въ томъ, что онъ порядился у Прилуцкаго монастыря у казначея у старца Сергія въ монастырской вотчинѣ въ селѣ Богородицкомъ жити въ крестьянѣхъ на пашенной землѣ на полулугѣ нынѣшняго 93 года марта въ 25 день. А живучи мнѣ Ивану въ томъ селѣ въ Богородицкомъ, земля пахати и огороды городити, и дворъ починивати, издѣлье монартырское дѣлати, и подати платити, и монастырскій оброкъ по книгамъ платить.... А не учну язъ Иванко за Прилуцкимъ монастыремъ въ томъ селѣ Богородицкомъ жити и пашни пахати... и на мнѣ на Иванкѣ и на моихъ поручникѣхъ взяти старцу Сергію въ казну пять рублевъ денегъ, а на то послуги Аврамей Онофріевъ, да Иванъ Архиповъ« [2]),... или въ томъ, что они не станутъ заниматься разбоями, воровствомъ и т. п. противузаконными дѣлами, примѣры которымъ можно видѣть въ нѣсколькихъ грамотахъ [3]). Въ имѣніяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ существовали особыя уставныя грамоты, которыми землевладѣлецъ опредѣлялъ отношенія своихъ крестьянъ и къ своей личности, и къ землѣ. Образцомъ грамотъ этого рода послужили грамоты, которыя цари давали царскимъ крестьянамъ и даже нерѣдко помѣщичьимъ крестьянамъ. До насъ дошло нѣсколько такихъ грамотъ, по духу

---

[1]) Ак. Ар. Эк. т. I, № 258.

[2]) А. Юр. 1838 г. № 290. Подобная тамъ же № 292.

[3]) Такъ въ одномъ мѣстѣ крестьяне насильно отняли у владѣльца дворъ и землю (тамъ же № 23, еще № 20; А. Ю. 1857 г. № 55—II), въ другомъ мѣстѣ совершили наѣздъ и грабежъ (А. Юр. 1838 г. № 17, 46; Д. къ А. И. т. I, № 51—XV); тамъ крестьянинъ Шестунъ дѣлаетъ угрозы (А. Ю. 1838 г. № 47), а тамъ крестьянинъ Жукъ сожигаетъ деревню (тамъ же № 10); тамъ опять крестьянинъ отсидѣлъ льготные годы и не хочетъ нести повинностей (А. И. т. I, № 134) и проч.

совершенно похожихъ одна на другую, хотя содержаніе ихъ не вездѣ одинаково. Древнѣйшая изъ уставныхъ грамотъ XVI в. относится къ 1506 году; она дана в. к. Василіемъ III Переяславскимъ рыболовамъ [1]). Позднѣйшая относится къ 1593 году и составлена для крестьянъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря [2]). Въ промежутокъ времени отъ 1506 до 1593 года входитъ около двадцати такихъ грамотъ, не считая губныхъ, во многомъ имѣющихъ сходство съ ними, и, вѣроятно, ихъ издано было гораздо больше, но онѣ или не дошли до насъ, или до поры до времени сокрыты въ нашихъ архивахъ. Во всѣхъ этихъ грамотахъ говорится почти объ одномъ и томъ же, а именно: о томъ, какой кормъ можетъ требовать отъ крестьянъ намѣстникъ, волостель, ловчій, доводчикъ, тіунъ и праветчикъ, кому принадлежитъ судъ надъ крестьянами и какъ онъ долженъ производиться, о государственной повинности, о царскихъ гонцахъ, о пирахъ и братчинахъ и о торговлѣ; въ нѣкоторыхъ же прибавлено: »а безъ старостъ и лучшихъ людей не судити«, или о томъ, что крестьяне совершенно освобождаются отъ суда намѣстниковъ и волостелей. Вотъ подлинныя слова нѣкоторыхъ изъ нихъ: »на взъѣздѣ волостелю со всѣхъ дворовъ рыболовлихъ дадутъ полтину;.... а судитъ ихъ во всемъ волостель стольнича пути, или его тіунъ; а праветчики и доводчики поборовъ у нихъ не беруть; а съ черными людьми съ городскими не тянутъ ни въ какіе проторы ни въ разметы. А кто иметъ рыбу ловити на моемъ озерѣ.... и тѣ всѣ потянутъ въ мою поварню.... А даютъ мнѣ великому князю оброкъ, на мой дворецъ, съ году на годъ, по книгамъ, по новому письму...; а на поледной ловлѣ ловятъ на дву намѣстниковъ, по ночи на намѣстника, а на волостеля ловятъ ночь на поледной же ловлѣ« [3]). »Имати у васъ (т. е. у крестьянъ села Пузырева) оброкъ хлѣбной съ 33 вытей, на годъ съ выти по четыре четверти ржи, да четыре четверти овса въ новую въ городскую мѣру; да съ тѣхъ же вытей на годъ съ выти, на госпожинъ день, по сыру по сухому, а не любъ сыръ, и за сыръ двѣ денги, да въ осень на Покровъ св. Богородицы 50 яицъ, да по хлѣбу и по калачу. А пашню пахать на монастырь въ селѣ Никольскомъ, а сѣяти сѣмены монастырскими, съ выти по четверти ржи,

---

[1]) А. Ар. Эк. т. I, № 143.
[2]) Тамъ же № 357.
[3]) Тамъ же № 143.

да по двѣ четверти овса А похощетъ приказщикъ сѣяти жито, или пшениду, или горохъ, или гречю или ленъ; и крестьяномъ то пахати, на которыхъ десятинахъ приказщикъ излюбитъ. Такоже волостью на приказщика и на слугу и на доводчика крестьянамъ рожь на хлѣбы и солодъ на квасъ молоти. Да съ тѣхъ же вытей съ выти привозити на монастырской дворъ по два возы дровъ да поленныхъ, по третьему возу сосновыхъ дровъ на квасы, да по 10 поленъ лучины. А повозъ везти къ Вологдѣ съ выти по лошади, а на лошадь везти по четыре четверти ржи, а овса по 6 четвертей... а везти на тѣхъ же конѣхъ на выть по полутретьядцати пудовъ соли; а пшенина, и горохъ и сѣмя, и крупа запарная и головно, класти противъ ржы, а солодъ и гречневая крупа класти на лошадь по пяти четвертей;... а не лучится крестьяномъ котораго году повозъ везти, ино на нихъ взяти за подводу по четыре гривны Московскую. Такожъ и доводчику имати своя пошлина... съ тридцати вытей и съ трехъ вытей, съ выти праздничныхъ кормовъ: на Великъ день двѣ денги Московская, а на Петровъ день такоже двѣ денги Московская, а на Рождество Христово четыре денги Московская.... А дворъ монастырской и гумна крестьяномъ подѣловати, и которые хоромины пристарѣютъ и въ тѣхъ хоромъ мѣсто новые хоромы ставити. И приказщика слушати во всемъ, и на монастырское дѣло ходити на солнечномъ всходѣ, какъ десятской вѣсть подастъ. А кто не придетъ, на томъ заповѣди приказщику двѣ денги. А коли приказщикъ позоветъ на монастырское дѣло крестьянъ въ честь, сверхъ уроннаго дѣла, и кто придетъ и приказщику тѣхъ людей кормити монастырскимъ хлѣбомъ. А у которыхъ крестьянъ въ поляхъ рощици, и имъ тѣхъ рощиць беречи...« [1])— »кто будетъ нашъ приказщикъ въ селѣ Харитоновѣ и ему имати на три праздники (см. выше) съ выти по двѣ деньги, а выводные куницы имати по полутретья алтына да новоженной алтынъ. А ѣзду на крестьянахъ не имати... А сторожей крестьяномъ на монастырской дворъ наймовати отъ Юрьева дня осенняго до Юрьева дни вешняго...« [2]) »Къ нимъ дворцовымъ старцомъ не въѣзжати, оброковъ на нихъ монастырскихъ денежныхъ, и дымного, и масленого, и овчинъ, и холстовъ не имати, и камени и извести въ монастырь не возити и дровъ въ монастырь не сѣчи,

---

[1]) Тамъ же № 258.
[2]) Тамъ же № 348.

ни возити, опричью государева дѣла;... а пашни есмя велѣли вамъ пахати на монастырь на выть по пяти десятинъ....« [1])—»А платити имъ государева оброку, сказано въ уставной грамотѣ крестьянамъ Умбской волости, что мы даемъ съ тое Умбскіе чети волости съ своихъ угодей полтретьядцать рублевъ...., да двороваго оброку давати имъ съ двора по двѣ гривны...« [2])—»Давати старостамъ и крестьяномъ на три праздники, на Великъ день, да на Петровъ день, да на Рожество Христово... съ выти по двѣ денги, да на Великъ же день... съ выти по 10 яицъ; да на Петровъ день по сыру, да по 10 яицъ съ выти, да на Успеньевъ день по томужъ...« [3])—»И кто въ монастырскихъ селѣхъ учнутъ жити слугъ и крестьянъ, сказано въ уставной грамотѣ Новинскому монастырю, и крестьянамъ пахати на монастырь подъ рожъ по полуторѣ десятины и навозъ возити на монастырскую пашню, сколько въ которомъ селѣ будетъ, сѣно косити, сколько въ которомъ селѣ будетъ, и на монастырь и на монастырской дворъ возити... Да имъ же молоть ржи монастырской по двѣ четверти на выть; да имъ же на монастырь возити по три возы дровъ, да по берну трехсаженного лѣсу на кельи..... А который крестьянинъ ослушается въ каковѣ монастырскомъ дѣлѣ; и игумену на ослушникѣ велѣти приказщику взяти гривну въ монастырскую казну, а ослушника послати на монастырское дѣло. А который крестьянинъ овинъ пожжетъ съ монастырскимъ хлѣбомъ безхитростно; и на томъ крестьянинѣ хлѣбъ не взяти, а овинъ ставити волостью... Да во всѣхъ селахъ и деревняхъ монастырскимъ крестьянамъ межъ себя дворовъ, а хоромы имъ въ тѣхъ мѣсто, которые обветшаютъ новые хоромы и городьбы городити....« [4]) »Оброкъ есмя за волостелины доходы и за присудъ и за всѣхъ волостелиныхъ пошлинныхъ людей пошлины.... велѣли положити на годъ денгами по триста по осминадцати рублевъ и по четыре алтына съ денгою, да пошлинъ съ того оброку съ рубля по два алтына....« [5]) Въ другой грамотѣ оброкъ назначенъ въ полторы тысячи рублей, »а сверхъ намѣстнича оброка платити за бѣлку и за горностали, и ямскіе пищалные и полоняничные денги, и иные оброки по писцовымъ книгамъ, и по сохамъ давати, и городовое дѣло

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же № 351.
[3]) Тамъ же № 357.
[4]) Времен. № 2.
[5]) А. Ар. Эк. т. I, № 243.

дѣлати, и всякіе тягла тянути и подати давати по старинѣ« [1]). Болѣе точнымъ и подробнымъ образомъ опредѣлялась величина оброка по сошному письму, гдѣ былъ записанъ каждый хозяинъ, что можно видѣть изъ писцовыхъ книгъ [2]).

Вопросъ о землѣ въ русской исторіи сталъ въ такую тѣсную связь съ вопросомъ о государственныхъ финансахъ, что говоря о первомъ, нельзя пройти молчаніемъ втораго.

Крестьяне, въ какой бы волости ни жили, въ общинной или во владѣльческой, несли на себѣ разныя натуральныя повинности и платили подати. При раскладкѣ и взносѣ податей сообразовались съ писцовыми книгами, въ которыя заносилось каждое отдѣльное хозяйство, имя хозяина и количество слѣдуемой платы. За пустые дворы и за пустыя земли подать не взималась, какъ уже было замѣчено выше. Писцовыя книги составлялись писцами, которые состояли на государственной службѣ и которыхъ обязанностью было ѣздить въ указанные сроки по ввѣреннымъ ихъ надзору волостямъ и ревизовать крестьянскія хозяйства и земли; тѣ земли, которыя найдены пустыми, записывались въ разрядъ пустыхъ, а тѣ, которыя въ періодъ времени отъ одной ревизіи до другой заселились, были заносимы въ разрядъ жилыхъ. Такъ въ Новгородской писцовой книгѣ, составленной въ 1495 г. не разъ сказано: »въ такомъ-то погостѣ такой-то деревни по старому письму деревень столько-то, а дворовъ въ нихъ столько-то, а людей столько-то, а обежъ столько-то; а стараго дохода денгами столько-то; а убыло деревень, или дворовъ, людей и обжъ столько-то; а по новому письму столько-то деревень, дворовъ, людей, обжъ и сохъ и дохода столько-то«.

Всѣ переписанныя волости платили почти одинаковую подать; разница была незначительна. Такъ, по словамъ Бѣляева [3]), въ Новгородской переписной окладной книгѣ 1500 года изъ пятнадцати одинаковыхъ крестьянскихъ хозяйствъ, три хозяйства платили каждое по барану, по пяти горстей льну и по трети изъ хлѣба; два хозяйства каждое по барану, по полти мяса, по девяти горстей льну, по четверти изъ хлѣба, по куриці, по коробьѣ жъ хмѣлю; два хозяйства, каждое по гривнѣ деньгами, по бочькѣ пива, по пяти горстей льну, и по четверти

---

[1]) Тамъ же № 234. Еще: № 150, 181, 183, 268 и др.
[2]) Напр. Новгород. писцовая кн. изд. 1859 г. Спб.
[3]) Крест. на Руси, стр. 95.

изъ хлѣба; три хозяйства, каждое по барану, по пяти горстей льну и по половинѣ изъ хлѣба; одно хозяйство по 6 денегъ, по 2 коробьи овса; одно хозяйство по 3 гривны деньгами и по 3 коробьи хлѣбовъ; одно хозяйство по барану, по 10 горстей льну и треть изъ хлѣба; одно хозяйство по семи денегъ, по овчинѣ, по 3 сыра, по пять горстей льну и треть изъ хлѣба и одно хозяйство по 7 денегъ, полбочки пива, блюдо масла, сыръ и четверть изъ хлѣба.

Что же касается другихъ повинностей, то во-1-хъ, они различались по волостямъ; въ тяглыхъ были большею частью не такія, какъ во владѣльческихъ, и во-2-хъ, во владѣльческихъ волостяхъ они отправлялись частью на помѣщика, частью на государство и его представителя; въ тяглыхъ же волостяхъ только на государство и рѣдко-рѣдко на личныя царскія потребности. Государственныя и царскія повинности состояли въ слѣдующемъ: а) крестьяне должны были идти на войну или, по выраженію того времени, на царскую службу, б) составлять крѣпостной гарнизонъ, в) отправлять городовую стражу, г) содержать почтовыхъ лошадей, д) исправлять казенные тракты, е) ловить и содержать для царя бобровъ, соколовъ. Что же касается владѣльческихъ повинностей, то мы уже знакомы съ ними изъ уставныхъ грамотъ [1]). Такъ какъ при свободномъ переходѣ крестьянъ государство могло терять, поэтому Судебникъ опредѣлилъ, что »по кои мѣста была рожъ въ его земли, и онъ подать цареву и великаго князя платитъ со ржи;« если же крестьянинъ отдавалъ себя въ холопство, то и тогда на немъ не пропадали казенныя подати. »А который крестьянинъ съ пашни продастся кому въ полную въ холопи, а который хлѣбъ его останется

---

[1]) Въ половинѣ XVI стол. были предприняты важныя мѣры для того, чтобъ ограничить переходъ тяглыхъ земель во владѣльческія. Эти мѣры касались главнымъ образомъ духовенства, такъ какъ земли имѣли сильную тенденцію перейти въ его руки. Сначала появилось запрещеніе пріобрѣтать села и деревни безъ царскаго доклада, а потомъ составленъ соборный приговоръ, по которому духовенству не только запрещено вновь пріобрѣтать земли (»а митрополиту и владыкамъ или монастыремъ земель не покупати, и въ закладѣ не держати; а кто послѣ сего уложенья купитъ землю или закладную учнетъ за собою держати, и тѣ земли имати на государя«), но даже опредѣлено отказаться въ пользу казны отъ тѣхъ, которыя были пожалованы ему служилыми князьями, и отъ тѣхъ, которыя находились у него въ залогѣ. См. А. Ар. Эк. т. I, № 227 и 308.

въ земли, и онъ съ того хлѣба подать цареву и великого князя платитъ, а не похочетъ подати платити и онъ своего хлѣба земленаго лишенъ«[1]).

Намъ извѣстно изъ предъидущаго, что правительство XVI в. стремилось къ уравненію положенія крестьянъ владѣльческихъ съ тяглыми и рядомъ законодательныхъ мѣръ, приведенныхъ выше, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ достигло своей цѣли. Крестьяне этихъ мѣстностей, подобно крестьянамъ тяглыхъ волостей, въ юридическомъ отношеніи, считались совершенно равными другъ другу, не взирая на имущественную разницу, которая произвела дѣленіе на бо́льшихъ, среднихъ и меньшихъ. Всѣ они, не исключая и козаковъ, принимали одинаковое участіе въ управленіи, всѣ одинаково участвовали въ выборахъ на общественныя должности, всѣ имѣли въ нихъ право голоса и всѣ были выбираемы въ должности, что можно видѣть въ нѣсколькихъ грамотахъ. Въ одной изъ нихъ напр. выразительно сказано: »какъ лучится у васъ разрубъ въ волости, и вы-бъ выбрали въ Сумѣ изъ бо́льшихъ изъ лучшихъ людей два человѣка и изъ среднихъ людей два человѣка, а изъ меньшихъ людей два человѣка, а изъ козаковъ два человѣка; да тѣ бы восемь человѣкъ сидѣли у васъ въ окладѣ и окладывали бы земскихъ людей...« Имущественное различіе не мѣшало имъ заключать между собою разныя сдѣлки и судиться на началахъ полнаго равенства. Это вело къ упроченію связи между ними тѣмъ болѣе, что каждый крестьянинъ находился въ зависимости отъ своей общины, т. е. отъ другихъ крестьянъ: крестьянское общество давало землю и защиту каждому изъ своихъ членовъ.

Обращаясь теперь къ вопросу о внутреннемъ устройствѣ крестьянскихъ обществъ XVI в., припомнимъ, что постановлено въ Судебникѣ Ивана III. Тамъ постановлено, чтобы на судѣ намѣстниковъ непремѣнно присутствовали старосты, дворскіе и лучшіе люди отъ волостей; но такъ какъ намѣстники и волостели обходились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безъ представителей крестьянства, то царскій Судебникъ опредѣлилъ, чтобы непремѣнно вездѣ, по всей русской землѣ, были старосты и цѣловальники. Съ тѣхъ поръ присутствіе ихъ въ волости и участіе въ намѣстничьемъ судѣ сдѣлалось явленіемъ обыкновеннымъ. Мало того: послѣ 1550 года вездѣ, гдѣ только крестьяне изъявляли желаніе, намѣстники были отстраняемы и ихъ права передавались представителямъ

[1]) Ст. 88.

крестьянскихъ обществъ, губнымъ старостамъ, излюбленнымъ головамъ и цѣловальникамъ. Такимъ образомъ утверждалась автономія крестьянъ. Въ чемъ же она состояла? Она состояла во 1-хъ въ томъ, что крестьянское общество получало право заботиться объ увеличеніи общинныхъ земель посредствомъ разныхъ мѣръ, какъ-то: расчистки пустырей, купли и мѣны однихъ земель на другія, какъ это видно изъ розъѣзжей 1555 года: »отдали деревню Карпову волостные крестьяне на промѣнъ Кириллову монастырю противъ монастырскихъ земель« [1]). За тѣмъ при каждой попыткѣ нарушать ихъ право на землю, крестьяне могли обращаться къ суду царя и посредствомъ его защищать свое имущество, какъ это видно изъ многихъ правыхъ и судныхъ грамотъ, »билъ намъ челомъ ... Чюнейко Левонтьевъ во всѣхъ крестьянъ мѣсто..., а сказываетъ, что де въ тѣхъ станѣхъ деревни черные пусты.... и писцы де отдали тѣ деревни въ придачу дѣтямъ боярскимъ, а отъ черныхъ деревень сотнымъ письмомъ не росписали« [2]). Общество крестьянское заботилось также о заселеніи своихъ земель новожильцами, для чего оно высылало въ волости такъ-называемыхъ отказчиковъ, которые отъ имени общества вербовали желающихъ. Зазванные обязаны были безъ сопротивленія исполнять всѣ распоряженія своего новаго общества, а въ противномъ случаѣ подвергались отвѣтственности. »А кого чѣмъ окладчики обложатъ земскихъ людей и козаковъ, сказано въ уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря (1564 г.), и тѣбъ люди платили одноконно безъ всякаго перевода и смущенья. А кто упрямится не учнетъ платити; и вы бы у тіуна просили доводчика и велѣли на тѣхъ людей на ослушникѣхъ одноконно безъ всякаго переводу, доправливати безсрочно, кого чѣмъ обложатъ« [3]). Обществу принадлежало право раскладки государственныхъ податей и повинностей. Для этой цѣли оно получило право выбирать изъ среды своей старостъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ. Послѣ избранія въ должность, эти лица приводились къ присягѣ и за тѣмъ вступали въ отправленіе своей обязанности, которая состояла въ томъ, чтобы составить списокъ лицъ, принадлежащихъ обществу, и ихъ имуществъ, и сообразно съ имуществомъ каждаго (по выраженію того времени »по животомъ и про-

---

[1]) А. Юр. 1838 г. стр. 168.
[2]) Доп. къ А. И. т. I, № 59.
[3]) А. Ар. Эк. т. I, № 268.

мысломъ«) производить волостные разрубы и розметы. Они же условливались съ другими волостями, которыя по сбору податей тянули съ ними, какъ разложить эти подати. Примѣромъ подобныхъ условій можетъ служить слѣдующая грамота: »Се азъ Иванъ Герасимовъ сынъ, да язъ Первой Ивановъ сынъ Шебановъ... и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Воскресенскаго приходу и Покровскаго и Ширыхаловы слободы помирилися есма полюбовно съ старостою Климомъ Ивановымъ сыномъ Частиковымъ, да съ Яковомъ Ивановымъ сыномъ Ивашевымъ и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Тавренской волости Ильинского приходу въ томъ, что дали мы предъ выборного судью на Таврежанъ въ новой пустотѣ челобитную, съ которые идетъ въ государеву дань и оброкъ восмьдесятъ рублевъ съ полтиною; и мы счетчи съ Таврежаны приняли на свой Воскресенской и Покровской приходъ изъ Тавренскіе пустоты къ своей низовой пустотѣ Бережную деревню со всѣми угодьями.... а въ ней обжа. А что осталось въ нашей волости въ Тавренской, въ Ильинскомъ приходѣ пуста семь обежъ; и намъ къ себѣ въ ту пустоту впредъ Воскресенскаго и Покровскаго приходу не притягивати ни въ которые разрубы. А намъ Воскресенскому и Покровскому приходу Таврежанъ Ильинского приходу въ свою нижнюю пустоту и въ Бережную обжу, что приняли у Таврежанъ, не притягивати ни въ которые разрубы, а изъ ихъ изъ осми обжъ намъ у нихъ не принимать« [1]). Они же по вопросамъ о землѣ и податяхъ входили во всякія сношенія съ верховною властью. Такъ напр. въ жалованной грамотѣ Вятчанамъ Шестаковскаго городка сказано: »мнѣ били челомъ, Якушъ Онтоновъ, да Васюкъ Игнатьевъ сынъ Дурневъ, а сказывали, что.... грамота у нихъ деи жаловалная слободская и лготная была.... съ Слобожаны было имъ не тянути ни въ которые протори ни въ розметы.... а Слобожаны деи на нихъ свои протори и розметы емлютъ.... и мнѣ-бъ Вятчанъ Шостаковскаго городка пожаловати, дати бы имъ своя грамота жаловалная....« [2]) или: »се язъ царь пожаловалъ есми Глотовы слободки крестьянъ Нестерка Онтонова и всѣхъ крестьянъ Глотовы слободки. Что намъ били челомъ тотъ Нестерко Онтоновъ и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Глотовы слободки, а сказали: напередъ сего платили они съ Глотовы слободки.... всего по двадцати

---

[1]) А. Юр. 1838 г. № 272.
[2]) А. Ар. Эк. т. I, № 210.

по пяти рублевъ съ полтиною; и нынѣ имъ Вычегжане и Вымичи и Сысоличи велятъ всякіе подати платить съ собою вмѣстѣ, сбавя съ себя... И азъ царь Глотовы слободки крестьянъ... пожаловалъ.... а съ Вымичи и съ Сысоличи и съ Вычегжаны имъ ни въ какіе подати не тянути ничѣмъ...« [1]) Эти выборные, совмѣстно съ губными старостами, въ вѣдѣніи которыхъ находились собственно уголовныя дѣла, считались состоящими на государственной службѣ и посылались для утвержденія въ разбойный приказъ: »и тѣхъ крестьянъ и дьяковъ и крестьянъ для крестного цѣлованія прислати къ Москвѣ въ разбойной приказъ« [2]). Хотя утвержденіе ихъ зависѣло отъ центральнаго правительства, но отвѣтственны они были предъ избравшими ихъ крестьянами до того, что крестьяне даже могли казнить ихъ смертною казнью за неправедный судъ: »а учнутъ излюбленные судьи судити не прямо по посуломъ, а доведутъ на нихъ то, и излюбленныхъ судей въ томъ казнити смертною казнью« [3]) или: »А учнутъ тѣ выборные старосты и цѣловальники судити не прямо и другу въ судѣ учнутъ норовити, а недругу мстити, и посулы и поминки имать, и нашего царьского и земского дѣла по нашему крестному цѣлованью не учнутъ беречи и правити по нашему уложенью, и учинится каково лихо ихъ хитростью или небереженьемъ, а доведутъ на нихъ и уличатъ ихъ въ томъ, тѣхъ судей и цѣловальниковъ казнити смертною казнью безъ отпросу, а животы ихъ и сстатки взяти да роздати истцемъ, а досталъ тѣмъ людемъ, кто на нихъ доведетъ« [4]). При такомъ широкомъ объемѣ власти, крестьянская община, конечно, не стѣснялась, когда представлялась надобность низложить выборныхъ и замѣнить ихъ новыми лицами. »И будетъ Колмогорцы посадскіе люди и волостные крестьяне похотятъ выборныхъ своихъ судей перемѣнити, и Колмогорцомъ посадскимъ людемъ и волостнымъ крестьяномъ всѣмъ выбирати лутшихъ людей, кому ихъ судити и управа межъ ими чинити« [5]).

Кромѣ чисто экономическихъ вопросовъ, въ рукахъ общинъ находилась еще полицейская власть, которую отправляли тѣ же выбор-

---

[1]) Тамъ же № 350.
[2]) Тамъ же № 330.
[3]) Тамъ же № 257.
[4]) Тамъ же № 242 и 243.
[5]) Тамъ же № 251.

ные. Они обязаны были знать всѣхъ крестьянъ, живущихъ въ волости какъ постоянно, такъ и временно, имѣть свѣдѣнія о пріѣзжихъ, наблюдать, чтобы все было тихо и спокойно, чтобы не было татей разбойниковъ, игроковъ (скомороховъ и костарей), и если замѣтятъ подозрительнаго человѣка, то должны или представить его намѣстнику, или просто удалить изъ волости (»а которые торговые пріѣзжіе люди въ ихъ селѣхъ и деревняхъ учнутъ ставить для торговли, или проѣзжіе люди для ночлеговъ; и крестьяномъ тѣхъ людей, къ кому кто пріѣдетъ, или пришлый человѣкъ, кто у кого учнетъ жити въ наймитѣхъ для пашни, и тѣмъ всѣмъ людемъ по пріѣзжихъ людей и по прихожихъ являть приказщикамъ, и старостамъ, и цѣловальникамъ, и сотцкимъ и пятидесятскимъ. А сотцкимъ, пятидесятскимъ и десятскимъ тѣхъ людей осматривати, кто къ кому и для чего пріѣдетъ. А будетъ которые люди въ села и въ деревни учнутъ къ кому пріѣзжати недобрыми дѣлы, и у которыхъ крестьянъ прихожіе люди живучи учнутъ воровати, красть, разбивать; и приказщикамъ и старостамъ, и цѣловальникамъ, и сотскимъ, и пятидесятскимъ и всѣмъ крестьяномъ, тѣхъ людей имати, и прочихъ сыскивати, и указъ чинити« [1]). Они наблюдали также, чтобы никто не занимался корчемствомъ и чтобы народъ соблюдалъ праздничные дни; вообще, имъ принадлежалъ верховный надзоръ за общественною нравственностью [2]).

---

[1]) Тамъ же № 330. Тоже самое можно найти почти во всякой губной грамотѣ.

[2]) Такъ напр. въ Тавренской волости было постановлено: »Се азъ староста Тавренскіе волости Антонъ Ивановъ сынъ, да Яковъ Ивановъ сынъ Ивашевъ, да Василій Юрьевъ сынъ, кузнецъ... и всѣ крестьяне Тавренскіе волости Ильинскаго приходу, обговорились сами межъ собою, по благословенію отца своего духовнаго Ильинскаго священника Ефрема Иванова сына, и учинили заповѣдь на три годы, отъ рождества Николы Чудотворца Августа въ 23 день, до того-жъ рождества Николы Чудотворца Августа въ 23 день, что намъ въ праздникъ Воскресенія Христова (обыкновенное воскресеніе) дѣла не дѣлати никакого чернаго, ни угодья въ воскресеніе Христово не угодовати, ни паснаго, ни силоваго, ни бѣлки не лѣсовати.... а въ пятницу ни толчи, ни молотити, ни каменія не жечи, проводити съ чистотою и любовію; ни женамъ въ воскресенье Христово ни шити, ни брати. И кто въ нашей Тавренской волости сію заповѣдь порушаетъ, станетъ въ воскресеніе Христово дѣло дѣлати, каково ни есть, что въ сей грамотѣ писано, и доведутъ его людьми добрыми, и на томъ заповѣди

Независимо отъ администраціи и полиціи, крестьяне пользовались правомъ собственнаго суда. Судопроизводствомъ занимались тѣ же выборные люди, причемъ наблюдалось, чтобы судья, хотя-бы это былъ намѣстникъ или помѣщикъ, не прежде приступилъ къ суду надъ крестьяниномъ, какъ послѣ извѣщенія объ этомъ крестьянскаго общества. На сколько былъ распространенъ этотъ обычай, мы не рѣшаемся утверждать, но крайней мѣрѣ есть свѣдѣнія о томъ, что онъ существовалъ въ нѣкоторыхъ общинахъ. Такъ напр. онъ встрѣчается въ Сумской волости, принадлежавшей Соловецкому монастырю. »А посылати вѣсть биричу Сумскому къ десятскимъ, а кого пошлетъ, и тому ведѣти явитися прикащику, да священнику, да волощанину, спору для, да десятскому дѣло свое сказати, по что пришелъ, а по деревнямъ биричу Сумскому вѣсти не посылати« [1]). Открывши судъ, выборные люди обращались обыкновенно словесно къ истцу и отвѣтчику и, выслушавши показанія какъ ихъ, такъ и ихъ свидѣтелей, по достаточнымъ уликамъ присуждали то или другое наказаніе, смотря по винѣ (»кто чего достоинъ«) и за тѣмъ отдавали обвиненнаго обществу для исполненія надъ нимъ приговора. Приговоръ этотъ, какъ мы видѣли, могъ простираться даже на жизнь преступника.

Таковъ былъ характеръ власти, предоставленный крестьянскимъ обществамъ Московскими царями въ теченіе XVI столѣтія.

Въ областяхъ Западной Россіи мы встрѣчаемъ явленіе обратное тому, которое имѣло мѣсто въ восточной Руси. Противуположность явленій особенно рѣзко выступаетъ при сопоставленіи законодательствъ обоихъ государствъ. Законодательства Московскихъ царей стремились къ облегченію участи крестьянъ и, взявши ихъ подъ свое покровительство, препятствовали землевладѣльцамъ эксплоатировать ихъ. Въ законодательствѣ польско-литовскаго государства мы этого не находимъ. Защитою и покровительствомъ его пользуются преимущественно дворяне. Низшій же классъ народонаселенія, называемый на тогдашнемъ языкѣ поспольствомъ (посполитыми людьми) и кметами, былъ, собственно говоря, безправнымъ. Такъ смотрѣли на него короли-зако-

---

доправить сотцкому, по мірскому уложенью, кто будетъ сотцкой въ Тавренской волости, восьмъ алтынъ денегъ на церковное строенье, а двѣ деньги соцкому, кой станетъ правити.« Ак. Юр. 1838 г. № 358.

[1]) А. Ар. Эк. т. I, № 269.

нодатели, такъ смотрѣло на него высшее сословіе; сами же крестьяне смотрѣли на себя, какъ на людей, которые должны пользоваться правомъ свободы и потому стремились добиться признанія своихъ правъ. Жители городовъ и мѣстечекъ раньше жителей селъ достигли нѣкоторыхъ правъ и это потому, что они развили въ себѣ торговый и вообще промышленный духъ и, благодаря духу предпріимчивости, успѣли выхлопотать у правительства право на нѣкоторую долю самоуправленія, которая выразилась въ такъ-называемомъ Магдебургскомъ правѣ. Въ силу этого права часть крестьянъ отдѣлилась отъ общей массы и составила сословіе горожанъ или, вѣрнѣе, мѣщанъ; съ тѣхъ поръ крестьянское сословіе ограничилось сельчанами - земледѣльцами. Давая привиллегіи городамъ и мѣстечкамъ, польско - литовское правительство въ то же время стѣсняло сельчанъ. Еще во второй половинѣ XV в. король Казимиръ IV рѣшительно запретилъ крестьянамъ переходить съ одной земли на другую и даже назначилъ жестокое наказаніе тому, кто рѣшился-бы вызвать ихъ въ свое имѣніе. »А который будетъ люди выводити, а любо челядь неволную, а ухватятъ съ лицомъ, того на шибѣницю« (т. е. на висѣлицу) [1]). По смыслу этого закона каждый крестьянинъ, перешедшій жить на другое мѣсто, считался бѣглымъ и мѣстныя власти обязаны были представлять его на прежнее мѣсто жительства. Такая разница въ понятіи о крестьянскомъ переходѣ въ двухъ половинахъ Русской земли произошла отъ того, что польско-литовское правительство отрицало крестьянъ-общинниковъ и крестьянскія общинныя земли. Всѣ земли, населенныя крестьянами, оно раздѣлило на два разряда: 1) королевскія земли и 2) помѣщичьи. Въ слѣдствіе этого и крестьяне раздѣлились на крестьянъ королевскихъ волостей и крестьянъ волостей помѣщичьихъ. Какъ тѣ, такъ и другіе считались крѣпостными. Выраженіемъ этого крѣпостничества служитъ:

а) Изданіе самими помѣщиками инвентарныхъ правилъ, по которымъ опредѣлялось, сколько дней въ недѣлю крестьяне должны были работать на помѣщика, сколько копъ разнаго хлѣба, сколько масла, куръ, яицъ и т. п. и сколько денегъ должны были взносить въ экономію. Такъ какъ инвентари зависѣли совершенно отъ помѣщика, а не отъ центральной власти, то поэтому они не имѣютъ общей нормы

[1]) Судебникъ Казимира 1468 г. въ А. З. Р. т. I, № 67.

и разнообразятся, смотря по мѣстности. Такъ напр. изъ описи имѣній Берестовицкаго и Росскаго и замка Зубовскаго, принадлежавшихъ въ 1569 г. Ходкевичамъ [1]), мы узнаемъ, что »у селѣ Красномъ всихъ волокъ осѣлыхъ 31, въ томъ селѣ на службѣ тяглой волокъ 22; съ тыхъ повинность: на каждой недѣли повинни робити по 2 дни, цыншу платять съ волоки по грошей 42, по бочцѣ жита, по бочцѣ овса, по гуси, по курицы, по 10 яецъ зъ волоки. Конныхъ волокъ 4 и полъ, съ которыхъ платять по грошей 92, по бочцѣ жита, по бочцѣ овса, и тые всѣ подачки повинни полнити яко иншые, одно службы тяглое служити не повинни, кромѣ на годъ толокъ 4, а бочку жита на земли панской посѣять, самому узоравши. Въ томъ же селѣ телешъ, войтъ тивунъ, рыбакъ на службахъ дворовыхъ ничого платить не повинни. Подъ тымъ же селомъ моркгу платять по грошей 3, а сѣножатныхъ моркговъ 7 и полъ, съ тыхъ платять по грошей 4, пенезей 5« [2]). Въ дворцѣ Зубовскомъ »всихъ волокъ осѣлыхъ 26 и полъ волоки, на службѣ тяглой волокъ 25 и полъ, волока копная 1, а пустыхъ волокъ 5. Съ тыхъ волокъ повинность: на кождой недѣли робить винни по 3 дни, цыншу зъ волоки по грошей 22, по бочцѣ жита, по бочцѣ овса, по гуси, по курицы по 10 яецъ, а съ конное волоки дасть грошей 92. Огородниковъ 11, повинность ихъ въ каждой недѣли два дни служити, цыншу съ каждого по грошей 8« [3]). Въ инвентарѣ села Пощельникъ Оршанскаго повѣту было постановлено: »повинность тыхъ всѣхъ подданныхъ, на службахъ мѣшкаючихъ; при отданью цыншу маютъ давать вепровщины грошей двападцать, вепра одного, овса краковку, жита краковку, сѣна возъ, гусь одну, курыцу одну, яецъ десять, ильну тертаго десятокъ одинъ; а на работу въ каждой недѣли по три дни ходить маютъ« [4]). Бытынскіе крестьяне, принадлежавшіе Яну Хоткевичу, платили »съ каждое волоки по грошей 25, по бочцѣ овса, по возу сѣна, по гуси, по двою куровъ, по десети яецъ, по десятку ильну. Дань тежъ медовую давать повинни« [5]). Крестьяне села Гнойно обязаны были: »на каждую недѣлю робить по тры дни съ тымъ, съ чимъ бы имъ на роботу ити указано. Къ тому толокъ осьмъ: чотыре толоки

[1]) Ар. Сб. Вильно, 1867 г. т. IV, № 66.
[2]) Тамъ же стр. 232. Копа = 60 грош.; грошъ = 10 пенязь.
[3]) Тамъ же стр. 233.
[4]) Тамъ же стр. 302.
[5]) Тамъ же т. III, стр. 282.

орать и чотыры жать винни. Плату прошового въ каждый годъ съ кождое волоки по грошей 25, по бочцѣ овса, по возу сѣна, по гуси и по двою куровъ, по десети яецъ, по десятку ильну. Дань тежъ медовую давать повинни« [1]). Въ королевскихъ имѣніяхъ и въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ крестьяне переведены были на оброкъ, размѣръ котораго также былъ не одинаковъ.

б) Раздѣленіе земли на волоки не въ государственномъ интересѣ, какъ сохи московскаго государства, а въ помѣщичьемъ. Однѣ изъ волокъ были пашенныя, другія—выгоны, а третія—пустыя [2]).

в) Продажа людей съ землею. »Билъ намъ челомъ князь Иванъ Борисовичъ Глинскій.... штожъ король его милость далъ ему чотыри человѣки, въ Стародубскомъ повѣти, на имя Внучковичовъ, а Холѣевича а Кондратовича, которые-жъ люди первѣй того держалъ Васко Брыкъ....« [3])

г) Помѣщичій судъ съ правомъ наказывать крестьянина плетью[4]): »Говорилъ намъ намѣстникъ Путивльскій князь Богданъ Ѳедоровичъ, штожъ тамъ слуги и люди его въ Черкасѣхъ живутъ, и ты дей тые слуги и люди его судишъ и радишъ, и вины и пересуды на нихъ берешъ; ино вѣдь мы на то вамъ право наше дали, всей землѣ Кіевской [5]), што врадникъ нашъ не маетъ слугъ и людей князьскихъ, паньскихъ и боярскихъ ни судити, ни радити, а ни винъ и пересудовъ на нихъ брати....« [6]) Чиновникамъ королевскимъ потому было запрещено судить владѣльческихъ крестьянъ, что по статуту Казимира судили ихъ сами землевладѣльцы.

Какъ извѣстно, Судебникъ Казимира IV былъ замѣненъ Литовскимъ статутомъ, имѣвшимъ въ продолженіе XVI в. три редакціи. Ни одна изъ нихъ ни одною статьею не выговорила ничего въ пользу крестьянъ. Но сама жизнь указывала, что безъ ихъ содѣйствія не могутъ обойтись тѣ, кто искалъ ихъ порабощенія. Слабость исполнительной власти и недостатокъ твердаго правительства были причиною частыхъ и опустошительныхъ

---

[1]) Тамъ же стр. 282.
[2]) Тамъ же т. I, № 46, т. IV, № 66, 76 и др.
[3]) А. З. Р. т. I, № 133.
[4]) А. З. Р. т. II, № 159.
[5]) И не только Кіевской, но и Полоцкой, Витебской, Волынской и др. Подъ землею здѣсь разумѣется дворянство и мѣщане.
[6]) Тамъ же № 130.

наѣздовъ одного землевладѣльца на имѣнія другаго и захватъ его насильственнымъ образомъ. Послѣдствіемъ этого были жалобы въ городскій, или земскій судъ, или въ сеймъ. Органы суда пріѣзжали на мѣсто и возстановляли границы. Для доказательства правоты своего иска, истцы обыкновенно ссылались на старыхъ крестьянъ, или такъ-называемыхъ волостныхъ старцевъ, и по ихъ словамъ судьи составляли свои опредѣленія »такъ стары мужи повѣдають, издавна бывало и до сихъ мѣстъ« [1]). То же самое дѣлалось и при мирной передачѣ имѣнія изъ однихъ рукъ въ другія. Кромѣ старцевъ, имѣвшихъ юридическое значеніе, въ нѣкоторыхъ волостяхъ существовалъ общинный самосудъ и самоуправленіе, не взирая на то, что правительство и дворянство взирало на него враждебно и считало противузаконнымъ явленіемъ [2]). Собраніе крестьянъ и ихъ дѣйствія на мірской сходкѣ назывались копою, или купою, т. е. скопищемъ. При всемъ томъ, копы принимали дѣятельное участіе въ разныхъ юридическихъ вопросахъ, возникнувшихъ изъ правонарушеній. Крестьянская копа вызывала на свой судъ нерѣдко и самаго помѣщика и, въ случаѣ его неявки, постановляла приговоръ заочно [3]). При всемъ томъ однакожъ эти факты свидѣтельствуютъ не объ общемъ правилѣ, а объ исключеніи [4]).

Таковъ бытъ русскихъ крестьянъ до начала XVII столѣтія.

---

[1]) А. З. Р. т. I, № 71, 30; А. З. и Ю. Р. т. II, № 183; Ар. Сб. т. I, № 59 и др.

[2]) Указаніе на враждебность можно найти во множествѣ актовъ Кіевскаго центральнаго архива. По этимъ актамъ такіе крестьяне называются свавольными (своевольными).

[3]) См. о копахъ А. З. и Ю. Р. т. II, № 153; Ар. Сб. т. I, № 35, 58, 72 и др.

[4]) Иванишева: »Сельская община въ югозап. Руси въ XVI стол.«